

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Центр японских исследований

Советский
Союз
и Япония
во Второй
мировой
войне:
участие
и последствия

Москва
ИДВ РАН
2016

УДК 94(47+520)"1939/1945"
ББК 63.3(2)62+63.3(Япо)
С56

*Утверждено к печати
Учёным советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

к.воен.н. *А.Ф. Клименко*, к.и.н. *Е.В. Кобелев*, к.э.н. *И.В. Ушаков*

Редакционная коллегия:

д.и.н. *В.О. Кистанов*, к.и.н. *В.Н. Павлятенко*,
Т.И. Суркова

С56 Советский Союз и Япония во Второй мировой войне: участие и последствия. — М. : ИДВ РАН, 2016. — 184 с.

ISBN 978-5-8381-0314-7

Настоящее издание представляет собой сборник статей, подготовленных на базе докладов на Круглом столе, проведенном Центром японских исследований ИДВ РАН с участием сотрудников Центра и ряда ведущих отечественных экспертов.

Проанализирован широкий круг проблем, связанных как с участием Японии на восточноазиатском театре военных действий, так и с последствиями поражения Страны восходящего солнца во Второй мировой войне. Среди этих тем: советско-японский пакт о нейтралитете, угроза японской агрессии против СССР, Япония и проблема послевоенных границ в контексте современного международного права, выполнение Японией условий капитуляции и др.

Ключевые слова: Япония, Вторая мировая война, Тихоокеанский театр, нацистская Германия, Маньчжурский плацдарм, атомная бомбардировка Хиросимы, японские военнопленные, советско-японский пакт о нейтралитете, премьер-министр Абэ и 70-летие окончания Второй мировой войны.

Keywords: Japan, the World War II, Pacific theatre, Nazi Germany, Manchuria bridgehead, the atomic bombing of Hiroshima, the Japanese prisoners of war, Soviet-Japanese neutrality Pact, Prime Minister Abe, 70th anniversary of the end of World War II.

**УДК 94(47+520)"1939/1945"
ББК 63.3(2)62+63.3(Япо)**

ISBN 978-5-8381-0314-7

© Коллектив авторов, 2016
© ИДВ РАН, 2016

Содержание

<i>Зимонин Вячеслав Петрович</i> НАРАСТАНИЕ И СРЫВ УГРОЗЫ ЯПОНСКОЙ АГРЕССИИ ПРОТИВ СССР	5
<i>Кузьминков Виктор Вячеславович</i> СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЙ ПАКТ О НЕЙТРАЛИТЕТЕ В ЯПОНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	29
<i>Павлятенко Виктор Николаевич</i> СТАЛИНГРАД И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЯПОНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ	40
<i>Клименко Анатолий Филиппович</i> РОЛЬ МАНЬЧЖУРСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В ВОЙНЕ СССР ПРОТИВ ЯПОНИИ	59
<i>Кошкин Анатолий Аркадьевич</i> КАПИТУЛЯЦИЯ ЯПОНИИ: АТОМНЫЕ БОМБЫ ИЛИ СОВЕТСКИЙ БЛИЦКРИГ?	72
<i>Ким Ен Ун</i> К ВОПРОСУ О ВЫПОЛНЕНИИ ЯПОНИЕЙ УСЛОВИЙ КАПИТУЛЯЦИИ. РОЛЬ США	88
<i>Галицкий Владимир Прохорович</i> ЯПОНСКИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ В СОВЕТСКОМ ПЛЕНУ — ЗАЛОЖНИКИ ЧУЖОЙ ВОЛИ	102
<i>Плотников Алексей Юрьевич</i> ЯПОНИЯ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И ПРОБЛЕМА ПОСЛЕВОЕННЫХ ГРАНИЦ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В АТР (КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)	115

Гринюк Владимир Александрович

РУКОВОДСТВО И ПРЕССА ЯПОНИИ

О 70-ЛЕТИИ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 127

Кистанов Валерий Олегович

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА АБЭ

ПО СЛУЧАЮ 70-ЛЕТИЯ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ

МИРОВОЙ И ПРОБЛЕМА ПРИМИРЕНИЯ

ЯПОНИИ И КИТАЯ 150

Асмолов Константин Валерианович

«НЕОДЕРЖАННАЯ ПОБЕДА»

И КОРНИ АНТИЯПОНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО

МИФА ЮЖНОЙ КОРЕИ 169

ЗИМОНИН Вячеслав Петрович,
*доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
e-mail: vp-zimonin@mail.ru*

НАРАСТАНИЕ И СРЫВ УГРОЗЫ ЯПОНСКОЙ АГРЕССИИ ПРОТИВ СССР

Аннотация: В канун и в начале Второй мировой войны Советский Союз, не готовый к большой войне и не имевший в тот период реальных союзников, более того, подвергавшийся угрозе военного нападения с обоих флангов Евразии, причем сначала с дальневосточного направления, был вынужден не только жестко реагировать на японские вооруженные агрессивные акции, но и участвовать в дипломатической игре с Японией и ее союзниками в целях слома блока агрессоров и срыва угрозы японской полномасштабной войны против себя, причем делал это весьма искусно.

Ключевые слова: Япония, агрессия, СССР, жёсткий, реагирование, участие, дипломатия, срыв, блок, угроза, война.

RISE AND DISRUPTION OF THE THREAT OF JAPANESE AGGRESSION AGAINST USSR

Zimonin Viatcheslav, Doctor of History, Professor, Honorary Scientific Researcher of the Russian Federation

Annotation: During the years of the eve and the beginning of the World War II the Soviet Union, what on that period was not ready to a big war

and having not real allies, moreover meeting the threat of military attack from both flanks of EurAsia, and at first of all from the Far East direction, was forced not only to react strongly to aggressive Japanese military action, but also to participate in diplomatic game with Japan and its allies to block demolition of the aggressors and to thwart the threat of the Japanese full-scale war against themselves, and have made it very skillfully.

Key words: Japan, aggression, USSR, hard, measures, participation, diplomacy, crush, alliance, threat, war.

В уходящем году все мы активно участвовали в большом количестве российских и международных научных конференций, посвященных окончившимся победно для СССР и наших союзников 70 лет тому назад Великой Отечественной и самой кровопролитной в истории Второй мировой войн, победные точки в которых в вооруженной борьбе с агрессорами и в Европе, и в Азии поставили Вооруженные силы СССР. Наш «круглый стол» является, и это очень важно, своего рода эстафетной палочкой к подготовке и проведению научных мероприятий в связи с приходящимися на 2016 год. 85-летием начала японской агрессии в Маньчжурии, 75-летием развязывания гитлеровской Германией и ее сателлитами войны против Советского Союза, 75-летними годовщинами заключения советско-японского Пакта о нейтралитете, контрнаступления Красной армии в битве под Москвой, окончательно сорвавшей фашистские планы блицкрига, и начала Японией масштабной войны на Тихом океане.

Что касается истоков Второй мировой войны, то и в зарубежной, и в отечественной историографии, к сожалению, до сих пор существует ряд стереотипов, оставшихся от периода «холодной войны». Один из них, в чем-то оправданный, но далеко не создающий целостной картины, — европоцентристский подход, заключается в том, что главным виновником развязывания Второй мировой войны является гитлеровская Германия. В какой-то мере это объяснимо — нацистский режим принес неисчислимые бедствия народам Европы, и в первую очередь советскому народу, потерявшему в войне 26,7 млн человек. Однако не менее крупные людские и материальные потери понесли и народы Азии, в первую очередь Китай, дольше всех боровшийся с японской агрессией.

Как представляется, одной из причин существования названного, распространенного большей частью в неазиатских странах подхода к оценке причин и виновников минувшей мировой войны является недооценка сложности воздействия на военно-политическую обстановку тех лет всей совокупности факторов, в том числе японского фактора, в частности, его существенного влияния на принятие судьбоносных решений и гитлеровской верхушкой, и лидерами стран Запада, и советским руководством.

Вспомним, во-первых, что в самом начале 1930-х годов, когда Гитлер еще только рвался к власти, честолюбивые японские генералы уже приступили в Маньчжурии к реализации грандиозных планов мирового господства, согласно которым одним из объектов агрессии являлся СССР. Нет смысла здесь цитировать подробно меморандум премьер-министра, министра иностранных дел и колоний Японии генерала Г. Танаки (ветерана войны с Россией 1904—1905 гг.), от 25 июля 1927 г. императору, о содержании которого практически сразу узнало советское руководство. Напомню лишь, что, согласно меморандуму, сыгравшему роль своего рода «дорожной карты» участия Японии в мировой войне, текст которого опубликован в 8-м томе 100-томного труда японских военных историков «Официальная история войны в великой Восточной Азии», японские лидеры планировали после подчинения Китая «вновь скрестить мечи с Россией» [1].

Казалось бы, японская агрессия развивалась в полном соответствии с установками генерала Танаки. Именно Япония разожгла в начале 1930-х годов в Китае первые очаги гигантского вселенского пожара, который с рубежа 1 сентября 1939 г. (нападение Германии на Польшу) стал называться Второй мировой войной. И полыхали эти очаги неподалеку от дальневосточных границ СССР. Летом 1938 г. японский агрессор развязал приграничный вооруженный конфликт с СССР у оз. Хасан, а с мая 1939 г. и развернул крупномасштабные военные действия в Монголии. Все это вынуждало советское руководство рассматривать Японию как главную и постоянно растущую угрозу безопасности СССР, в условиях, когда с Германией развивались достаточно ровные и взаимовыгодные отношения.

У Японии, впрочем, как и у Германии, стратегия достижения конечной цели, которая, безусловно, подразумевала необходимость «скрестить мечи с Россией», не была, если не учитывать пропагандистской риторики, идеологически однозначной и прямолинейной. Оба агрессора стали сначала завоевывать стратегические плацдармы и присваивать ресурсы (природные, материальные, человеческие) у более удобных и слабых стран. Но об этом мир, в том числе СССР, узнал уже, так сказать, «задним числом». А в то время обстановка была отнюдь не проста для оценки и принятия решений.

Ставка советской дипломатии на создание во второй половине 1930-х годов системы коллективной безопасности не приносила, да, видимо, и не могла принести ожидаемого результата. В связи с чем? Главным образом, в связи с существованием государств, уже бесповоротно избравших путь военной экспансии, а также в связи с умиротворенческо-подстрекательской позицией «западных демократий», рассчитывавших на то, что военные стрелы агрессоров будут направлены против казавшегося более опасным для них идеологического противника — «коммунистического» Советского Союза.

При этом та, так называемая «мюнхенская», политика Запада зародилась отнюдь не в Мюнхене в сентябре 1938 г., а задолго до позорной «сдачи» ими Германии Чехословакии, а именно в период после вторжения Японии в сентябре 1931 г. в соседнюю по отношению к СССР Маньчжурию. Слабая реакция западных держав на колонизацию Японией этой части, а затем и расширение японской агрессии на весь север-восток Китая, объяснялась как раз надеждой на то, что, как и заявляли в Токио, вторжение в Китай было осуществлено с единственной целью — создания плацдарма для нападения на СССР. Следует подчеркнуть, что в Японии до сих пор 14-летнюю, по сути, войну против Китая официально называют «инцидентом». Более постыдного отношения к войне геноцида, унесшей жизни около 35 млн китайцев, история не знает.

Политика непротивления японской агрессии со стороны США, Великобритании и Франции и поощрение ими антисоветского курса оказали пагубное влияние на развитие всей международной ситуации в канун Второй мировой войны, что грозило неготовому в то

время к войне Советскому Союзу перспективами ведения войны на два фронта. Активизируя в благоприятных условиях внешнюю экспансию, японские правящие круги, а затем и пришедшее к власти в 1933 г. нацистское руководство Германии, взяли курс на милитаризацию своих стран, стали настойчиво нагнетать в обществе настроения военного психоза, культивировать «теорию исключительности» японской и германской наций, их превосходства над другими народами, мессианства по отношению к ним.

В 1936 г. Япония и Германия инициировали создание блоковой структуры, призванной координировать усилия агрессоров по подготовке и развязыванию мировой войны, дав ей приятное для слуха западных лидеров наименование «Антикоминтерновский пакт». После же того, как мюнхенским сговором был окончательно сломан один из немногих уже созданных, реальных механизмов системы коллективной безопасности — договорная «связка» Париж — Прага — Москва, а британо-франко-советские переговоры в Москве по созданию антифашистского альянса по вине, главным образом, Лондона к середине августа 1939 г. зашли в тупик, политическое руководство СССР было уже не в состоянии продолжать в новых условиях формирование системы коллективной безопасности с опорой на западные демократии и приняло вынужденное решение в одиночку ввязаться в затяжную игру с переговорами с агрессорами, давая в то же время жесткий отпор агрессивным акциям против себя японской военщины.

Летом 1939 г. советское руководство сочло необходимым пойти в ответ на настойчивые предложения руководства Германии на контакты с Берлином, приведшие к заключению 23 августа Договора о ненападении, тем более что не только на тайные контакты с гитлеровским режимом, но и на сговоры с ним одними из первых (не считая союзников по агрессивному блоку) уже пошли западные демократии, о чем Москве было известно из донесений разведки. Великобритания (сразу после заключения мюнхенского соглашения), Франция (6 декабря 1938 г.), Латвия и Эстония (в августе 1939 г.) подписали аналогичные декларации и соглашения о ненападении с Германией. США де-факто в течение месяца признали присоединение к Германии Австрии, так же быстро — расчленение Германией, Поль-

шей и Венгрией Чехословакии и незамедлительно (так же, как и Лондон с Парижем) — ликвидацию вермахтом ее остатков 15 марта 1939 г., а также оккупацию им района Клайпеда Литвы 22 марта, на остальную часть которой, кстати, претендовала Польша [2]. При этом Советскому Союзу приходилось учитывать в то время и ряд других факторов, в том числе фактор враждебно настроенной против него Польши, еще в 1934 г. заключившей аналогичный договор с Германией и всячески подталкивавшей ее к совместному походу на восток, и наиболее остро — фактор Японии, с которой уже более трех месяцев длился крупный вооруженный конфликт у монгольской реки Халхин-гол.

Таким образом, страны Запада, особенно США и Великобритания, выстраивая свою политику, проявили полное равнодушие к судьбе народов Северо-Восточного Китая, Монголии, да и Советского Союза. Более того, поощряя северное (как ими считалось, антисоветское) направление японской агрессии, они на протяжении всех 1930-х годов не только продолжали оказывать Токио экономическую помощь и прямую военную поддержку, но и многократно увеличили их размеры.

Продолжая «политику Мюнхена» на Дальнем Востоке, Вашингтон, Лондон и Париж оказывали значительную помощь агрессору, отказывая в этом Китаю. Например, закон о нейтралитете США в течение первых двух лет полномасштабной японо-китайской войны не давал возможности Китаю закупать оружие и военные материалы в США. В то же время Вашингтон поставлял в Японию все необходимое для осуществления ее агрессии. Только в 1937 г. США экспортировали в Японию свыше 5,5 млн т нефти и более чем на 150 млн иен станков. В 1937—1939 гг. они предоставили Японии военную помощь и стратегическое сырье на сумму 511 млн долл., что составило почти 70 % всего американского экспорта в эту страну. Вплоть до начала 1941 г. США продолжали подпитывать японских агрессоров стратегическими поставками. По китайским данным, в течение трех первых лет войны 70 % расходующего японской армией в Китае бензина поступило из США, а от поставленного Японии американского оружия погибли 54 % от числа всех погибших мир-

ных жителей Китая. Не менее 17 % стратегических материалов шло в Японию из Англии [3]. Советской дипломатией был сделан в то время правильный вывод, что «правительство Чемберлена совместно с фашистскими правительствами Германии и Италии заинтересованы вытащить Японию из затеянной ею опасной авантюры в Китае и толкнуть ее против СССР» [4].

Аналогичную политику они стали проводить с 1938 г. и в Европе, предательски передав не только безвозмездно, но и, как показало вскоре развитие события, в ущерб себе, Германии развитую в военно-промышленном отношении Чехословакию и наращивая экономическое сотрудничество с уже приступившем к захватам в Европе агрессором.

Страны Запада жестоко обманулись. Безусловно готовясь к войне против СССР, гитлеровская Германия прежде совершила блицкриг в западном направлении, оккупировав практически всю Европу, в том числе и соавтора мюнхенского сговора Францию, поставив под свой контроль огромные ресурсы европейских стран и приобретя неопределимый боевой опыт. То же самое произошло и на Востоке — 7 декабря 1941 г. Япония развязала войну против США и ее союзников в зоне Тихого океана.

СССР был единственным государством, выступившим в Лиге Наций за решительные санкции против Японии. Не получив поддержки со стороны европейских правительств и США, СССР принял односторонние меры. 21 августа 1937 г., спустя 1,5 месяца после развязывания Японией тотальной войны в Китае, был заключен советско-китайский Договор о ненападении. Советский Союз немедленно начал оказывать борющемуся Китаю реальную финансовую и военную помощь, включая поставки в отсроченный (а фактически безвозвратный) кредит вооружений, оказание советниками и добровольцами содействия в подготовке военных кадров. С октября 1937 г. по октябрь 1938 г. Советский Союз осуществил поставки, достаточные для вооружения 20 китайских дивизий [5]. Всего же советской боевой техникой и оружием были переоснащены ставшие самыми боеспособными 40 из 246 дивизий армии Чан Кайши, в том числе механизированная [6]. Для сравнения: помощь США и Вели-

кобритании Китаю была чисто символической. Так, с июля 1937 г. по январь 1938 г. Китай получил от США 11 самолетов, 450 тонн пороха и в 10 раз меньше финансов, чем от СССР [7].

По настойчивым рекомендациям Коминтерна и Советского Союза в Китае в августе—сентябре 1937 г. был создан Единый национальный антияпонский фронт. На Брюссельской конференции 19 государств, созванной в ноябре 1937 г. по просьбе Китая, обратившегося за помощью в Лигу Наций, в защиту китайцев вновь прозвучал лишь голос представителя Советского Союз [8]. В 1938 г. СССР предоставил Китаю заем на значительную в то время сумму в 100 млн долл. США и передал безвозмездно 100 тыс. долл.. В 1938—1939 гг. Китаю были предоставлены для приобретения советской боевой техники и оружия три кредита общим объемом 200 млн долл. США. В период между августом 1937 и январем 1939 гг. в Китай было поставлено советской боевой техники и оружия на сумму 300 млн руб., в том числе 361 самолет [9]. Всего же к 1942 г. из СССР в Китай были поставлены 1235 самолетов, 1600 орудий различных калибров, 1850 автомашин и тракторов, около 180 млн патронов, 31,6 тыс. авиабомб, около 2 млн снарядов и другие вооружение и материалы [10]. Именно в Китае еще в 1930-е годы Советским Союзом впервые была, по сути, отработана и продолжала развиваться схема «ленд-лиза», авторство которой в 1941 г. присвоили себе США!

В Китай были направлены тысячи военных советников, летчиков и технических специалистов. Именно советские летчики ликвидировали господство в небе Китая японской авиации, что резко снизило эффективность боевых операций сухопутных войск Японии. К середине февраля 1939 г. в Китае находились 3665 советников, инструкторов, военных летчиков и техников. Летом 1939 г. в Китай прибыли более 400 летчиков-добровольцев и авиатехников. Всего с 1937 г. по 1941 г. в Китае сражались свыше 700 советских летчиков-добровольцев, штурманов, стрелков-радиостов и авиатехников, более 200 из которых отдали свою жизнь за свободу и независимость китайского народа [11].

16 июня 1939 г., в период тяжелых боев по отражению советско-монгольскими войсками развернутой 11 мая 1939 г. агрессии

Японии против Монголии у реки Халхин-гол, был подписан советско-китайский торговый договор, что было важно в условиях захвата японцами практически всех крупных китайских портов и блокады побережья [12]. Поток советских грузов в Китай направлялся на советских автомашинах по специально построенной в короткие сроки шоссейной дороге через пров Синьцзян [13].

К началу апреля 1939 г. в оказании непосредственной военной помощи Китаю активно участвовали более 5000 советских а добровольцев, в том числе 46 военных советников высокого ранга. К октябрю 1939 г. советнический аппарат вырос до 80 человек [14].

Советские помощь и влияние позволили приостановить гражданскую войну в Китае и развернуть активные действия китайских вооруженных формирований против агрессора, в том числе провести войсками Компартии Китая в 1940 г. весьма успешную «Битву 100 полков» [15]. Все это способствовало срыву японского плана «блицкрига» — ликвидации Китая «за три месяца», втягивало Японию в затяжную войну и, разумеется, связывало руки агрессора в развертывании полномасштабной войны против СССР.

Руководство Японии понимало, что в случае развертывания агрессии против СССР ей не обойтись без поддержки мощного европейского союзника. В Токио все более укреплялись в надежде, что в своем стремлении занять господствующее положение в Европе Берлин сумеет приковать к себе вооруженные силы СССР, Англии и Франции, а это облегчит осуществление захватнических планов Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Гитлеровское руководство со своей стороны также, несмотря на имевшиеся у него интересы в зоне Тихого океана, на которые еще в начале Первой мировой войны посягнула Япония, видело в ней потенциального союзника, способного в нужный момент создать против СССР второй фронт на Востоке, ослабить его, увеличив тем самым удельный вес Германии в Европе. Разрастание двух очагов агрессии у восточных и западных границ СССР наряду с откровенной политикой потворства этому со стороны США, Англии и Франции реально угрожало созданием единого империалистического фронта борьбы против Советского Союза.

Главной задачей для советского руководства в этой ситуации стало недопущение формирования реального прочного военного союза между двумя главными агрессорами, первым практическим шагом к созданию которого стало заключение 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией упоминавшегося выше Антикоминтерновского пакта, к которому в 1937 г. присоединилась Италия, а за ней ряд других стран, в том числе (об этом редко упоминается) в феврале 1939 г. — подвассальная Японии и граничащая с СССР Маньчжоу-го [16], с чьей территории и развернулась спустя три месяца японская агрессия в районе монгольской реки Халхин-гол. Начавшиеся в Монголии за несколько месяцев до общепризнанной даты начала Второй мировой войны в Европе военные события завершились лишь спустя две недели после нападения Германии на Польшу. Антисоветская направленность Антикоминтерновского пакта полностью подтвердилась, когда стало известно сопровождавшее его специальное секретное соглашение, статья 1 которого прямо предусматривала совместные меры борьбы против СССР [17].

Смею утверждать с учетом этого фактора, что политический и военный курс советского руководства был на удивление выверенным и исключительно верным вплоть до самого кануна Великой Отечественной войны, включая и вынужденное в тех условиях подписание Договора о ненападении с Германией.

Срочный прилет министра иностранных дел Германии И. Риббентропа для подписания с Советским Союзом договора стало в значительной мере следствием успешного начала 20 августа советско-монгольскими войсками под командованием комкора Г.К. Жукова операции по разгрому японской 6-й армии в Монголии. Сочетанием военных и дипломатических акций СССР, таким образом, нанес мощный удар по блоковой политике Токио и Берлина, оторвав Японию от союза с Германией, утратившей и без того слабую из-за неудач японских войск в Китае веру в военную мощь восточного союзника. С другой стороны, восприятие японским руководством подписания Германией договора с СССР, т. е. с государством, противостоявшим Японии в ее агрессии в Монголии, как предательство со стороны Берлина, как вероломство и нарушение

положений направленного против СССР Антикоминтерновского пакта, по которому подписавшие его стороны обязались «без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения». Это привело к тому, что Япония вынуждена была сначала пойти на неоднократный перенос сроков развертывания полномасштабной войны против Советского Союза с развязыванием гитлеровской агрессии против него, хотя Германия и настаивала на этом, а затем не стала безоглядно следовать в русле германской политики, что вместе с заключением 13 апреля 1941 г. советско-японского Пакта о нейтралитете помогло СССР избежать войны на два фронта и выиграть в целом более полутора лет для укрепления боеспособности страны.

«В течение месяцев в японских политических кругах, — писал уже в октябре 1939 г., по горячим следам халхингольской войны американский аналитик Дж. Баллентайн, — велись споры по вопросу о желательности переведения Антикоминтерновского пакта с Германией и Италией в военный альянс. Заключение Германией (в августе 1939 г. — *В.З.*) пакта о ненападении с Советским Союзом, однако, привело в состояние бессмысленности берлинско-римско-токийский антикоминтерн, а также пошатнуло опору японских группировок, выступавших против Коминтерна. Действия Германии, которые, вероятно, были предприняты без согласования с Японией, явились резким, внезапным ударом для Японии, вызывая правительственный кризис, и породили мощный всплеск антигерманских настроений» [18]. «Возможно, — пишет далее Баллентайн, — что японско-советское перемирие (от 16 сентября 1939 г. в халхингольском конфликте. — *В.З.*) представляет собой принятие Японией условий России в результате давящей на Японию потребности найти выход из сложившейся затруднительной ситуации с Россией, обусловленной подписанием российско-германского пакта и последующей изоляцией Японии» [19].

Военное поражение Японии таким образом сопровождалось поражением политическим. 16 сентября 1939 г. (уже после начала Второй мировой войны) Япония была вынуждена пойти на заключение

соглашения о прекращении вооруженного конфликта в Монголии. Победа советско-монгольских войск во главе с блестящим советским полководцем Г.К. Жуковым имела огромное значение для судеб Второй мировой войны — она отняла у Гитлера важного союзника в предстоявшей войне против СССР. Помня уроки Халхин-гола, Япония так и не решилась вступить в нее в 1941 г., повернув острие своей агрессии на юг. С другой стороны, подписав с Германией Договор о ненападении, СССР, по сути, оторвал от Японии в критический для нее момент важного европейского союзника, ослабив фашистско-милитаристский блок в разворачивавшейся коалиционной мировой войне.

Однако до развертывания германской агрессии против СССР в течение около года Советский Союз провел еще одну, на мой взгляд, замечательную дипломатическую операцию, также способствовавшую выигрышу драгоценного времени для подготовки страны к неизбежной войне.

Нарочито открытая демонстрация сближения с Германией, тактический характер и временную ограниченность которого в Москве прекрасно понимали, не помогла наладить эффективное взаимодействие с британцами и французами в 1940 г. — начале 1941 г. В этих условиях Москва снова была вынуждена продолжать дипломатическую игру с Берлином, а заодно и с Японией, смысл которой теперь, после обретения пояса безопасности за счет возвращения в лоно СССР ранее принадлежавших России восточных воеводств Польши с украинским и белорусским населением, заключался в том, чтобы путем взаимовыгодных стратегических поставок лучше обеспечить обороноспособность СССР на случай войны с той же Германией, в чьих агрессивных намерениях сомнений не было. Любой здравый человек в советском руководстве понимал, что почти миллионные силы вермахта к западу от границ СССР явно избыточны для обеспечения оккупационного контроля над поверженными с минимальным сопротивлением территориями европейских государств и готовы к походу на восток.

Что касается Японии, то она, убедившись в решимости советского руководства максимально остро реагировать на исходящую с

ее стороны угрозу СССР, вынуждена была осознать, что добиться успеха в войне с Советским Союзом на рубеже 1930—1940-х годов она не в состоянии.

Между тем, сама возможность воспользоваться еще одним шансом оттянуть время неизбежной в будущем агрессии появилась не без инициативы Японии.

Вынужденный временный отказ Японии от агрессии против СССР, решающую роль в котором сыграли уроки событий на Хасане и особенно у реки Халхин-гол, а также заключение советско-германского Договора о ненападении, привели к усилению внимания Токио к южному направлению агрессии. Американский историк Дж. Макшерри считает, что «Демонстрация советской мощи в боях на Хасане и Халхин-голе имела далеко идущие последствия, показала японцам, что большая война против СССР будет для них катастрофой» [20]. Другой историк США А. Кукс пишет, что японское командование «немедленно сместило стратегический акцент от войны против России в направлении проникновения на юг». Он расценивает Халхин-гол как «поворотный пункт», связывая эти события с «последующим развитием войны на Тихом океане» [21].

Однако не все было так просто. В условиях начавшейся мировой войны и фактического отказа Германии начать в то время совместно с Японией войну против СССР военно-политическое руководство Японии стало судорожно просчитывать различные варианты возможного развития военных событий и места в них японского государства. В японской блоковой политике наступал кардинально новый этап.

Одной из самых «грандиозных схем», прорабатывавшихся в течение примерно года (с сентября 1939 г. по конец 1940 г.), была идея организации военного союза не только между Японией, Германией и Италией, но и ... Советским Союзом. Смысл идеи заключался в том, чтобы попытаться создать всемирную коалицию недемократических и антидемократических государств, к первой категории которых Токио не без основания относил СССР с его режимом сталинской диктатуры, а ко второй — фашистско-милитаристскую коалицию, противостоявшую «союзу демократических держав», возглавляемых Соединенными Штатами и Великобританией [22].

После того, как Германия 1 сентября 1939 г. вторглась в Польшу, а Советский Союз в ответ на это взял под свою защиту народы Западной Украины и Западной Белоруссии (фактически возвратил себе отнятые в годы интервенции Польшей российские земли), а затем Москва и Берлин сочли возможным найти взаимоприемлемое, хотя и временное решение, проведя по территории Польши границу между собой по «линии Керзона» (что оставляло этнические польские районы вне сферы СССР), и особенно после того, как А. Гитлер весной 1940 г. повернул направление фашистской агрессии на северо-запад Европы, Япония не могла рассчитывать на скорое военное столкновение между СССР и Германией.

Все это делало положение не имевшей мощных и надежных союзников Японии на Дальнем Востоке бесперспективным и подталкивало её к временной ревизии своих подходов к Советскому Союзу.

Были, однако, и другие соображения. Ввод советских войск на территорию Польши и фактический ее раздел в сентябре 1939 г., вооруженное вторжение СССР с ограниченными целями в пределы Финляндии (также являвшейся в свое время частью России) в 1939—1940 гг. и последовавшее за этим отторжение части ее близлежащих к советским границам земель создали для японского руководства видимость того, что военные действия Советского Союза (направленные исключительно на обеспечение безопасности своих западных границ) ничем не отличаются от агрессивного курса, по которому уже шли Германия, Италия, да и сама Япония. Также как у Германии, это создало у Японии иллюзию того, что Советский Союз при определенных условиях мог бы пойти на присоединение к анти-англо-американской коалиции и установление «нового глобального порядка», предусматривавшего деление мира на четыре зоны влияния. Здесь уместно заметить, что и названные, и последующие до начала Великой Отечественной войны территориальные приобретения Советского Союза были закреплены послевоенными решениями великих держав и Хельсинским Соглашением 1975 г. В то же время созданный как фашистский антикоммунистический альянс тройственный союз теперь представлялся японским так называемым «ревизионистам» «союзом всех сил, выступающих против... демократии» [23].

В японских военно-политических кругах нашлось немало сторонников такой идеи, выдвинутой прагматичными военными. Посол в СССР С. Того, посол в Италии Т. Сиратори, «ревизионисты» в японском МИДе считали, что сговор между Советским Союзом и Японией оказал бы психологическое давление как на Китай, так и на США и способствовал бы благополучному для японской стороны завершению непопулярной войны на китайской территории [24].

Редактор тесно связанной с военными кругами газеты «Хоти» Б. Мики 29 декабря 1939 г. в беседе с полпредом СССР в Японии К.А. Сметаниным, сославшись на многочисленные свои консультации с представителями военных и деловых кругов, высказал мнение, что для того, чтобы создать крепкий мир во всем мире, необходимо поделить этот мир на сферы влияния: отдать Германии Европу и Африку, Советскому Союзу — Юг, т. е. Турцию, Иран, территорию до Персидского залива и Индию, Японии — Восточную Азию, а США оставить Америку [25].

В ноябрьском за 1942 г. номере журнала «Коа» бывший посол Японии в СССР Ё. Татэкава в статье «Впечатления от СССР» писал: «При заключении японо-германо-итальянского военного союза шли разговоры о привлечении и СССР на сторону оси в целях использования последнего против союзных стран. Однако этого Германии (посол явно скромничает: впервые эта идея была выдвинута японцами. — В.З.) сделать не удалось вследствие чрезмерных требований со стороны Советского Союза» [26].

В докладной записке советника полпредства СССР Д.А. Жукова, хранящейся в фонде секретариата заместителя НКВД С.А. Лозовского за 1940 г., сообщается о «ширяющихся в японских военно-политических кругах настроениях в пользу нормализации отношений с СССР с тем, чтобы внимание последнего могло быть полностью обращено на европейские проблемы». Так, бывший посол Японии Т. Сиратори в интервью газете «Хоти» заявил, что «урегулирование отношений с СССР является для нас (Японии. — В.З.) самой неотложной задачей. Добившись отказа СССР от помощи Чан Кайши, мы должны добиться того, чтобы он двинул всю свою силу на запад и на юг Европы». В подобных высказываниях совет-

ник полпредства СССР видел проявления неудовольствия правящих кругов установлением «дружественных отношений между СССР и Германией», стремление добиться «ослабления внимания Советского Союза на дела на Дальнем Востоке» и заставить США и Англию, запуганных возможностью сближения Японии с СССР, «пойти на уступки Японии в дальневосточных делах» [27].

Д.А. Жуков отмечает далее, что стремление к нормализации отношений с СССР прослеживается в выступлениях в парламенте и в прессе высших руководителей Японии. Так, 16 января 1940 г. новый министр иностранных дел Японии Х. Арита заявил в интервью, что «исходя из новой ситуации, создавшейся в результате усиления советско-германского сближения, Япония... не без разумных на то оснований, должна была урегулировать отношения с Советским Союзом самостоятельным путем. Мы намерены сделать все возможное для урегулирования отношений с Советским Союзом». В том же духе высказывался 17 января на пресс-конференции только что занявший пост премьер-министра Японии адмирал М. Ионаи [28].

В то же время Х. Арита счел необходимым заявить в парламенте, что отношения Японии с Германией и Италией бесперерывно становятся «более сердечными, чем когда-либо с момента заключения Антикоминтерновского соглашения», а военный министр Хата твердо сказал парламентариям, что «кровь, пролитая в Номонхане (на Халхин-голе. — В.З.), никогда не будет забыта» [29].

В этих условиях естественным для Советского правительства было стремление сделать все для того, чтобы отвести японскую угрозу от своих границ, тем более что у японской стороны стали все более четко проявляться антиамериканские настроения, поддерживавшиеся немцами.

В «Обзоре внешней политики Японии за 1940 г.» советник полпредства СССР Я.А. Малик отмечает, что одним из элементов внешнеполитической программы «военщины и экстремистского лагеря» Японии является «временное урегулирование отношений с СССР для обеспечения северных границ Японии и концентрации всего внимания на южную экспансию». Полпред СССР К.А. Сметанин в докладе В.М. Молотову о беседах 3 и 6 июня 1940 г. с германским

послом генералом О. Оттом сообщал, что если 30 мая 1940 г. Отт выдвигал идею объединения СССР, Японии и Германии в противовес Англии и США, то теперь он говорил о блоке СССР, Японии и Чан Кайши при содействии Германии против США [30].

В докладной на имя С.А. Лозовского от 20 сентября 1940 г., анализируя отношение к СССР нового японского правительства во главе с Ф. Коноэ, в частности, высказывание министра иностранных дел Ё. Мацуоки, советник полпредства СССР Д.А. Жуков делает вывод, что «определенное желание» постараться достичь «какого-либо конкретного соглашения с СССР» имеет для японских правящих кругов цель, «закрепив свои позиции на севере, сосредоточить свое внимание на разрешении китайской проблемы и на южной экспансии» [31]. В этот период в том же направлении повысил активность, причем явно с подачи японских «друзей», германский посол О.Отт. К.А. Сметанин в дневнике от 30 декабря 1940 г. пишет, что 28 декабря 1940 г. на завтраке в полпредстве СССР в ответ на напоминание германского посла О.Отта о прежних беседах относительно «необходимости освобождения японцев от давления на них на севере с тем, чтобы они могли быть более свободными на юге», он «в осторожной форме» заметил, что «осуществление стремления на юг с урегулированием северных вопросов зависит во многом от японцев» [32]. Кстати, фраза «в осторожной форме» свидетельствует о том, что советский полпред, очевидно, не имел конкретных указаний правительства СССР вести прямые и серьезные переговоры о четырехстороннем союзе. Очевидно, что советское руководство отдавало себе отчет (а дипломаты ориентировали его в этом духе) в том, что Япония ведет по отношению к СССР «политику с двойным дном». «Как мне кажется, — справедливо отмечает Д.А. Жуков, — это желание урегулировать отношения с СССР, высказываемое некоторыми “трезвыми политиками” из правящей клики Японии, не отодвигает, конечно, на задний план желание отомстить за «кровь, пролитую на Хасане и у Номонхана», как заявил бывший военмин Хата на последней сессии парламента. Желание урегулировать отношения с СССР диктуется необходимостью, страстным стремлением поскорее покончить с китайской авантюрой, развязав себе руки, получить

кое-какие выгоды из второй империалистической войны, без чего Япония не в состоянии поправить свою экономику, расшатанную китайской авантюрой» [33].

После заключения тройственного пакта Германия также приняла настойчивые попытки привязать СССР к фашистскому блоку. Осенью 1940 г., когда стало ясно, что Гитлеру не удастся разгромить Великобританию, когда итальянские войска потерпели фиаско в Греции, а в Северной Африке были скованы британскими силами, когда англичане ввели свои соединения в Грецию и высадились на острове Крит, а в Китае японское наступление замедлилось, успехи стран оси не казались столь уж бесспорными, как летом. Однако и без этого И.В. Сталин не собирался связывать СССР тройственным пактом и подписывать соглашение, которое ввергало страну в войну и сталкивало с Англией и США. Но и наотрез отклонить предложение Гитлера он не мог, так как Советский Союз нуждался в немецкой технологии, а также в образцах оружия и военной техники.

Руководство СССР стремилось прощупать возможность новых договоренностей с германскими лидерами. Именно с этой целью состоялся визит главы советского правительства и наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова в Берлин 12—14 ноября 1940 г. В директивах к берлинской поездке, изложенных Молотову И.В. Сталиным, ставилась задача осуществить серьезный зондаж дальнейших намерений германских партнеров. Советское руководство поднимало вопрос о закреплении и расширении сферы интересов СССР на основе дальнейшего развития сотрудничества с Германией. При этом Москва добивалась включения в эту сферу Финляндии (где дело считалось решенным не до конца), стран Юго-Восточной Европы, в первую очередь Болгарии. «Болгария — главный вопрос переговоров, должна быть, — отмечал Молотов, — по договоренности с Германией и Италией, отнесена к сфере интересов СССР на той же основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию». Кроме того, советское руководство заявило об интересе к вопросам Ирана, Греции и Югославии [34].

В Берлине В.М. Молотов провел беседы с А. Гитлером и И. Риббентропом. Он настойчиво ставил вопросы о возможности новых советских акций против Финляндии, о включении Болгарии в сферу интересов СССР путем предоставления ей соответствующих гарантий, об учете советской заинтересованности в судьбе Румынии, Венгрии, Турции. В беседе с Риббентропом Молотов подчеркнул: «По мнению советского правительства, ...установление сфер интересов между СССР и Германией, происшедшее в 1939 году, касалось определенного этапа. Это разграничение, принятое в прошлом году, исчерпано в ходе событий 1939—1940 годов, за исключением вопроса о Финляндии, который еще полностью не решен...». Советский нарком ставил вопрос о новом «разграничении сфер интересов на длительный срок» с учетом обязательств участников тройственного пакта [35].

В результате зондажа, как и ожидалось, стало ясно, что нацистские лидеры вовсе не собирались предоставить Советскому Союзу ту сферу влияния, на которую он претендовал. В отношении Финляндии Гитлер раздраженно подчеркивал заинтересованность Германии в ней якобы для сохранения мира на Балтике. Что касается советских гарантий Болгарии, то он ссылаясь на необходимость консультаций с Муссолини и согласия самой Болгарии. Гитлер отметил, что «Германия в ходе борьбы с Англией должна идти и туда, куда она не хотела бы идти, но она временно из-за интересов борьбы против Англии вынуждена это делать — на Балканы» [36]. Риббентроп усиленно подталкивал Молотова к вступлению Советского Союза в борьбу против Англии, полагая, «что центр тяжести аспираций СССР лежит в направлении на Юг, т. е. к Индийскому океану» [37] через Персидский залив. Тем самым достигалось бы ослабление двух основных противников Германии, одного — действующего, другого — потенциального. Кроме того, в заключительной беседе с Молотовым Риббентроп выдвинул идею соглашения между участниками тройственного пакта и Советским Союзом о взаимном уважении сфер влияния четырех держав [38].

Смысл предложений Германии, а они соответствовали интересам и Японии, состоял в том, чтобы побудить СССР перенести

центр тяжести своей внешней политики из Европы в Южную Азию и на Средний Восток, где он столкнулся бы с интересами Великобритании. Естественно, это никак не устраивало СССР. Советский нарком иностранных дел не дал какого-либо определенного ответа на все предложения в Берлине, ссылаясь на необходимость обсудить их в Москве.

Ответ Советского правительства был передан 25 ноября. Формально СССР выразил готовность «принять проект пакта четырех держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи», но выдвинул ряд условий, по существу исключавших его присоединение к тройственному пакту, ибо эти условия затрагивали интересы Германии. Так, Советский Союз вновь потребовал оказать содействие в заключении советско-болгарского договора о взаимной помощи, создания режима благоприятствования для СССР в черноморских проливах, а для этого — гарантировать базу в Босфоре и Дарданеллах на условиях долгосрочной аренды для некоторого количества военно-морских и сухопутных сил СССР. Особо подчеркивалось, что «зона к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива признается центром территориальных устремлений СССР». Советский Союз требовал немедленно вывести немецкие войска из Финляндии, оказать давление на Японию с тем, чтобы та отказалась от концессий на Северном Сахалине [39].

Визит В.М. Молотова в Берлин выявил советско-германские противоречия. Документ Советского правительства свидетельствует о том, что условия, выдвинутые Советским Союзом, закрывали Гитлеру дорогу на Балканы и в нефтеносные районы Среднего Востока, не позволяя ему использовать как эти районы, так и территории, входившие в советскую «сферу интересов», против самого СССР. И ответ СССР, и весь ход переговоров в Берлине ясно давали понять Гитлеру и его окружению, что Советский Союз отвергает предложения Германии, что он не уйдет из европейской политики и будет отстаивать свои интересы в этой важнейшей части мира. Английский посол в Москве С. Криппс, докладывая в Лондон о визите В.М. Молотова в Берлин, писал, что для Германии «результаты встречи были отрицательными» [40].

Известно, что после прочтения ответа из Москвы Гитлер сказал одному из своих ближайших соратников, генералу Ф. Гальдеру: «Сталин — умный и коварный человек. Он все больше и больше требует» [41]. В Берлине поняли, что Советский Союз не намерен послушно следовать предписаниям Третьего рейха и отказываться от своей активной политики в Европе. Ответ на советские условия так и не был получен в Кремле, зато Гитлер отдал приказ форсировать подготовку к войне против СССР.

Нет сомнения, что курс японского и немецкого правительств, направленный на подключение Советского Союза к фашистскому блоку, был на данном этапе выгоден для СССР. Он был крайне заинтересован в том, чтобы на максимально длительное время отвести от себя угрозу крупной войны на Западе и Востоке и стремился использовать это время для укрепления безопасности своих границ, развертывания военного производства и усиления армии и флота. Несомненно, тактика Советского правительства, принятая для ведения переговоров, дала положительные результаты, но, конечно, не смогла обеспечить решение всех проблем, стоявших перед Советским Союзом.

Очевидно, что США чувствовали опасность для себя от возможного сближения Японии с СССР и предпринимали соответствующие меры. В частности, осенью 1940 г. большое внимание политиков привлекали встречи заместителя госсекретаря США С. Уэллеса с советским послом в Вашингтоне К. Уманским. Близкая к правящим кругам японская газета «Мияко» писала 10 сентября 1940 г., что эти встречи были организованы для того, чтобы отвлечь Советский Союз от тоталитарных держав и заставить его сдерживать продвижение Японии на юг. Газета сообщала, что США с целью приостановить продвижение Японии на юг проводят секретную подготовку по созданию антияпонского фронта, включающего Британию, Советский Союз, Канаду и Австралию.

Таким образом, Советский Союз, несмотря на, казалось бы, выгоду предложений со стороны Берлина и Токио и очевидную легкость их реализации при желании, не пошел на сделку с фашизмом за счет интересов других стран и считал необходимым ограни-

читься возвращением своего влияния на государства в пределах бывших территорий России, причем исключительно в целях повышения безопасности своих западных границ. С другой стороны, Советский Союз не дал в обиду дружественный Китай, не оставил шансов Японии напасть на себя и обеспечил отсрочку ее агрессии против США и стран Юго-Восточной Азии.

Следует также подчеркнуть, что, с другой стороны, дипломатические маневры вокруг выглядящей с точки зрения сегодняшнего дня бредовой идеи подключения Советского Союза к фашистской коалиции не отразились ни в коей мере на темпах военных приготовлений Японии вблизи советской границы, которые наращивались вплоть до принятия окончательного решения японского военно-политического руководства развязать войну на Тихом океане и не снижались до конца 1943 г. В Токио решили лишь несколько изменить тактику: выждать нападения на Советский Союз фашистской Германией и затем вероломно ударить ему в спину с тем, чтобы он, «подобно перезревшей хурме, сам упал к ногам японских завоевателей».

Со своей стороны, гитлеровское руководство использовало переговоры с Москвой для маскировки подготовки к нападению на СССР. В декабре 1940 г. А. Гитлер подписал окончательный вариант «плана Барбаросса» — плана нападения на СССР [42], точную дату начала которого советскому руководству во главе с И.И. Сталиным, к сожалению, определить не удалось.

Примечания

1. См. об этом подробнее: Дайтоа сэно кокан сэн си [Официальная история войны в великой Восточной Азии]. В 110 т. Токио, 1960—1980-е гг. Т. 8. С. 138—139.

2. См.: Вторая мировая война. Материалы в помощь лекторам. М.: Патриот, 2009. С. 35.

3. См.: Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. М.: Кучково поле, 2012. С. 175; История Второй мировой войны 1939—1945. В 12 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1974. С. 40; *Бутурлинов В.Ф., Вартанов В.Н., Зимонин В.П. и др.* Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Военно-полити-

ческий очерк. М.: ИВИ МО, 1989. С. 14—15; *Зимонин В.П.* Последний очаг Второй мировой. М.: Изд. ГШ ВС РФ, 2002. С. 38.

4. Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 9. Оп. 29. Д. 47. Л. 97.

5. *Мировицкая Р.А.* Советский Союз и Китайская Республика. 1930-е годы, проблемы внутривосточной стабильности в Китае // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 21.

6. *Сотникова И.Н.* Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937—1945 гг. // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. С. 43.

7. *Сапожников Б.Г.* Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937—1939). М., 1977. С. 76.

8. Советский Союз накануне великих испытаний. М., 2004. С. 123.

9. См.: СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны: Документы и материалы. М.: Изд-во полит. литер., 1971. С. 167—175.

10. *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917—1974). М., 1977. С. 138.

11. См.: *Бородин Б.А.* Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне 1937—1941 гг. М., 1965. С. 169; *Калягин А.Я.* По незнакомым дорогам: (Записки военного советника в Китае). М., 1979. С. 86—87; Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 3. С. 108; *Зимонин В.П.* Последний очаг Второй мировой. С. 37.

12. *Сладковский М.И.* Указ. Соч. С. 133—135.

13. *Мировицкая Р.А.* Указ. Соч. С. 21.

14. ЦХИДК. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1050. Л. 37; Д. 1303. Л. 21; Русско-китайские отношения в XX в. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937—1944. М., 2000. С. 308—309.

15. См.: *Бутурлинов В.Ф., Вартаков В.Н., Воложанин И.Н., Зимонин В.П. и др.* Вооруженные силы Китая. История и современность. М.: ИВИ МО, 1989. С. 37—38, 43.

16. War in Asia and the Pacific. 1937—1949. A Fifteen Volume Collection / Ed. by *Detwiler D. and Burdick Ch.* Vol. 2. Political Background of the War. Appendix No. 1. Hirota Cabinet's National and Foreign Policies. N.Y., 1966. P. VII.

17. Дипломатический словарь. М., 1984. Т. 1. С. 89—90.

18. The Far East Situation. Lecture Delivered 17 Oktober 1939 by *Mr. Joseph W. Ballantine* at the Naval War College. Newport, R.I. 3881-3281/10-18-39. P. 22.

19. Ibid. P. 25.

20. *MacSherry J.* Stalin, Hitler and Europe. Vol. 1. The Origins of World War II 1939—1945. Cleveland (Ohio): World, 1968. P. 22.

21. *Coox A. Nomonhan: Japan Against Russia, 1939.* Stanford: Stanford University Press, 1985. Voluemes 1&2. Supercover.
22. *MacSherry J. Stalin, Hitler and Europe.* Vol. 1. The Origins of World War II 1939—1945. P. 83.
23. *MacSherry J. Stalin, Hitler and Europe.* Vol. 1. The Origins of World War II 1939—1945. P. 83—84.
24. Ibid. 84.
25. АВП РФ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 89. Л. 64.
26. Там же. Ф. 146. Оп. 29. Д. 31. Л. 557.
27. Там же. Ф. 9. Оп. 2. Д. 86. Л. 56.
28. Там же. Л. 56—57.
29. Там же. Л. 57—58.
30. Там же. Оп. 3. Д. 165. Л. 101.
31. Там же. Оп. 2. Д. 86. Л. 66—67.
32. Там же. Оп. 3. Д. 162. Л. 104.
33. Там же. Оп. 2. Д. 86. Л. 66—67.
34. Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. М.: Международные отношения, 1998. С. 30—32.
35. Там же С. 41.
36. Там же С. 49.
37. Там же С. 73.
38. Там же С. 79.
39. Там же. С. 136—137; Внешняя политика СССР: Сб. документов. Т. IV (1935 — июнь 1941) / Сост. *А.С. Тисминец; отв. ред. С.А. Лозовский.* М.: Типограф. газ. «Правда», 1946. С. 547.
40. История дипломатии: Дипломатия в годы Второй мировой войны. Т. 4 / *Гонионский С.А., Земсков И.Н., Израэлян В.Л., Кобляков И.К.* и др.; Под ред.: *Громыко А.А., Земсков И.Н., Зорин В.А., Семенов В.С., Харламов М.А.* 2-е изд. М.: Политиздат, 1975. С. 154.
41. Цит. по: Правда. 1941. 13 января.
42. Мировые войны XX века: в 4 кн. / [Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Ассоц. историков Первой мировой войны, Ассоц. историков Второй мировой войны]; редкол.: *В.А. Золотарев* [и др.]; рук. проекта *О.А. Ржевский.* М.: Наука, 2005. Кн. 4: Вторая мировая война: документы и материалы / Отв. ред. *М.Ю. Мягков; сост. Ю.А. Никифоров.* С. 124—128.

КУЗЬМИНКОВ Виктор Вячеславович,

PhD по политологии, старший научный сотрудник

Центра японских исследований ИДВ РАН

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЙ ПАКТ О НЕЙТРАЛИТЕТЕ В ЯПОНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема толкования в японской историографии Советско-японского пакта о нейтралитете, одной из наиболее спорных проблем российско-японских отношений. На основе комплексного анализа множества документов автор излагает свою точку зрения в отношении останковки действия пакта о нейтралитете и даёт оценку аргументации представителей академического сообщества Японии.

Ключевые слова: историография, агрессор, вступление в войну, правомерность, пакт о нейтралитете, переговоры, соблюдение, денонсация, союзники, мировое устройство, обязательства, СССР, США, Устав ООН, Япония.

13 апреля 1941 г. между СССР и Японией был подписан пакт о нейтралитете. 25 апреля 1941 г. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией был одновременно ратифицирован в обоих государствах. Согласно статье 3 пакта срок действия пакта определялся в пять лет и «если ни одна из договаривающихся сторон не денонсирует пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продлен-

ным на следующие пять лет» [1]. Фактически это означало, что даже в случае его «денонсации» [2] одной из сторон, пакт продолжал бы иметь силу до 25 апреля 1946 г.

В отличие от пакта о ненападении, пакт о нейтралитете представлял собой более узкий документ, не предполагавший решения вопроса о принадлежности южной части Сахалина и Курильских островов, на которые претендовал СССР. Главным элементом советско-японского пакта о нейтралитете была его статья 2, текст которой гласил: «В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта» [3].

Однако война на Тихом океане совсем не подпадала под эту формулировку, так как Япония выступала не «объектом», а субъектом действия. Причём не просто субъектом, а субъектом-агрессором. Так, 7 декабря 1941 г. Япония вероломно совершила нападение на базы ВМС США и Великобритании в бассейне Тихого океана и в Юго-Восточной Азии. После нападения Японии на США и Великобританию вторая японо-китайская война стала частью Второй мировой войны, а Япония — агрессором, развязавшим войну против Китая, США и Великобритании.

Японская историография традиционно обвиняет СССР/Россию в нарушении пакта о нейтралитете, аргументируя свою позицию тем, что «хотя Советский Союз и денонсировал данный пакт, вступивший в силу 25 апреля 1941 г., он всё равно должен был сохранять юридическую силу в течение всех пяти лет до 25 апреля 1946 г. То есть, хотя в памятной записке от 5 апреля 1945 г. Правительство СССР действительно уведомило Японию о своём желании не продлевать пакт о нейтралитете, с юридической точки зрения он всё ещё сохранял свою силу. Поэтому очевидно, что объявление Советским Союзом войны Японии 9 августа 1945 г. было нарушением положений пакта о нейтралитете между Японией и СССР» [4]. Следовательно, действия Советского Союза являются незаконными.

Обвиняя Советский Союз в нарушении пакта о нейтралитете, японская историография пытается представить Японию жертвой,

подорвать авторитет СССР/России в отношении соблюдения Москвой международных договорных обязательств. Эти обвинения носят искусственный характер, поскольку игнорируют международную ситуацию, сложившуюся на тот момент в мире.

Напомним, что, согласно пакту о нейтралитете, СССР обязался соблюдать нейтралитет в случае, если Япония «окажется объектом военных действий». Однако Япония оказалась не объектом, а субъектом-агрессором, развязавшим Тихоокеанскую войну. В связи с этим видный российский востоковед, академик С.Л. Тихвинский пишет: «С декабря 1941 г. этот пакт уже не накладывал на Советский Союз никаких обязательств и превращался в пустой лист бумаги, так как Япония сама вероломно напала 7 декабря 1941 г. на США и Великобританию, к тому времени ставших союзниками нашей страны по антигитлеровской коалиции» [5].

Японское же правительство стало рассматривать этот пакт как «пустой лист бумаги» ещё раньше, а именно, сразу же после нападения Германии на СССР [6]. Так, например, 22 июня 1941 г. получив сообщение о начале германского вторжения в СССР, министр иностранных дел Японии Мацуока Ёсукэ, который собственноручно подписывал пакт о нейтралитете, прибыл к императору и стал убеждать монарха начать наступление на Россию [7]. И только отсутствие единогласной поддержки в правительстве оставило планы Ё. Мацуока не осуществлёнными.

2 июля 1941 г. на совещании у императора председатель Тайного совета К. Хара прямо призвал к войне против Советского Союза, невзирая на пакт о нейтралитете. В частности, он заявил: «Кто-то может сказать, что в связи с пактом о нейтралитете было бы неэтично нападать на Советский Союз... Если же мы нападём на него, никто не сочтёт это предательством. Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по СССР. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен» [8].

На этом совещании единогласно был принят секретный документ «Программа национальной политики империи», в котором провозглашалось, что Япония будет «скрытно усиливать военную подготовку против СССР» и «если германо-советская война будет

развиваться в направлении, благоприятном для империи, то Япония вооружённым путём разрешит северную проблему» [9]. Таким образом, японское командование полным ходом готовилось к войне против СССР, выжидая удобного момента для нанесения смертельного удара.

Разработанный летом 1941 г. оперативно-стратегический план войны против СССР имел кодовое наименование «*Кантогун токубэцу энсю*» (Особые манёвры Квантунской группировки войск) — сокращённо «*Кантокуэн*» [10]. В соответствии с этим планом в течение июля—августа численность солдат и офицеров Квантунской группировки войск была увеличена почти в 2,5 раза, составив 850 тыс. человек [11].

В связи с этим Советский Союз на протяжении всей войны против нацистской Германии был вынужден держать у своих границ на Дальнем Востоке значительные вооружённые силы. В общей сложности их численность в разные периоды войны составляла от 15 до 30 % боевых сил и средств СССР [12]. Отвлекая столь необходимые на советско-германском фронте советские силы, Япония оказывала активную и существенную помощь нацистской Германии.

Этот факт признают некоторые современные японские историки. В многотомном труде «Официальная история войны в великой Восточной Азии» признаётся, что «в основе отношений между Японией и Германией лежала общая цель — сокрушить Советский Союз... В военном министерстве считали, что Япония должна способствовать успехам германской армии... Под верностью Тройственному пакту понималось стремление не уступать Англии и США, обуздать их силы в Восточной Азии, сквозь армию Советского Союза на Дальнем Востоке и, воспользовавшись удобным моментом, разгромить её» [13].

Японские историки консервативного толка утверждают, что соблюдение Японией пакта о нейтралитете с Советским Союзом позволило последнему одержать победу над гитлеровской Германией [14]. Так, например, профессор Университета Ниигата Хакамада Сигэки в своей статье в газете «Санкэй симбун» пишет: «Несмотря на то, что Япония заключила союз с Германией, она соблюдала пакт о нейтра-

литете, заключённый с Советским Союзом, даже во время войны между Германией и СССР. Это стало одной из причин, позволившей Советскому Союзу одержать победу в войне с Германией» [15].

Такое утверждение не соответствует действительности. Помимо вышеуказанных фактов наращивания вооруженных сил на границе с Советским Союзом, японские власти стали открыто саботировать осуществление решений по некоторым, ранее согласованным вопросам в советско-японских отношениях, в частности о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. Советско-японский пакт о нейтралитете был нужен Японии лишь для прикрытия военных приготовлений против СССР. «За 4 года со времени его подписания части и подразделения квантунской группировки войск 779 раз нарушали сухопутную границу, а самолеты военно-воздушных сил Японии 433 раза вторгались в воздушное пространство СССР» [16].

Японцы потопили много судов, шедших в СССР из США или с советского Дальнего Востока на Север и на Камчатку. В Гонконге были захвачены советские торговые суда, стоявшие на ремонте. Советский транспорт торпедировали, а моряков, которые выбрались на японский берег, интернировали. И в Москве, и в эвакуации в Куйбышеве японские дипломаты занимались разведывательной деятельностью. Отдельная тема разговора — это военное сотрудничество Японии с гитлеровской Германией, планирование и подготовка войны против СССР вплоть до конца 1943 г. [17]. Такими своими действиями Япония грубо нарушила первую статью советско-японского пакта о нейтралитете о том, что «обе договаривающиеся стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны» [18].

Этот факт отчасти признаётся некоторыми японскими историками. Так, профессор Ц. Хасэгава в своей монографии «Проблема северных территорий и японо-российские отношения» пишет: «Япония, также как и СССР, использовала пакт о нейтралитете лишь для отвода глаз, поэтому в случае необходимости без терзаний совести рассчитывала аннулировать свои обязательства. Безусловно,

пакт о нейтралитете нарушил СССР, а не Япония. Однако это не значит, что Япония может обвинять СССР в нарушении пакта о нейтралитете с позиций блюстителя закона» [19].

Кроме того, при оценке этого политического шага Советского Союза недостаточно ограничиться одной лишь констатацией этого факта. Его надо рассматривать в контексте международной ситуации, сложившейся к тому времени.

Готовясь к войне с Японией, советское правительство стремилось соблюсти нормы международного права. Поэтому 5 апреля 1945 г. нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов принял японского посла Сато Наотакэ (1942—1945) и от имени Советского правительства заявил о денонсации пакта о нейтралитете, что было предусмотрено статьёй 3 пакта. В заявлении советского правительства указывалось, что пакт был заключен «до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и Соединёнными Штатами Америки — с другой». Советским Союзом было заявлено, что с момента подписания пакта о нейтралитете «обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в её войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого пакта стало невозможным...» [20].

Официальное объявление о денонсации пакта о нейтралитете за четыре месяца до согласованного с союзниками срока вступления в войну «рассматривалось в Москве как серьёзное предупреждение японскому правительству» [21]. Ведь денонсация пакта о нейтралитете вполне отвечала японским представлениям о начале войны. Поскольку, согласно японской логике, подобные действия являются «молчаливым выражением воли к войне» [22]. Именно так Япония поступила, развязав вероломные войны в отношении России в 1904 г., и в отношении США в 1941 г.

После денонсации пакта о нейтралитете японский МИД стал искать способы сохранить нейтралитет Советского Союза. С этой целью японское правительство не раз обращалось к СССР с прось-

бой оказать посредничество в мирных переговорах между Японией и США. Кроме того, делались попытки «разобщить» союзников.

В принятом 20 апреля 1945 г. Высшим советом Японии по руководству войной документе «Общие принципы мероприятий в случае капитуляции Германии» прямо ставилась задача: «Приложить усилия к тому, чтобы умелой пропагандой разобщить США, Англию, СССР и подорвать решимость США и Англии вести войну» [23].

Все эти попытки были обречены на провал, поскольку к тому времени Советский Союз уже давно входил в антияпонскую коалицию государств, стремившихся положить конец кровопролитию Второй мировой войны. В этой связи вступление Советского Союза в войну против Японии, безусловно, способствовало скорейшему завершению войны.

С 25 апреля по 26 июня в Сан-Франциско прошла конференция, на которой, во исполнение решения Ялтинской конференции 1945 г., была создана Организация Объединенных Наций, принят Устав ООН, и состоялось его подписание. Устав ООН стал важнейшим документом, подтвердившим обоснованность вступления Советского Союза в войну против Японии. Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал Устав ООН 20 августа 1945 г.

Формально Устав ООН вступил в силу 24 октября 1945 г. Однако в главе XVII Устава ООН «Мероприятия по безопасности в переходный период» была зафиксирована процедура принятия политических решений союзниками до фактического вступления в силу Устава. Под «переходным периодом» имеется в виду период с момента подписания Устава ООН 26 июня 1945 г. на конференции в Сан-Франциско до момента его ратификации парламентами государств-подписантов и вступления в силу 24 октября 1945 г. Это был период, когда ещё не были созданы и не работали такие важнейшие институты ООН, каким, в частности, является Совет Безопасности. Следовательно, Устав ООН как норма обычного и отчасти договорного международного права уже действовал к началу войны СССР с Японией.

Статья 106 главы XVII Устава ООН гласит, что «Впредь до вступления в силу таких упомянутых в статье 43 особых соглашений, ка-

кие, по мнению Совета Безопасности, дают ему возможность начать осуществление своих обязанностей, согласно статье 42, участники Декларации Четырёх Держав, подписанной в Москве 30 октября 1943 г., и Франция будут, в соответствии с приложениями пункта 5 этой Декларации, консультироваться друг с другом и, в случае необходимости, с другими Членами Организации с целью таких совместных действий от имени Организации, какие могут оказаться необходимыми для поддержания международного мира и безопасности». «Четыре Державы» — это СССР, США, Великобритания и Китай. Таким образом, уже с момента подписания Устава ООН любой подписант (в частности — СССР) по результатам консультаций с США, Великобританией, Китаем, Францией или другими членами ООН был обязан действовать так, как если бы он действовал в соответствии с резолюцией будущего Совета Безопасности.

Устав требовал от членов ООН совместных, коллективных мер против агрессора. Одна из основных задач ООН, сформулированная в статье 1 Устава ООН, гласит, что Члены Организации должны «принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира» [24].

Остановка действия пакта о нейтралитете и другие действия Советского Союза в отношении Японии были правомерны: СССР вступил в войну с Японией на основании обязательств, данных союзным державам в Ялте; эти его действия вытекали из положений Устава ООН (ст. 1 и ст. 103), принятых на конференции в Сан-Франциско 26 июня 1945 г. ещё до вступления СССР в войну против Японии. Именно в соответствии с Уставом ООН (ст. 77 и ст. 107) было произведено изъятие у Японии территорий в качестве меры наказания за агрессию, зафиксированное в Ялтинском соглашении [25].

Более того, действия СССР являлись правомерными в силу неисполнения Японией ряда положений пакта о нейтралитете, в частности статьи 1, которая гласила, что «договаривающиеся стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность». Этот факт был зафиксирован в документах приго-

вора Токийского военного трибунала. В частности было отмечено, что Япония заключила пакт о нейтралитете «будучи далеко не нейтральной, какой она должна была быть в соответствии с пактом» и «оказывала значительную помощь Германии», продолжая активную подготовку к войне против Советского Союза.

Вопреки очевидным фактам, японские историки консервативного толка, публикации которых доминировали на страницах японской прессы в послевоенный период, не признают законности действий Советского Союза в отношении пакта о нейтралитете. Следовательно, все действия СССР после его вступления в войну против Японии характеризуются ими как «произвол сталинизма» [26].

Попытки японской историографии представить действия Советского Союза в отношении Японии как «произвол сталинизма» являются обычным пропагандистским приёмом. Действительно, процесс урегулирования на Дальнем Востоке и послевоенные советско-японские отношения связаны с именем И.В. Сталина. Однако И.В. Сталин действовал в конкретных исторических условиях и в тесном взаимодействии с главами союзных государств США и Великобритании. Поэтому неверно отождествлять с «произволом сталинизма» действия Советского Союза в ходе Второй мировой войны и в процессе мирного урегулирования на Дальнем Востоке.

Примечания

1. Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 23. Ч. 2. М., 1998. С. 565.

2. Денонсация (от фр. *dénoncer* — «расторгать») — надлежащим образом оформленный отказ государства от заключённого им международного договора. Отличается от иных способов расторжения международных договорных обязательств тем, что право на денонсацию должно быть предусмотрено в самом договоре и осуществляется в строго установленном договором порядке (например, может предусматриваться обязательное уведомление о готовящейся денонсации за определённый период времени). Несоблюдение этого порядка является основанием для оспаривания действительности денонсации (Дипломатический словарь в 3-х томах. Том I. М.: Наука, 1985).

3. Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 23. Ч. 2. Указ. соч. С. 565.

4. *Ёкотэ Синдзи*. スターリンが対日参戦を決意した日：[День, когда Сталин решил вступить в войну против Японии] // Тюо корон. Токио. Окт. 2003. С. 193; *Ивасита Акихиро*. 北方領土問題4でも0でも2でもなく：[Проблема северных территорий — не четыре, не ноль и не два]. Токио, 2005. С. 31; *Кимура Хироси*. 日露国境交渉史—領土問題にいかに取り組むか：[История японо-российских переговоров по пограничным вопросам — как подходить к территориальной проблеме?] Токио, 1993. С. 96; *Кудо Митихиро*. 日ソ中立条約の研究：[Исследования японо-советского пакта о нейтралитете]. Токио, 1985; *Сугумори Кодзи*, *Фузимото Вакио*. 日露・日ソ関係200年史：日露の出会いからシベリア干渉戦争まで：[200 лет истории японо-российских и японо-советских отношений: от первых контактов до сибирской интервенции]. Токио, 1983. С. 150; *Сайто Тадаси*. 中曽根訪ソ以後の北方領土問題：[Проблема северных территорий после визита Накасонэ в СССР] // Миндзоку то сэйдзи. Токио, Сент. 1988. С. 31; *Сэрита Кэнтаро*. 政治は国民と領土を守ることを忘れていないか：[Важно помнить о том, что политика должна защищать народ и территорию] // Тюо корон. Токио, Окт. 2004. С. 99; *Тамба Минору*. ブーチンのロシアが突き進む新たなソ連の誕生：[Возрождение нового СССР, к которому стремится путинская Россия] // Тюо корон. Токио, Сент. 2007. С. 240; *Хасимото Тэцума*. 日本の敗戦降伏裏面史：[Обратная сторона истории пораженческой капитуляции Японии]. Токио, 1986. С. 395—400.

5. *Тихвинский С.Л.* Россия и Япония: Обречены на добрососедство. Воспоминания дипломата и заметки историка. М., 1996. С. 25—26.

6. *Кошкин А.А.* Россия и Япония: Узлы противоречий. М., 2010. С. 311.

7. *Акаги Мунэнори*. 日ソ関係を考える—激動の大正、昭和を生きて：[Размышления о японо-советских отношениях: жизнь в беспокойные годы эпох Тайсё и Сёва]. Токио, 1982. С. 72—73; *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004. С. 116.

8. 太平洋戦争への道、資料編：開戦外交史：[Путь к войне на Тихом океане. Сборник документов — дипломатия в начальный период войны]. Токио, 1963. С. 464—466.

9. Там же. С. 467.

10. Подробнее см: *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011.

11. 大東亜戦争公刊史：[Официальная история войны в великой Восточной Азии]. В 102 томах. Т. 20. Ч. 2. 大本営陸軍部：[Секция сухопутных сил императорской ставки]. Токио, 1968. С. 322.

11. *Борисов О.Б., Бутурлинов В.Ф., Носков А.М., Шебеньков Ю.М.* Победа на Востоке. К 40-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1985. С. 21.

12. 大東亜戦争公刊史. Т. 73. Ч. 2. 関東軍：関東演終戦時の対ソ戦争：[Квантунская армия: кантокуэн — бои с Советским Союзом в конце войны]. Токио, 1974. С. 74.
13. *Ватасэ Сюкити*. 日ソ国境交渉史：[История переговоров о государственной границе между Японией и СССР]. Токио, С. 178—180, 192; *Отуйай Тадаси*. 北方領土問題：その歴史の事実、法理、政治的背景：[Проблема северных территорий: исторические факты, законность, политический фон]. Токио, 1992. С. 61.
14. 産経新聞：[Газета «Санкэй»]. 06.02.2015.
15. *Зимонин В.П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 130.
16. Подробнее см: *Кошкин А.А.* Крах стратегии «спелой хурмы»: Военная политика Японии в отношении СССР, 1931—1945 гг. М., 1989.
17. Внешняя политика СССР. Сборник документов. Указ. соч. С. 550.
18. *Хасэгава Цуёси*. 北方領土問題と日露関係：[Проблема северных территорий и японо-российские отношения]. Токио, 2000. С. 32.
19. Известия. 06.04.1945.
20. *Кошкин А.А.* Россия и Япония: Узлы противоречий. Указ. соч. С. 300.
21. 安全保障問題研究会編、変わる日ロ関係ロシア人からの88の質問：[Меняющиеся японо-российские отношения. 88 вопросов от граждан России / Под. ред. Научно-исследовательского совета по вопросам национальной безопасности Японии]. Токио, 1999. С. 54; См. также: Вехи на пути к заключению мирного договора между Россией и Японией: 88 вопросов от граждан Японии. М., 2000. С. 55.
22. *Такусиро Хаттори*. Япония в войне 1941—1945 гг. М., 2000. С. 532.
23. *Колосов Ю.М., Кривчикова Э.С.* Действующее международное право. Т.1. М., 2007. С. 12.
24. *Кузьминков В.В.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией с позиций сегодняшнего дня // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 5. С. 121.
25. *Суэцугу Итиро*. 中曽根・ゴルバチョフ会談の成果とこれからの課題—北方領土問題を中心に：[Итоги встречи Накасонэ — Горбачёв и задачи на будущее: главным образом о северных территориях] // Миндзоку то сэйдзи. Токио. Окт. 1988. С. 32.

ПАВЛЯТЕНКО Виктор Николаевич,

кандидат исторических наук,

ведущий научный сотрудник Центра японских исследований ИДВ РАН,

e-mail: pavlyatenko@ifes-ras.ru

СТАЛИНГРАД И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЯПОНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Аннотация. Статья посвящена краткому рассмотрению дипломатических аспектов маневров японской стороны в связи со вступлением в войну против СССР и требованиями Германии открыть «второй фронт на востоке» в 1941—1943 гг.; делаются выводы об объективных и субъективных причинах того, что Япония так и не приняла решения о вступлении в войну против СССР, делается напоминание о необходимости тщательно изучать и помнить исторический опыт при анализе современных вопросов взаимоотношений между Россией и Японией.

Ключевые слова: Япония, Генеральный штаб, план «Кантокуэн», советский Дальний Восток, Маньчжурия, Германия, японо-германские разногласия, Сталинград, страны Юго-Восточной Азии, Токио, японо-советские отношения, советско-японский Пакт о нейтралитете.

Abstract. The article is devoted to a brief consideration of aspects of diplomatic maneuvers of the Japanese side in connection with the entry into the war against the USSR, and Germany's requirements to open a «second front in the East» from 1941 to 1943; the conclusions about ob-

jective and subjective reasons that Japan has not made the decision to join the war against the USSR is a reminder of the need to carefully study and remember the historical experience in the analysis of contemporary issues in the relations between Russia and Japan.

Keywords: Japan, General staff, the plan «Kantokuen», Soviet Far East, Germany, Japanese-German differences, Stalingrad, South-East Asia, Tokyo, Japan-Soviet relations, Soviet-Japanese neutrality Pact.

После заключения 13 апреля 1941 г. Пакта о нейтралитет с СССР японское правительство вплоть до второй половины 1943 г. ни на один день не отказывалось от планов вторжения на территорию советского Дальнего Востока «в подходящее время». В 1941 г. южное направление — ведение войны против США и Англии — было приоритетным, а «северное» оставалось на втором плане. Однако эта последовательность вовсе не означала, что ведению боевых действий «на севере» — против СССР — отводилась второстепенная роль. В июле 1941 г. генеральный штаб армии и военное министерство Японии завершили разработку комплекса мероприятий по проведению наступательных операций против СССР на Дальнем Востоке. Этот комплекс получил название «Кантогун токусю энсю» (Особые маневры Квантунской армии) — сокращенно «Кантокуэн». Генеральным штабом сухопутных сил был разработан план «Операция № 51», согласно которому против советских войск на Дальнем Востоке предусматривалось использовать 16 пехотных дивизий Квантунской армии, а также 3 пехотные дивизии, дислоцировавшиеся в Корее. Кроме того, намечалось перебросить в Маньчжурию 7 пехотных дивизий из Японии и 4 — из Китая. На первом этапе операции из 30 выделявшихся дивизий планировалось использовать 24: на восточном направлении — 17, на северном — 6, на западном — 1. В наступлении на восточном и северном направлениях должна была принять участие 1-я танковая армия в составе 3 танковых дивизий [1].

Замысел операции состоял в том, чтобы путем нанесения внезапного авиационного удара по аэродромам уничтожить советскую авиацию и, добившись господства в воздухе, силами 1-го фронта (3 полевые армии) прорвать линию обороны советских войск на вос-

точном направлении — южнее и севернее озера Ханка и захватить Приморье. Одновременно силами 2-го фронта (2 полевые армии) форсировать Амур, прорвать линию обороны советских войск на северном направлении — западнее и восточнее Благовещенска и, овладев железной дорогой на участке Свободный—Завитинск, не допустить подхода подкреплений с запада. Осуществить операцию предполагалось в течение двух месяцев.

Не менялись и установки на продолжение подготовки к войне против СССР у военно-морского флота. В директиве начальника главного морского штаба № 209 от 25 марта 1943 г. предписывалось: «1. Объединенному флоту в самом начале войны силами авиации флота, используя и часть самолетов наземного базирования, подавить вражескую авиацию в районе Камчатки и южной части Сихотэ-Алиня... 2. Силы флота, основу которых составляет 5-й флот, должны во взаимодействии с сухопутными войсками внезапно захватить в самом начале войны порты Оха и Петропавловск».

Еще 24 апреля 1942 г. японским генштабом был подготовлен секретный документ «Основной курс разрешения северной проблемы». В нем говорилось: «Сохраняя высокую бдительность и готовясь к созданию обстановки, позволяющей ответить на изменение положения в любой момент, ускорить подготовку к операциям для самостоятельного разрешения проблемы на севере в 1944 г.» [2].

С момента разработки плана «Кантокуэн». не только сам план войны, но и готовность Японии вести боевые действия против СССР сохранялись вплоть до 1944 г., постоянно подвергаясь корректировке в зависимости от общих планов генерального штаба проведения операций на южном направлении и положения на советско-германском фронте [3].

«Готовность № 1» японской стороны, кроме всего прочего, с первых месяцев войны против СССР была обусловлена постоянным принуждением Токио со стороны Берлина, порой в достаточно жестких формах, к открытию «второго фронта» на востоке против Советского Союза. Однако всякий раз, когда Берлин настаивал на продвижении Японии в северном направлении, японская дипломатия отделялась обещаниями и верностью тройственному пакту. Хоро-

шо известен следующий факт. В начале июля 1941 г., сразу после начала войны против СССР И. Риббентроп дал указание послу Германии в Токио Э. Отту, чтобы он всеми находившимися в его распоряжении средствами повлиял на Ё. Мацуока по поводу принятия Японией решения о вступлении в войну против СССР. Однако после длительных и безуспешных усилий Э. Отт телеграфировал 4 сентября 1941 г. в Берлин, что японская армия не выступит против СССР до весны 1942 г., поскольку, по заявлению японских официальных лиц, в настоящий момент ослаблена войной в Китае и ей необходимо сосредоточить внимание и силы на юге.

Однако еще ранее — 27 июля 1941 г. — японский посол в Германии Х. Осима получил из Токио инструкцию проинформировать немецкую сторону относительно планов японской стороны. Согласно инструкции, Х. Осима (30 июля 1941 г.) заявил Риббентропу, что, по мнению Токио, выступление Японии против СССР в настоящее время приведет к чересчур большому распылению ее сил, и что поэтому кабинет Тодзио «предполагает в сложившейся ситуации ограничиться военными операциями на юге и в Китае». Разъясняя позицию своего правительства, посол далее указывал: «Япония должна более решительно заняться уничтожением Китая. Сопrotивление США заставляет Японию сохранять свои силы для дальнейших операций против этого противника». Он также отметил, что Япония вынуждена «сохранять спокойствие на севере, чтобы расширить свои операции в районе Тихого и Индийского океанов». И хотя на этой встрече Осима от своего имени выразил предположение, что, «быть может, выступление против России окажется возможным еще до октября, а если нет, то не ранее следующей весны», тем не менее, отрицательный ответ Токио был недвусмысленным.

Приняв решение вновь отложить нападение на СССР, японские правительственные и военные круги летом 1942 г. особенно внимательно наблюдали за развитием событий на советско-германском фронте — на Кавказе и в Сталинграде. В Токио возлагали большие надежды на летнее наступление немцев, так как победа вермахта напрямую ассоциировалась с наступлением самого благоприятного момента для Японии в отношении ее планов «на севере».

Немецкое посольство развернуло буквально пропагандистскую кампанию с использованием японской прессы, членов парламента, влиятельных государственных и политических деятелей с тем, чтобы убедить японское правительство в том, что для него наступила «золотая возможность». О том, что японцам нужно немедленно ею воспользоваться, говорил при всяком удобном случае в своих официальных и неофициальных встречах и беседах посол Э. Отт. В этот же период усиливается давление со стороны Берлина: 20 июля 1942 г. посол Х. Осима телеграфировал в Токио, что И. Риббентроп требует ясного ответа относительно времени вступления Японии в войну «против Советской России».

Японцы, однако, не спешили с ответом. Лишь 26 июля 1942 г. требование Риббентропа было рассмотрено на специальном совещании Координационного комитета, на котором было принято окончательное решение: Японии следует придерживаться намеченного курса в отношении северного направления, стараться «не допустить возникновения японо-советской войны», но вести подготовку «на непредвиденный случай». На основании этого решения С. Того направил послу Х. Осима ответную телеграмму, в которой говорилось: «Сейчас признается нецелесообразным ослабить давление на Англию и Америку и открыть военный фронт на Севере. В связи с этим желательно дать германской стороне следующий ответ: 1. Японская империя не может удержаться, чтобы искренне не поздравить Германию с ее выдающимися успехами в германо-советской войне. Мы понимаем точку зрения Германии увязать все с развитием германо-советской войны; мы глубоко заинтересованы в этом и желаем выразить свою точку зрения» [4].

Далее следовало перечисление усилий Японии в войне с США, Англией и Китаем, а также переживаемых ею трудностей. «Учитывая вышеизложенное, — говорилось затем в телеграмме, — принятие империей курса на активную политику в отношении Советского Союза в нынешних условиях приведет к чрезмерному рассеиванию сил империи, и... не только не улучшит общую обстановку, но и значительно ослабит давление империи на Англию и Америку в Восточной Азии; это также позволит Америке и Англии увеличить свои

силы в Европе, а с другой стороны, откроет весьма удобную возможность организации контрнаступления против Японии. В силу этого мы убеждены, что это не будет лучшим вариантом политики, который следует избрать в области военно-стратегического руководства трех стран. Более того, японская империя, сделав тщательные приготовления в северном направлении, тем самым оттягивает силы Советского Союза на Восток; такое положение будет существовать и впредь...

Мы считаем, и хотели, чтобы нас хорошо поняли, что курс, взятый империей с начала войны, является наиболее эффективным для достижения общих целей войны Японией, Германией и Италией, и мы будем концентрировать все усилия на этом курсе. В нынешних условиях Японская империя будет сохранять спокойствие на севере, оттягивать в Восточную Азию силы Советского Союза и усиливать боевые операции против Америки и Англии в Индийском и на Тихом океане. Мы рассчитываем на полное понимание того, что вышеизложенное является самым рациональным для достижения целей войны тремя странами — Японией, Германией и Италией» [5].

К августу 1942 г. фашистский флаг был поднят над Эльбрусом, а 31 августа немецкие части подошли к Сталинграду. Эти события повлияли на активность японской прессы в отношении необходимости активизации действий Японии «на севере», а так же «вдохнули жизнь» в деятельность давних сторонников жесткого подхода в отношении СССР — сторонников открытия военных действий «на севере».

Официальный Токио в этот период осуществил ряд показательных мероприятий, создающих впечатление о подготовке к ведению «решительных действий “на севере”». Были произведены важные перемещения в командовании войсками, расположенными вблизи советских дальневосточных границ. Начальником Северного военного округа, в который входили Курильские острова, Карафутто и Хоккайдо, был назначен генерал-лейтенант Х. Кинчиро, работавший до этого в генштабе; начальником штаба Квантунской армии — бывший военный атташе в Москве и участник войны против Китая ге-

нерал-лейтенант К. Юнио. В том же месяце с положением Квантунской армии и ее подготовкой ознакомился принц Микаса.

В сентябре 1942 г. главная ставка японского командования организовала специальную поездку группы корреспондентов газет в районы расположения Квантунской армии. В результате в прессе появилась серия статей, в которых наряду с описанием богатств Сибири высказывались различные соображения по поводу возможного «изменения» государственных границ СССР на Дальнем Востоке. Одновременно публиковались заявления о силе и боеспособности Квантунской армии. В тесной связи с этой пропагандистской кампанией находилось одно из заявлений премьер-министра Х. Тодзио, о том что «...воинские части, находящиеся в Маньчжурии, без колебаний несут свои обязанности по обороне севера».

Антисоветская кампания в японской прессе совпала со второй годовщиной заключения Тройственного пакта. Эта дата была использована японским правительством для демонстрации «нерушимой дружбы» стран оси. На торжественном собрании, устроенном в токийском зале «Хибия-Хол», выступили премьер-министр и министр иностранных дел. Они клялись в верности тройственному союзу, в готовности усиливать сотрудничество с Германией и Италией не только в экономическом и политическом, но и в военном отношении с целью установления германо-итальянского господства в Европе и японского — в Азии.

Тексты выступлений Х. Тодзио и С. Того были опубликованы во всех ведущих газетах и широко комментировались. Одновременно японское правительство объявило о награждении японскими орденами 46 немцев и 26 итальянцев. В числе награжденных были Геринг, Кейтель, Редер, Браухич и др.

Между тем противоречия между Токио и Берлином усиливались в связи с углубляющимися расхождениями между политикой японского правительства и планами германского командования. Последнее, как уже отмечалось, давно и настойчиво стремилось поскорее создать при помощи японских вооруженных сил второй фронт против СССР и тем самым облегчить себе действия на советско-германском фронте. В Токио так же настойчиво шел поиск причин не идти

навстречу этому желанию Берлина, так как заботились не об интересах своего союзника, а о собственных целях, рассчитывая достичь их менее рискованным путем. Речь шла о двух казавшихся японским руководителям возможных способах осуществления замыслов в отношении СССР.

Первый из них заключался в решении «северной проблемы» вооруженным путем. Однако полного согласия по этой форме не было. Наиболее трезвые политики и дипломаты, понимая слабость и ограниченность ресурсов Японии, полагали более целесообразным и выгодным придерживаться политики выжидания и готовиться к выступлению при благоприятной обстановке в роли «посредника» между Германией и Советским Союзом. С этой идеей активно выступал министр иностранных дел С. Того. Речь шла о том, чтобы, во-первых, «закрепить» за Германией захваченные ею советские территории, и, во-вторых, обеспечить передачу Японии как «арбитру» определенных районов на Дальнем Востоке СССР. Таким образом, японское «посредничество» было задумано как первый шаг на пути к разделу Советского государства между Японией и Германией.

Но этот план был абсолютно беспочвенным. Гигантская битва, развернувшаяся на советско-германском фронте, носила бескомпромиссный характер. Целью СССР являлся полный разгром германского фашизма, германское же командование так же хорошо понимало, что борьба шла не на жизнь, а на смерть. Поэтому, пригласив к себе посла Х.Осима, Риббентроп заявил ему, что германское правительство не нуждается в посредниках, так как Гитлер непременно разгромит русских осенью 1942 г.

7 сентября 1942 г. Х.Осима телеграфировал в Токио: «Германия крайне недовольна тем, что Япония строит планы относительно германо-советского мира. Риббентроп говорит: по данным пленных, с Советского Дальнего Востока на Запад в последнее время переброшено 5 дивизий; переброска 5 дивизий на Запад для Германии не делает проблемы, тем не менее, такие факты не могут не интересовать в сильной степени Германию и у Германии возникает подозрение: не дает ли Япония Советскому Союзу слишком больших гарантий?» [6]. Таким образом, идея посредничества, казавшаяся японским ру-

ководителям наиболее удобной для осуществления их замыслов в отношении Советского Дальнего Востока, потерпела провал» [7].

Между тем сторонники решения «северной проблемы» вооруженным путем по мере развертывания немецкого наступления на Волге и на Кавказе все более склонялись к мысли о приближении долгожданного «благоприятного момента». Он представлялся им особенно реальным в октябре и начале ноября, когда казалось, что вот-вот будет сломлено сопротивление советских войск в Сталинграде. В тот период японское правительство все более открыто демонстрировало свое враждебное отношение к СССР. Однако, несмотря на враждебно-выжидательную позицию, кабинет Х. Тодзио так и не дал Берлину конкретных обещаний относительно сроков нападения Японии на СССР, предпочитая дожидаться исхода величайшей битвы, продолжавшейся в районе Сталинграда.

Новую отсрочку нападения Японии на СССР в Берлине сочли выражением сомнения японцев в способности Германии победить Советский Союз. Поэтому немецкому посольству в Токио было поручено развернуть широкую пропаганду военно-экономической мощи третьего рейха.

Выполнение этого задания посол Э. Отт начал с поездки по крупным городам Японии, где он намеревался выступить с соответствующими лекциями. Но этот замысел встретил хорошо замаскированное сопротивление со стороны японского правительства. Пресса получила секретное распоряжение не публиковать речи Э. Отта, были также приняты меры к ограничению числа его выступлений. В частности, не был опубликован полный текст речи, произнесенной им 27 сентября по случаю второй годовщины Тройственного пакта.

Германское посольство потерпело неудачу и в своей попытке получить от японского кабинета разрешение на трансляцию берлинских радиопередач через немецкие радиостанции в Японии. В этом было отказано под предлогом того, что на Дальнем Востоке можно принимать программы коротковолновых станций Германии. Между тем на самом деле населению Японии не разрешалось иметь приемники с соответствующим диапазоном.

Все это свидетельствовало о том, что японские руководители не очень доверяли своему германскому союзнику. Они предпочитали держать в собственных руках дело психологической обработки общественного мнения страны и не хотели, чтобы оно было использовано гитлеровской дипломатией для давления на японскую внешнюю политику. Немаловажную роль в этом играло и враждебное отношение к вмешательству любой европейской страны в «азиатские дела», являвшееся лейтмотивом не только пропаганды, но и всей политики правительства Х. Годзио. Это предопределило и его настороженность к проискам германской дипломатии на оккупированной территории Китая.

Далеко идущие планы Германии в отношении Ближнего, Среднего и Дальнего Востока вызывали у японской стороны беспокойство. Поэтому в Токио препятствовали деятельности немцев на Дальнем Востоке и их попыткам открыть «пресс-бюро» на Яве, в Сингапуре, Маниле и Рангуне потерпели неудачу.

Особенность межимпериалистических противоречий между странами оси и заключалась в основном в стремлении каждой из них создать наиболее благоприятные условия для будущего передела мира в свою собственную пользу. И если Германия не только разрабатывала планы установления своего господства в Европе и Африке, но и намеревалась расширить свой контроль в Азии, то Япония в свою очередь придерживалась тактики, направленной к тому, чтобы затруднить осуществление этих планов в районах Восточной и Юго-Восточной Азии.

Такая тенденция получила наибольшее отражение в политике Токио в отношении развязывания войны против СССР.

Разумеется, важнейшими причинами откладывания начала антисоветской войны являлись опасения японского правительства относительно прочности обороны дальневосточных границ Советского Союза и стремление не оказаться полностью в кольце враждебного окружения. Это повлекло бы еще большее распыление сил и средств Японии, подвергло бы ее собственную территорию мощным ударам объединенных воздушных и морских сил СССР и США. Иначе говоря, японское командование считалось с тем фактом, что

военно-экономический потенциал Японии был явно недостаточен для одновременного ведения войны против США, Англии, Китая и против СССР.

Вместе с тем в Токио считали невыгодным для себя непосредственными военными действиями против СССР на Дальнем Востоке способствовать решающему успеху вермахта на советско-германском фронте. Во-первых, японские руководители верили в то, что этот успех и так будет достигнут и Япония сможет воспользоваться им в своих интересах, т. е. вступить в пределы Советского Дальнего Востока, не встретив серьезного отпора. Во-вторых, они были заинтересованы в том, чтобы успех на Восточном фронте достался немецким войскам такой ценой, при которой Германия оказалась бы не в состоянии осуществлять захваты в сфере японских интересов.

Подобного рода соображения, вполне понятно, тщательно скрывались от германского союзника. Однако японские руководители не упустили ни одного случая напомнить Берлину о произведенном ранее распределении «сфер военных зон». Более того, они старались точно обозначить районы, в которые не следовало, по их мнению, вступать немецким войскам.

Кроме того, Токио давал себе отчет в том, что война на Тихом океане к этому времени вступила в новый этап. Японские войска были распылены на многочисленных островах, расположенных нередко на расстоянии тысячи километров один от другого. Снабжение их осуществлялось с большими трудностями. Это привело к новым спорам по вопросам стратегии: командование флота требовало дополнительных сухопутных сил для юга, армейские круги возражали. Последние мотивировали свою точку зрения тем, что дальнейшее продвижение на юг повлечет за собой еще большее распыление сил. Они также полагали, что имевшихся там войск достаточно для удержания захваченных позиций. Такая оценка основывалась на прогнозе японской военной разведки, считавшей, что американцы не предпримут на Тихом океане никаких операций до начала 1943 г.

Прогноз не оправдался; 7 августа 1942 г. американские войска высадились на Гуадалканале и сорвали попытку японцев захватить

этот остров и усилить тем самым контроль над морской коммуникацией США — Австралия.

Наступление Советской Армии под Сталинградом и успешная высадка войск союзников в Северной Африке оказали большое влияние на стратегию и политику всех участвовавших в войне держав. Эти события не могли не сказаться также на положении на Дальнем Востоке.

Правительственные круги Японии уже в конце октября начали проявлять беспокойство по поводу затянувшихся попыток немецкой армии сломить сопротивление защитников Сталинграда. Эта тревога поставила под вопрос сроки осуществления дальнейших военно-политических планов Токио.

Несомненно, и неудача японских вооруженных сил в районе Соломоновых островов, и операция западных союзников на африканском побережье произвели весьма неприятное впечатление в Токио. Но главное беспокойство здесь вызывали отчетливо выявившиеся к тому времени признаки неосуществимости конечной цели германского наступления. Хотя некоторые японские руководители склонны были считать, что произошла всего лишь «непредвиденная задержка», но и этого было достаточно, чтобы они не торопились с реализацией своих собственных очередных военных планов.

Колебания и сомнения, одолевавшие лидеров Японии, до некоторой степени отразила 10 ноября 1942 г. газета «Асахи»: «...Когда начиналась германо-советская война, то предполагали, что она будет короткой. Однако в дальнейшем сопротивление Советского Союза оказалось сверх всякого ожидания упорным. Боевой дух советских солдат, проявленный в боях под Сталинградом, по-прежнему не обнаруживает признаков слабости». Далее подчеркивалось, что не правы те, кто недооценивает силу Советского Союза. Газета указывала, что нельзя не считаться и с Англией. За этим следовал вывод, что «военная обстановка в Европе и Африке все более и более усложняется».

Примерно в те же дни японская разведка представила правительству Х. Годзио свое заключение. В этом документе предсказывалось, что скоро Красная Армия будет в состоянии не только остано-

вить германское наступление, но и перейти в контрнаступление на всем фронте. К зиме 1942—1943 г., отмечалось далее, промышленность СССР обеспечит армию всем необходимым. Японская тайная служба также считала, что партизанская борьба в германском тылу будет шириться, отвлекая большое количество немецких войск и серьезно нарушая линии их коммуникаций. Это заключение впервые вызвало у японских руководителей опасения, что борьба Германии против Советского Союза может оказаться безнадежной.

Эти опасения становились явью после провала наступления немцев под Сталинградом. В течение трех дней в начале ноября 1942 г. на заседании координационного комитета обсуждалось военно-политическое положение страны. Большое внимание привлекла проблема взаимоотношений между СССР и США. Если, отмечалось на заседании этого комитета, Советский Союз предоставит Соединенным Штатам военные базы в Сибири, «тогда можно считать, что наступил решительный момент в войне против Японии». Особое место в обсуждении занял вопрос о войне Германии против СССР. Все согласились, что она приняла затяжной характер, и не видно признаков заключения германо-советского мира. Вполне понятно, что японские руководители сожалели об этом отнюдь не из миротворческих побуждений. Речь шла все о том же плане японского посредничества, из которого в Токио рассчитывали, прежде всего, извлечь выгоды для себя. Неутешительным признали участники заседания и положение дел на африканском театре военных действий.

19 ноября 1942 г. Красная Армия начала контрнаступление с целью окружения и ликвидации крупной группировки немецких войск в районе Сталинграда.

Незадолго до этого вооруженные силы Англии и США активизировали военные действия в Северной Африке. 22 октября 8-я британская армия начала наступление в Ливийской пустыне, а 8 ноября состоялась высадка англо-американских войск на северо-западном побережье Африки.

Последние надежды на успех в войне стран—участниц Тройственного пакта в Токио связывали с генеральным наступлением германских войск летом 1943 г. В то время японский генеральный штаб

еще не исключал возможности присоединения к германо-советской войне. Начальник генштаба Х. Сугияма заявлял императору: «Положение Германии может резко изменить к лучшему нападение Японии на СССР».

Однако после поражения под Сталинградом точка в планах Японии напасть на СССР была поставлена в сражении на Курской дуге, после которого Советская армия начала полномасштабное наступление на запад. Японскому военно-политическому руководству не оставалось ничего другого, как признать, что планам Японии сокрушить Советский Союз не суждено осуществиться. После Курской битвы японский генеральный штаб впервые за всю историю своего существования приступил к составлению на 1944 г. плана, в котором предусматривались оборонительные действия в случае войны с Советским Союзом [8].

Анализ дипломатической истории поведения Японии в период 1941—1943 гг. в треугольнике СССР — Германия — Япония дает возможность еще раз обозначить главные факторы, которые обусловили ту позицию, которую Япония в конечном итоге заняла в отношении планов вступления в войну против СССР.

1. Япония не смогла в конечном итоге рассчитать свои силы и возможности в ведении войны против США и Англии на театре Восточной Азии в целом. Совершенно очевидно, что это стало результатом недостаточного стратегического прогнозирования японских военно-политических структур. Коммуникации гигантского театра военных действий были крайне растянутыми; японские армия и флот оперировали на пространстве в 10 тыс. км с востока на запад и 8 тыс. км с севера на юг. Для обороны обширнейших оккупированных территорий с населением в 150 млн человек, а также для продолжения войны в Китае требовались значительные силы и средства. Их распыление и сделало невозможным длительные наступательные действия.

Япония испытывала и серьезные экономические трудности. За пять лет война поглотила огромные материальные и людские ресурсы, с каждым годом разбухал военный бюджет, росли налоги, цены на перевозки, средства связи и др. В стране царил инфляция. Рез-

ко обострилось продовольственное положение, правительство ввело карточную систему на основной для населения продукт питания — рис, не удовлетворялись даже минимальные потребности в таких продуктах, как рыба, мясо, ячмень, овощи, соль. По официальным данным, охватывавшим период с начала войны в Китае до середины 1942 г., цены на овощи повысились в 2,8 раза, на рыбу — в 2,4, на мясо — в 2,3 и на ячмень — в 1,5 раза. В результате усиливалось скрытое недовольство народа политикой правительства. Все эти факторы не мог не учитывать Координационный комитет, рассматривая вопрос о том, открывать ли еще один фронт войны — на севере.

2. Решающим же оказалась оценка положения на советско-германском фронте. Она, естественно, основывалась не только на ходе продолжавшегося в то время летнего наступления германских войск. Японские руководители уже испытали тяжелое разочарование в 1941 г., особенно в период битвы под Москвой, когда их надежды на немецкий блицкриг против Советского Союза потерпели крушение. В Токио тщательно взвешивали ход борьбы. И то, что Красная Армия после года тяжелой схватки продолжала оказывать серьезное сопротивление, изматывая вооруженные силы германского рейха, заставляло японских руководителей по-иному оценивать военную мощь СССР и не торопиться с прогнозами об исходе его борьбы с Германией.

3. У японской стороны были достоверные данные о том, что оборона дальневосточных границ поддерживается на должном уровне: по данным японской разведки, охрану этих рубежей несло около 23 дивизий, 1200 самолетов и 1300 танков.

4. Несмотря на враждебное отношение к СССР, правящий кабинет и часть военно-политического истеблишмента на практике ощущали тщательность и принципиальность советской стороны в отношении соблюдения Пакта о нейтралитете, а также намерения и желание Москвы вести с Японией нормальные дипломатические отношения. Пролонгация в марте 1942 г. советско-японской рыболовной конвенции стала подтверждением приверженности СССР его обязательствам и, несомненно, мешала экстремистским кругам

Японии проводить антисоветскую кампанию и, напротив, — усиливала позиции более трезвых политиков. Твердость и принципиальность советской стороны в соблюдении Пакте о нейтралитете в известной мере воспринималась частью японского истеблишмента в качестве гарантии безопасности Японии «с севера» [9].

5. Исключительно сложные проблемы театра военных действий, ограниченность ресурсов Японии, нежелание открывать второй фронт в тот момент, когда вслед за успехами Японии в 1942 г. стали преследовать крупные неудачи на юге, а также баланс сил между сторонниками силового подхода и сторонниками теории «спелой хурмы» — все это определило решение Координационного комитета (1942 г.): «Пока придерживаться стратегии выжидания и внимательно наблюдать за развитием событий на советско-германском фронте, ибо преждевременное вступление Японии в войну против СССР могло бы иметь катастрофические последствия» [10].

27 июля из Токио в Берлин прибыли инструкции для посла Х. Осима. Согласно им, Х. Осима заявил Риббентропу, что, по мнению Токио, выступление Японии против СССР в настоящее время приведет к чересчур большому распылению ее сил и что поэтому кабинет Х. Тодзио «предполагает в сложившейся ситуации ограничиться военными операциями на юге и в Китае». Разъясняя позицию своего правительства, посол далее указывал: «Япония должна более решительно заняться уничтожением Китая. Сопrotивление США заставляет Японию сохранять свои силы для дальнейших операций против этого противника». Он также отметил, что Япония вынуждена «сохранять спокойствие на севере, чтобы расширить свои операции в районе Тихого и Индийского океанов».

6. Немаловажную роль в формировании японской позиции в отношении вступления в войну против СССР сыграли объективные противоречия между Японией и Германией. В частности Япония, несмотря на ее заверения в отношении приверженности идеалам тройственного союза, крайне негативно и даже враждебно относилась к вмешательству любой европейской страны в «азиатские дела» правительства Тодзио. Это предопределило и его настороженность к проискам германской дипломатии на оккупированной территории

Китая, перед которой была поставлена долгосрочная задача укрепить германские позиции в Китае с целью создания на будущее определенного противовеса влиянию Японии. Это, как и другие акции германской дипломатии в Азии, диктовалось обеспокоенностью Берлина тем, что границы японской империи быстро расширялись. Хотя официально Япония и была признана «лидером» так называемой восточной сферы сопроцветания, однако германское правительство не забывало об интересах немецких монополий и разрабатывало далеко идущие планы в отношении Восточной и Юго-Восточной Азии. Эти планы предусматривали такой раздел колониальных стран Азии, при котором Германия должна была получить доступ к богатствам Индонезии, Новой Гвинеи, Британского Борнео, ряда островов в Океании, Сингапура, Малайи и Французского Индокитая. Все эти планы разрабатывались немецким командованием в тайне от японского союзника, поскольку они противоречили официальному признанию германским правительством «лидерства» Японии в большинстве названных районов. Одновременно германская разведка насаждала в Восточной и Юго-Восточной Азии собственную агентуру. С целью облегчить деятельность своих резидентов Берлин стремился их легализовать путем создания различных официальных представительств. Далеко идущие планы Германии в отношении Ближнего, Среднего и Дальнего Востока не могли не беспокоить Японию. Поэтому в Токио препятствовали деятельности немцев на Дальнем Востоке, и их попытки открыть «пресс-бюро» на Яве, в Сингапуре, Маниле и Рангуне потерпели неудачу.

7. Японцы с нескрываемой подозрительностью относились к немецкой активности в Нанкине и Шанхае. В ряде выступлений политических деятелей Японии недвусмысленно намекалось, что деятельность немцев должна была не только согласовываться с японцами, но и осуществляться через их посредство. В Токио высказывались за то, чтобы Берлин отказался от какой бы то ни было политики в отношении оккупированного Китая и Маньчжоу-Го. Активность немецкой дипломатии в Нанкине раздражала японские оккупационные власти. Они недвусмысленно указывали Ван Цзин-вею, чтобы он и его окружение были «осторожны с немцами».

Это объяснялось подозрениями относительно тайных связей германской дипломатии с правительством в Нанкине.

8. На примере деятельности германской дипломатии в оккупированном Китае и в ряде других стран, оказавшихся под властью японцев, можно, таким образом, видеть, что в Берлине стремились в какой-то мере воспрепятствовать слишком быстрому расширению политических и экономических позиций Японии. То была политика «дальнего прицела», рассчитанная на будущее, когда, как полагало правительство третьего рейха, японская военно-экономическая мощь могла стать препятствием для осуществления дальневосточных планов Берлина.

9. Особенность межимпериалистических противоречий между странами оси и заключалась в основном в стремлении каждой из них создать наиболее благоприятные условия для будущего передела мира в свою собственную пользу. И если Германия не только разрабатывала планы установления своего господства в Европе и Африке, но и намеревалась расширить свой контроль в Азии, то Япония в свою очередь придерживалась тактики, направленной к тому, чтобы затруднить осуществление этих планов в районах Восточной и Юго-Восточной Азии. Все это нашло отражение и в политике Токио в отношении развязывания войны против СССР. В Токио считали невыгодным для себя непосредственными военными действиями против СССР на Дальнем Востоке способствовать решающему успеху вермахта на советско-германском фронте. Во-первых, японские руководители верили в то, что этот успех и так будет достигнут, и Япония сможет воспользоваться им в своих интересах, т. е. вступить в пределы Советского Дальнего Востока, не встретив серьезного отпора. Во-вторых, они были заинтересованы в том, чтобы успех на Восточном фронте достался немецким войскам такой ценой, при которой Германия оказалась бы не в состоянии осуществлять захваты в сфере японских интересов. Подобного рода соображения, вполне понятно, тщательно скрывались от германского союзника. Однако японские руководители не упускали ни одного случая напомнить Берлину о произведенном ранее распределении «сфер во-

енных зон». Более того, они старались точно обозначить районы, в которые не следовало, по их мнению, вступать немецким войскам.

Все вышесказанное в конечном итоге и обусловило факт невступления Японии в войну против Советского Союза. Однако следует помнить и хорошо осознавать тот факт, что в своих дипломатических построениях отказа Токио вступать в войну против СССР в те моменты, когда об этом просил ее союзник — Германия, Япония на протяжении всей войны ни разу не сослалась на то, что она связана условиями советско-японского Пакта о нейтралитете. Этот исторический факт дает возможность по-новому оценить дипломатическую тактику и стратегию Японии в отношении современных проблем в российско-японских отношениях. Прежде всего, в вопросе территориальных претензий к России и настойчивому стремлению навязать России «мирный договор».

Примечания

1. См.: Кошкин А.А. «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР // М.: Вече, 2011. С. 137.
2. Там же. С. 137—141.
3. Там же. С. 218.
4. Севостьянов Г.Н. Дипломатическая история войны на Тихом океане. От Пирл-Харбора до Каира. М.: Наука, 1969. С. 282—288.
5. Хаттори Такусиро. Полная история войны за Великую Восточную Азию, Токио. 1965, стр. 393—394. Цит. по: Г.Н. Севостьянов. Указ. соч. С. 283.
6. Хаттори Т. Указ. соч. С. 399. Цит. по: Севостьянов Г.Н. Указ. соч. С. 388.
7. Хаттори Т. Указ. соч. С. 399. Цит. по: Севостьянов Г.Н. Указ. соч. С. 388.
8. См.: Кошкин А.А. Указ. соч. С. 218.
9. АВП СССР.Ф. 146. Оп. 25. Д. 1179. Л. 297. Цит. по: Севостьянов Г.Н. Указ. соч. С. 355.
10. См.: Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы»: военная политика Японии в отношении СССР, 1931—1945 гг. М.: Мысль, 1989. С. 272.

КЛИМЕНКО Анатолий Филиппович,
*генерал-лейтенант, кандидат военных наук,
профессор Академии военных наук*

РОЛЬ МАНЬЧЖУРСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В ВОЙНЕ СССР ПРОТИВ ЯПОНИИ*

Аннотация. В статье излагается военно-политическая обстановка накануне вступления СССР в войну против Японии на Дальневосточном театре военных действий. Раскрываются особенности подготовки Маньчжурской стратегической наступательной операции, её цель и замысел проведения, а также ход боевых действий, их результаты и политические итоги войны на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Маньчжурская стратегическая наступательная операция, Квантунская группировка японской армии, ставка ВГК.

В мае 1945 г. фашистская Германия безоговорочно капитулировала. Однако под гнетом японских оккупантов оставались Корея, Индокитай, Индонезия, часть территории Китая, Бирмы и Филип-

* Статья подготовлена на основе материалов Военной Академии Генерального штаба ВС РФ.

пин. И хотя США и Великобритания в войне с Японией и добились определенных успехов, достигнуть решительной победы они не смогли. Правительства этих стран сознавали, что заставить Японию капитулировать можно, только разгромив ее сухопутную группировку, что потребует еще много сил, времени и, главное, жертв. Поэтому без Советского Союза добиться скорой победы невозможно.

Согласие правительства СССР на вступление в войну с Японией было продиктовано, прежде всего, союзническими обязательствами. Кроме того, учитывая агрессивную политику Японии, Советскому Союзу необходимо было обеспечить и безопасность своих дальневосточных границ, и конечно, ускорить окончание Второй мировой войны.

С военной точки зрения, Маньчжурская стратегическая наступательная операция по оригинальности замысла и мастерству его исполнения, по развертыванию и применению межвидовых группировок войск, по своему размаху и скоротечности, по созданию системы управления войсками, по применению группировок войск в сложных физико-географических условиях была одной из самых выдающихся во всей мировой военной истории. В ней нашли воплощение все достижения военной мысли и военного искусства, накопленные Советскими Вооруженными Силами во время Великой Отечественной войны. Не случайно эта операция была взята за рубежом за основу моделирования стратегических операций будущего. Подобных операций в истории военного искусства не было и вряд ли уже будет. Поэтому опыт такой операции бесценен.

На протяжении всей Великой Отечественной войны на территории Маньчжурии находилась крупная стратегическая группировка войск под командованием генерала Ямада, создавая постоянную угрозу нападения на СССР. К началу Маньчжурской операции в её состав входили 1-й, 3-й и 17-й фронты, 4-я отдельная армия (всего 31 пехотная дивизия, 11 пехотных и 2 танковые бригады, бригада смертников, отдельные части), 2-я и 5-я воздушная армия, Сунгарийская военная речная флотилия. Кроме того, главнокомандующему Квантунской группировки японской армии подчинялись: армия Маньчжоу-Го (2 пехотных и 2 кавалерийских дивизии, 12 пехотных

бригад, 4 отдельных кавалерийских полка), армия Мэнцзяна* под командованием князя Дэвана (4 пехотных дивизии) и Суйюаньская армейская группа (5 кавалерийских дивизий и 2 кавалерийских бригады). Всего к началу операции в войсках противника насчитывалось свыше 1 млн человек, 6260 орудий и миномётов, 1155 танков, 1900 самолётов, 25 кораблей. Кроме того, у границ с Советским Союзом и МНР имелось 17 укрепленных районов — в общей сложности около 8 тысяч долговременных оборонительных сооружений (ДОСов).

Учитывая реальную опасность агрессии, Советскому Союзу всю войну приходилось держать на Дальнем Востоке крупные силы. В разные периоды войны это составляло от 15 до 30 % всех сил и средств Красной Армии.

Тем не менее, для осуществления плана операции потребовалась колоссальная перегруппировка войск: 2 фронтовых (Карельского и 2-го Украинского фронтов) и 4 армейских управления; 36 стрелковых, артиллерийских и зенитно-артиллерийских дивизий; 53 бригады; бомбардировочный авиационный корпус; 5 авиационных дивизий; 3 корпуса ПВО страны. Это составило почти полмиллиона личного состава и огромное количество техники, вооружения и материальных средств.

Хочется особо подчеркнуть некоторые особенности в подготовке и проведении этой операции.

1. В ходе подготовки военной кампании на Дальнем Востоке, Ставке ВГК пришлось решать комплекс проблем, обусловленных организацией военных действий на удаленном ТВД, в условиях, когда Советский Союз официально не находился в состоянии войны с Японией.

2. В этих условиях открытие нового фронта вооруженной борьбы требовало мобилизации ресурсов Сибири и Дальнего Востока, проведения стратегической перегруппировки войск с запада на вос-

* Мэнцзян — марионеточное государство (формально — республика), образованное японской военной администрацией на территории центральной части Внутренней Монголии. Упразднено в 1945 г.

ток на расстояние до 12 тыс. км для создания мощных наступательных группировок.

3. В качестве источника развертывания стратегической группировки на Дальнем Востоке Ставка в первую очередь использовала войска фронтов, завершивших боевые действия на советско-германском фронте (это войска Карельского, 1-го, 3-го Белорусского и 2-го Украинского фронтов). При этом определение целесообразности использования того или иного объединения зависело от опыта и боевых качеств, накопленных в сражениях на советско-германском фронте. Так, соединения и части 5-й (генерал-полковник Н.И.Крылов) и 39-й (генерал-полковник И.И.Людников.) армий, участвовавшие в прорыве укрепленных оборонительных полос в Восточной Пруссии, предназначались для прорыва на главных направлениях приграничных укрепленных районов. Соединения 6-й гвардейской танковой (генерал-полковник Кравченко А.Г.) и 53-й общевойсковой армий (генерал-полковник И.М.Манагаров), имевшие большой опыт действий в горно-степной местности, предназначались для наступления на широких пустынных просторах и горно-лесистых массивах Маньчжурии. Конно-механизированная группа генерал-полковника И.А. Плиева на завершающем этапе войны развивала успех в операциях по освобождению Венгрии, войска генерал-полковника А.П. Белобородова успешно действовали в Прибалтике, а в апреле 1945 г. штурмовали укрепленный Кенигсберг. Таким методом подбирались войска, их командующие и командиры с учетом опыта в прорыве хорошо укрепленной обороны и в действиях в оперативной глубине. При этом необходимо отметить, что большинство командующих армиями имели огромный опыт организации и проведения операций в подобной оперативной обстановке.

Итак, основная роль в операции отводилась не тем войскам, которые весь период Великой Отечественной войны находились на Дальневосточном театре военных действий (ТВД), а тем войскам, которые имели боевой опыт в схожих климатических, географических и (если можно так сказать) фортификационных условиях ТВД. Конечно, это было для воинов-дальневосточников трагедией. Они всю войну находились на второстепенном направлении, когда стра-

на из последних сил защищалась от фашистов, а затем громила агрессора. Тысячи военнослужащих разных должностей и званий заваливали вышестоящие инстанции рапортами с просьбой отправить на фронт, а им отказывали, так как необходимо было сдерживать японцев. И вот когда наступает час «X», им опять отказывают в участии в операции на направлениях главных ударов.

4. В ходе перегруппировки были приняты строгие меры скрытности и маскировки. Никто, даже офицеры штабов, не знали, куда и с какой целью перебрасываются войска, а ведь перевозки предстояло осуществить по однопутной железнодорожной магистрали в крайне сжатые сроки и на огромные расстояния. В этом отношении эти меры не имели себе равных в истории войн.

В результате советскому командованию удалось добиться главного — японская разведка, зная о подготовке СССР к войне, не смогла установить сроки завершения переброски советских войск и их количество. Естественно, ошиблись японцы и в составе всей группировки советских войск на Дальнем Востоке. Поэтому японское командование предполагало, что Красная Армия перейдет в наступление не ранее сентября-октября.

5. Для управления и координации действий сухопутных войск и сил флота Ставка ВГК 30 июля создала новый орган высшего управления — Главное командование советских войск на Дальнем Востоке, а 2 августа — штаб Главного командования советских войск на Дальнем Востоке. Главкомандующим был назначен Маршал Советского Союза А.М. Василевский, который еще летом 1944 года знал, что будет руководить действиями войск на Дальнем Востоке [1], членом Военного совета — генерал-лейтенант И.В. Шикин (в годы войны — член Военного совета Северного фронта, начальник политуправления Ленинградского и Волховского фронтов), начальником штаба — генерал-полковник С.П. Иванов (в годы войны — начальник штаба Закавказского и 3-го Украинского фронтов). Координация действий Тихоокеанского флота и Краснознаменной Амурской военной флотилии с войсками была возложена на наркома Военно-морского флота главкомандующего Военно-Морскими Силами Адмирала Флота Н.Г. Кузнецова. Действиями авиации

руководил командующий Военно-Воздушными Силами, Главный маршал авиации А.А. Новиков.

6. Для проведения операции на Дальнем Востоке были сформированы три фронта: 1-й и 2-й Дальневосточные и Забайкальский, с войсками которых должны были взаимодействовать 3 воздушные армии, 3 армии ПВО, силы Тихоокеанского флота и Краснознаменной Амурской военной флотилии.

7. Командующие войсками фронтов также имели соответствующий боевой опыт. Так, командующий войсками 1-го Дальневосточного фронта Маршал Советского Союза К.А. Мерецков проявил себя в ходе взятия мощнейших укрепленных позиций «линии Маннергейма» в 1940 г. и в ходе Петсамо-Киркенесской операции, проведенной в тяжелых условиях Заполярья глубокой осенью 1944 г. При этом основу управления штаба 1-го Дальневосточного фронта составило полевое управление Карельского фронта.

Командующий войсками Забайкальского фронта Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский — командовал войсками 2-го Украинского фронта, преодолевшими Карпаты. При этом он также прибыл со своим сколоченным, сработавшимся полевым управлением.

Генерал армии М.А. Пуркаев, командовавший с апреля 1943 г. войсками Дальневосточного фронта, на базе которого и был создан 2-й Дальневосточный фронт, как никто знал обстановку и противника на театре военных действий.

Таким образом, все командующие войсками фронтов обладали огромным опытом и при этом они имели уже сформированные штабы.

8. Еще в качестве одной особенности можно выделить исключительную скрытность подготовки операции и обеспечение внезапности действий. После определения командующим замысла и принятия решения по планированию операции, к ее подготовке и организации боевых действий допускался ограниченный круг должностных лиц. Все документы исполнялись лично этими должностными лицами без привлечения чертежников, машинисток и другого технического персонала.

9. При этом шли и подготовка, и боевое слаживание войск и личного состава. В каждой дивизии были созданы учебные поля, которые воспроизводили опорные пункты японцев со всеми заграждениями, долговременными огневыми точками, системой охраны и обороны. На этих учебных полях вначале шли тактико-строевые занятия с многократным повторением наиболее сложных приемов действий и взаимодействия между подразделениями различных родов войск. Затем проводилось по 5—6 комплексных учений (большинство из них ночью) с привлечением всех сил и средств, участвующих в боевых действиях. В каждом учении участвовали командиры и штабы дивизий и полков, командиры и штабы дивизионной и полковых артиллерийских групп, авианаводчики, передовые батальоны в полном составе, со всеми средствами усиления. В заключение в каждой дивизии проводилось контрольное учение под руководством командующего армией, где окончательно уточнялись и проверялись все вопросы организации и ведения боевых действий.

Целью операции ставилось — разгромить японскую Квантунскую группировку войск, освободить Северо-Восточный Китай (Маньчжурию), Северную Корею и ускорить завершение Второй мировой войны.

Решительный характер цели стратегической наступательной операции определил и основное содержание ее замысла. Идея его заключалась в том, чтобы двумя основными ударами с запада (территория МНР) войсками Забайкальского и с востока войсками 1-го Дальневосточного фронтов навстречу друг другу и несколькими вспомогательными рассекающими ударами по сходящимся направлениям на **Чанчунь**, во взаимодействии с воздушными десантами, осуществить глубокий охват противника, окружить его главные силы, рассеять их на изолированные группировки и уничтожить по частям. Войскам 2-го Дальневосточного фронта предстояло нанести главный удар на **Харбин**, тем самым содействовать расчленению и уничтожению по частям вражеской группировки.

Главной особенностью операции было то, что началась она на ряде направлений нестандартно, без артподготовки. В ночь на 9 августа передовые батальоны и разведотряды трёх фронтов в сопрово-

ждении пограничников без открытия огня бесшумно перешли границу и овладели долговременными оборонительными сооружениями врага еще до того, как японские расчеты успели их занять и открыть огонь. С рассветом пересекли государственную границу и перешли в наступление главные силы Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов. В тех местах, где японцам удалось своевременно обнаружить выдвижение наших передовых батальонов и занять оборону, боевые действия затянулись, но такие узлы сопротивления умело обходились нашими войсками.

В целом наступление развивалось успешно с первых же часов. Внезапность и сила первоначальных ударов позволили советским войскам полностью захватить инициативу. В правительстве Японии начало военных операций Советским Союзом вызвало панику. «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза, — заявил 9 августа премьер-министр Судзуки, — ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны».

Несмотря на то, что наступление проходило в условиях упорного сопротивления врага, на всех основных направлениях советские войска отлично справлялись с выполнением поставленных задач.

Передовые части Забайкальского фронта уже к 11 августа, преодолев безводную пустыню Гоби, подошли к западным склонам Большого Хингана, а к исходу 14 августа войска фронта, пройдя расстояние от 250 до 400 км, вышли в центральные районы Маньчжурии и к 19—20 августа выполнили задачи Хингано-Мукденской наступательной операции

Войска 1-го ДФ в условиях труднопроходимой горно-таежной местности, прорвав сильную полосу обороны, напоминавшую «линию Маннергейма», только в больших масштабах, и овладев семью мощными укрепленными районами, продвинулись вглубь Маньчжурии на 120—150 км и так же к 19 августа выполнили задачи Харбино-Гиринской наступательной операции.

Войска 2-го ДФ к этому времени вели бои на подступах к **Цицикару** и **Цзямусы**, к 19 августа выполнив задачи Сунгарийской операции.

Таким образом, уже к исходу шестых суток наступления советских войск Квантунская группировка оказалась расчлененной на части, а к 19—20 августа цели стратегической наступательной операции были достигнуты.

Темп наступления советских войск составил на главных направлениях от 30 до 80 км в сутки. Столь высокие темпы наступления войск, действовавших на разобщенных операционных направлениях, стали возможны лишь благодаря тщательно проработанной группировке войск при её создании, знанию особенностей местности и характера системы обороны врага на каждом операционном направлении, широкому и смелому использованию танковых, механизированных и конных соединений, внезапности нападения, высокому наступательному порыву, решительным до дерзости и исключительно умелым действиям, отваге и массовому героизму воинов Красной Армии и моряков.

Перед лицом неминуемого военного поражения, уже 14 августа правительство Японии приняло решение капитулировать. На следующий день пал кабинет премьера Судзуки. С 19 августа японские войска, до которых к этому времени был доведен указ императора Японии о капитуляции, почти повсеместно стали сдаваться в плен. Чтобы ускорить этот процесс и не дать противнику возможности вывезти или уничтожить материальные ценности, с 18 по 27 августа были высажены воздушные десанты в Харбине, Мукдене, Фэнтяне, Синьцзине, Цзилине, Рёдзюне, Дайрэне, Хэйдзё и других городах, а также использованы подвижные передовые отряды.

Так, 18 августа в Харбине воздушный десант под командованием заместителя начальника штаба 1-го Дальневосточного фронта генерал-майора Г. Шелахова захватил на аэродроме начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Х. Хату. А 19 августа 1945 г., когда советское воздушно-десантное подразделение приземлилось на Мукденском аэродроме, был захвачен маньчжурский император Генри Пу И, который со свитой, включая его японских советников, уже готовился улететь в Японию [2].

К концу августа было полностью закончено разоружение Квантунской армии и других сил противника, располагавшихся в Мань-

чжурии и Северной Корее. Успешно завершались и Южно-Сахалинская операция, и десантная операция по освобождению Курильских островов.

Освобожденное китайское и корейское население восторженно встречало советские войска. Части Народно-освободительной армии Китая и корейские партизаны стремились всячески содействовать Красной Армии. В свою очередь Советский Союз, с учетом сложившейся обстановки, взял курс на поддержку революционного движения в лице Компартии Китая. Первым реальным шагом на этом пути явилась передача китайской революционной армии трофейного вооружения и боевой техники бывшей Квантунской группировки японской армии: 600 танков, 3,7 тыс. орудий, минометов и гранатометов, около 12 тыс. пулеметов, свыше 3 тыс. автомашин и 679 складов.

2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури», вошедшего в Токийский залив, состоялась церемония подписания акта капитуляции Японии.

В заключение следует ещё раз подчеркнуть, что значение операции трудно переоценить. Она отличалась огромным размахом и рядом новаторских особенностей:

1. Скрытностью перегруппировок, сосредоточением и развертыванием крупных масс войск.

2. Внезапным переходом войск фронтов в наступление ночью и без артподготовки.

3. Сильным первоначальным ударом и участием максимума бронетанковых и механизированных войск в первом эшелоне Забайкальского фронта.

4. Высокими темпами наступления войск фронтов и вследствие этого — созданием огромного котла окружения.

5. Созданием устойчивой системы управления войсками, организованной еще в период подготовки операции.

6. Огромным размахом операции (до 5000 км по фронту и от 200 до 800 км в глубину).

И, повторим ещё раз, осуществлена одна из самых крупных в истории перегруппировка войск с запада на восток на расстояние

10—12 тыс. км по единственной Транссибирской железнодорожной магистрали.

Каковы же главные итоги Маньчжурской стратегической наступательной операции?

Советские войска за 23 дня боевых действий [3] нанесли японским вооруженным силам самое крупное во Второй мировой войне поражение с наиболее тяжёлыми для противника потерями — свыше 700 тыс. человек, в том числе около 84 тыс. погибшими и свыше 640 тыс. пленными (из них 148 японских генералов). Напомним, что советские войска потеряли 12 тысяч человек (0,7 %). Это самые минимальные потери для стратегической операции такого масштаба (всего участвовало с двух сторон более 2,7 млн человек).

В результате операции стратегические цели войны были достигнуты в самом её начале. Военная стратегия обогатилась опытом подготовки и проведения крупной операции в условиях горно-таежного и пустынно-степного театров военных действий.

Одним из главных итогов советско-японской войны стало освобождение Китая и Кореи от многолетней японской экспансии. Давние добрососедские советско-китайские отношения [4] серьезно упрочились фактом освобождения советскими войсками значительной территории Китая. Еще с августа 1937 г., когда был заключён советско-китайский договор о ненападении, СССР стал оказывать Китаю военную и материальную помощь в борьбе с японским оккупационным режимом. В Китай были направлены советские военные специалисты (в начале 1939 г. свыше 3,5 тыс. чел.). В этот период более 200 советских лётчиков погибли в боях за свободу китайского народа.

Вторая волна помощи СССР пришлось как раз на советско-японскую войну. Это тоже был сложный период, так как в Китае по-прежнему существовали по сути два государства. Однако мудрость китайской нации возобладала, и непримиримые соперники объединили свои усилия против общего внешнего врага.

14 августа 1945 г. в Москве был подписан Договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем. Договор зафиксировал желание сторон укрепить дружественные отношения путем союза и добрососед-

ского послевоенного сотрудничества, предусматривал оказание взаимной помощи и поддержки в совместной войне против Японии.

А в дальнейшем, уже после окончания Народно-освободительной войны в Китае 1946—1949 гг. и провозглашения 1 ноября 1949 г. Китайской Народной Республики, 14 февраля 1950 г. был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи между СССР и КНР сроком на 30 лет.

История отношений между нашими странами подтверждает непреложную истину — в мире и добрососедстве жить всегда лучше, выгоднее и безопаснее. Что и подтверждает сегодняшняя действительность.

Заслуживает величайшего уважения и бережное отношение китайского руководства и всего народа к своей истории. Историю сегодня изменить нельзя, и нет никакой необходимости. Необходимо лишь извлекать из истории уроки и не повторять ошибок.

Каждый очередной год нас отдаляет от тех знаменательных событий. Сегодня, в год 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны Вооруженные Силы России находятся на новом этапе своего развития, который отличается сложностью международной обстановки, социальной и экономической напряженностью и драматизмом событий. Но хочется верить, что бесценный опыт, приобретенный в сражениях на Дальнем Востоке, не только не будет забыт, а напротив, будет творчески применяться в ходе боевой подготовки Вооруженных Сил Российской Федерации и в ходе укрепления российско-китайского сотрудничества во всех сферах, в том числе и в военной.

Примечания

1. С 27 апреля 1944 г. А.М. Василевский активно включился в планирование операции по разгрому Японии, осенью был готов замысел плана, а 27 июня 1944 г. план был доложен И.В. Сталину. 5 июля прибыл на Дальний Восток под именем генерал-полковника Васильева.

2. Около пяти лет Пу И прожил в СССР, а затем был передан властям Китайской Народной Республики по их просьбе. До 1959 г. он содержался в лагере

для почетных заключенных, вел вольготный образ жизни, позже был амнистирован пекинским правительством, стал депутатом Всекитайского народно-политического консультативного совета, начал работать в ботаническом саду Академии наук КНР и писать свои мемуары. В 1967 году китайская печать сообщила о его смерти.

3. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции, несмотря на атомные бомбардировки Хиросимы (6 августа) и Нагасаки (9 августа), рассчитывали добиться капитуляции Японии лишь через 1—1,5 года войны.

4. В мае 1924 г. подписано первое советско-китайское соглашение, по которому устанавливались дипломатические отношения.

КОШКИН Анатолий Аркадьевич,

доктор исторических наук,

академик РАН, эксперт РАН

КАПИТУЛЯЦИЯ ЯПОНИИ: АТОМНЫЕ БОМБЫ ИЛИ СОВЕТСКИЙ БЛИЦКРИГ?

Аннотация. Несмотря на то, что после завершения Второй мировой войны прошло 70 лет, оценки событий этой войны и ее итогов продолжают вызывать оживленные дискуссии не только среди профессиональных историков, но и, что называется, у широкой публики. Среди этих оценок особое место занимают споры по поводу того, что, в конечном счете, привело милитаристскую Японию в 1945 году к капитуляции — атомная бомбардировка японских городов или вступление в войну Советского Союза. Нет единства и по вопросу о необходимости или отсутствия таковой использовать против незащищенного гражданского населения Хиросимы и Нагасаки атомного оружия.

Согласно проведенному 8 апреля 2015 г. в США опросу общественного мнения, здесь и по сей день 56 % населения оправдывают атомную бомбардировку, и лишь 34 % не одобряют это злодеяние. Удивительно, что и в самой Японии находятся те, кто соглашается с применением атомных бомб против своей страны. Таких насчитывается 14 % от общего числа ответивших. При этом подавляющее большинство японцев — 79 % осуждают испепеление в ядерном костре своих соотечественников.

Ключевые слова: атомное оружие, Нагасаки, Хиросима, США, Япония, Советский Союз, бомбардировка, поражение Японии, Маньчжоу-го, Северо-Восточная Азия.

Abstract. Despite the fact that the finish of the Second World War was 70 years ago, the assessments of the events of this war and its results continue to cause lively discussions, not only among professional historians, but also what is called the public. Among those assessments the special place is occupied by the disputes over what, ultimately, led the militaristic Japan in 1945 to surrender — the atomic bombing of Japanese cities or the entry into war of the Soviet Union. There is no solidarity on the question of the need or lack thereof to use atomic weapons against a defenceless civilian population of Hiroshima and Nagasaki. According to the survey of public opinion, conducted on 8 April 2015 in the United States, 56 percent of the population justify the atomic bombing until today, and only 34 percent did not approve of this atrocity. It is surprising that in Japan there are those who agree with the use of atomic bombs against their country. There are 14 percent of the total number of respondents. The vast majority of Japanese people — 79 per cent — condemned the nuclear incineration of the stake of their countrymen.

Keywords: nuclear weapons, Nagasaki, Hiroshima, the United States, Japan, the Soviet Union, bombing, defeat of Japan, Manchukuo, North-East Asia, soviet troops, landing on Japanese Islands, american's troops.

«Сто миллионов погибнут как один!»

В большинстве работ американских историков Второй мировой войны утверждается, что именно атомные удары по Хиросиме и Нагасаки заставили правительство милитаристской Японии капитулировать в августе 1945 г.. При этом участие СССР в войне на Дальнем Востоке рассматривается как второстепенная, а то и вовсе ненужная акция. В Японии же присоединение СССР по многочисленным просьбам союзников — США и Великобритании — к военным действиям по разгрому японских войск именуется правонационалистическими силами этой страны «советской агрессией», предпринятой якобы с целью «захвата территорий».

При этом затушёвывается тот факт, что японское правительство и военное командование не собирались капитулировать после разрушения атомной бомбой Хиросимы. Японские руководители скрыли от народа сообщение о применении американцами обладающего огромной разрушающей силой атомного оружия и продолжали готовить население страны к решающему сражению на своей территории «до последнего японца». Вопрос о бомбардировке Хиросимы даже не был обсуждён на заседании Высшего совета по руководству войной. Предупреждение американского президента Гарри Трумэна от 7 августа по радио о готовности США обрушить новые атомные удары было расценено японским правительством, как пропаганда союзников.

Невзирая на атомную бомбардировку, сторонники «партии войны» продолжали развёрнутую по всей стране подготовку населения к отпору врагу в случае вторжения — женщин, детей и стариков обучали приёмам борьбы с применением бамбуковых копий, в горах создавались базы партизанской войны. Создатель отрядов смертников-камикадзе заместитель начальника главного морского штаба Такадзиро Ониси, категорически выступая против капитуляции, заявлял на заседании правительства: «Пожертвовав жизнями 20 миллионов японцев в специальных атаках, мы добьёмся безусловной победы» [1]. В ходу у японской пропаганды главным стал лозунг «Сто миллионов погибнут как один!»

Жертвы собственного народа не смущали руководителей милитаристской Японии. Не пугали их и атомные бомбы. Ведь не капитулировали же они весной 1945 г., когда в результате массированных «ковровых бомбардировок» японских городов погибли, по разным подсчётам, от 500 до 900 тысяч их жителей, что превосходило число жертв атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

До последнего существовали надежды на использование в «решающем сражении» на территории метрополии сохранившей боеспособность Квантунской армии и японских войск в Китае. Рассматривался и вариант в случае высадки американских войск на Японские острова переправить императора и его семью в созданное японцами после оккупации Северо-Восточного Китая марионеточ-

ное государство Маньчжоу-Го, чтобы продолжить здесь сопротивление. При этом считалось, что США не будут использовать атомное оружие против территории и населения союзного Китая.

Вопреки утверждениям официальных японских историков о том, что нападение СССР было внезапным, в действительности в Токио своевременно получили разведывательную информацию о ялтинском соглашении по поводу предстоявшего вступления Советского Союза в войну с Японией на стороне союзников. 15 февраля 1945 г. руководители японской разведки проинформировали Высший совет по руководству войной о том, что «Советский Союз намерен обеспечить себе право голоса в решении вопросов будущего Восточной Азии». Прозвучало предупреждение, что к весне СССР может расторгнуть пакт о нейтралитете и присоединиться к союзникам в войне против Японии. На следующий день об этом говорил императору Хирохито министр иностранных дел Японии Мамору Сигэмицу: «Дни нацистской Германии сочтены. Ялтинская конференция подтвердила единство Великобритании, США и Советского Союза». Министр рекомендовал микадо не полагаться на пакт о нейтралитете. Генерал Хидэки Тодзио также предупреждал императора о возможности выступления СССР против Японии, оценив такую возможность как «50 на 50» [2].

Денонсированный пакт

Готовясь к вступлению в войну с Японией, советское правительство стремилось соблюсти нормы международного права. 5 апреля 1945 г. правительству Японии было официально объявлено о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 года. В заявлении советского правительства указывалось, что пакт был подписан до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Великобританией и США — с другой. Текст заявления гласил: «С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в её войне против СССР.

Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза.

При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого пакта стало невозможным... В соответствии со статьёй 3-й упомянутого пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия Пакта, Советское правительство настоящим заявляет... о своём желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 года» [3].

Денонсировав пакт о нейтралитете, советское правительство за четыре месяца до вступления в войну фактически информировало японское правительство о возможности участия СССР в войне с Японией на стороне союзных США и Великобритании. В Токио это хорошо понимали. Уже этот факт делает малоубедительными и беспомощными потуги современных японских пропагандистов и обнаружившихся в последние годы их сторонников в нашей стране, пытающихся обвинять СССР в «вероломстве и коварстве». А ведь можно было вступить в войну без всяких предупреждений, как это традиционно делала Япония.

Подготовку СССР к войне на Дальнем Востоке скрыть было невозможно. С весны 1945 года японское руководство регулярно получало от разведки подробную информацию о передислокации советских войск в восточные районы страны. В середине апреля сотрудники военного аппарата японского посольства в Москве доносили в Токио: «Ежедневно по Транссибирской магистрали проходит от 12 до 15 железнодорожных составов... В настоящее время вступление Советского Союза в войну с Японией неизбежно. Для переброски около 20 дивизий потребуется приблизительно два месяца» [4]. Об этом же сообщал и штаб Квантунской армии.

Данная 6 июня 1945 года на очередном заседании Высшего совета по руководству войной оценка реального положения не вселяла оптимизма. В представленном членам совета анализе ситуации говорилось: «Путём последовательно проводимых мер Советский Союз подготавливает почву по линии дипломатии, чтобы при необходимости иметь возможность выступить против Империи; одновременно он усиливает военные приготовления на Дальнем Востоке. Суще-

ствует большая вероятность того, что Советский Союз предпримет военные действия против Японии... СССР может вступить в войну против Японии после летнего или осеннего периода» [5].

Тем не менее, на заседании совета было решено продолжать войну: «Империя должна твёрдо придерживаться курса на затяжной характер войны, не считаясь ни с какими жертвами. Это не может не вызвать к концу текущего года значительных колебаний в решимости противника продолжать войну» [6]. В Токио всё ещё рассчитывали на принятие США и Великобританией компромиссных условий мира, которые, в частности, предусматривали сохранение за Японией Кореи и Тайваня. С другой стороны, предпринимались дипломатические меры по использованию Советского Союза в качестве посредника в деле прекращения военных действий на устраивавших Токио условиях. Однако в представленных советскому правительству «мирных предложениях» напрямую вопрос о прекращении Японией войны не затрагивался. В СССР, естественно, не могли согласиться на какие-либо переговоры, кроме капитуляции, и потому японские предложения о посредничестве были отклонены. Не увенчалась успехом и попытка японского правительства направить в июле 1945 года в Москву в качестве специального эмиссара влиятельного политика, бывшего премьер-министра Японии князя Фумимаро Коноэ. 12 июля в НКВД (МИД) СССР было передано послание императора Хирохито, в котором говорилось о его желании «положить конец войне». Однако в нём вновь был обойдён вопрос о прекращении Японией военных действий. 18 июля НКВД информировал Токио: «Советское правительство не видит возможности дать какой-либо определённый ответ по поводу послания императора, а также миссии князя Коноэ... » [7].

26 июля 1945 г. была опубликована Потсдамская декларация находившихся в состоянии войны с Японией государств, в которой излагались условия её безоговорочной капитуляции. Накануне её текст был передан по радио и стал известен в Японии. Советское правительство сочло целесообразным присоединиться к декларации, но объявить об этом несколько позже. Отсутствие подписи Советского Союза под Потсдамской декларацией породило у японско-

го руководства надежду на продолжение войны, ибо в Японии неизбежность поражения связывали лишь с вступлением в неё СССР. После обсуждения текста декларации на совещании Высшего совета по руководству войной министр иностранных дел Японии Сигэнори Того телеграфировал 27 июля послу в Москве Наотакэ Сато: «Позиция, занятая Советским Союзом в отношении Потсдамской совместной декларации, будет с этого момента влиять на наши действия...». Послу предписывалось срочно выяснить, «какие шаги Советский Союз предпримет против японской империи» [8].

В связи с этим есть основания считать, что отказ Японии сразу капитулировать на условиях Потсдамской декларации был продиктован всё ещё сохранявшимися надеждами на то, что вступления в войну СССР удастся избежать или, по крайней мере, оттянуть его решительными дипломатическими шагами. В частности, предусматривалось предложить Москве серьёзные уступки, включавшие возвращение ранее отторгнутых от России Южного Сахалина и Курильских островов.

«Мокусацу» — убить молчанием

28 июля на пресс-конференции премьер-министр Японии Кантаро Судзуки заявил по поводу Потсдамской декларации: «Мы игнорируем её. Мы будем неотступно идти вперёд и вести войну до конца» [9]. Небезынтересно, что после войны японские историки пытались доказать «несовершенство перевода» заявления Судзуки. Они утверждали, что использовавшееся японское слово «мокусацу» не эквивалентно понятию «игнорировать». Заметим, что это действительно так, но только в том смысле, что «мокусацу» ещё более сильное и презрительное выражение, означающее «убить молчанием».

Занятая японским правительством позиция затягивала окончание Второй мировой войны, вела к новым жертвам и лишениям народов. Поэтому в строгом соответствии с определёнными в Ялтинском соглашении сроками Советский Союз 8 августа 1945 г. объявил Японии войну. В заявлении советского правительства говорилось:

«После разгрома и капитуляции Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая всё ещё стоит за продолжение войны.

Требование трёх держав — Соединённых Штатов Америки, Великобритании и Китая — от 26 июля сего года о безоговорочной капитуляции японских вооружённых сил было отклонено Японией. Тем самым предложение Японского Правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву.

Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому Правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем самым сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира.

Верное своему союзническому долгу, Советское Правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года.

Советское правительство считает, что... его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после её отказа от безоговорочной капитуляции.

Ввиду изложенного Советское Правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией» [10].

Перед советскими войсками была поставлена задача в кратчайшие сроки и с минимальными потерями разгромить противостоящую СССР Квантунскую армию (в действительности несколько фронтов), а также японские войска в Корее, освободить Южный Сахалин и Курильские острова. Эта задача была с честью выполнена. Созданная за весну-лето 1945 г. группировка советских войск на Дальнем Востоке насчитывала свыше 1,7 млн человек, около 30 тысяч орудий и миномётов, 5250 танков и САУ, более 5 тысяч боевых самолётов. Стремительные сокрушительные удары советских войск на фронте протяженностью более 5 тыс. км позволили наголову раз-

бить соединения и части Квантунской армии. Для японской армии это было самое крупное поражение в войне. За 24 дня были разгромлены 22 японские дивизии. Потери японцев убитыми составили 83 737 и пленными — свыше 640 276 человек [11].

Еще до разгрома Квантунской армии утром 9 августа 1945 г. министр иностранных дел С.Того убеждал премьер-министра К.Судзуки, что вступление Советского Союза в войну не оставляет для Японии другого выхода, кроме принятия условий Потсдамской декларации. Влиятельный министр — хранитель императорской печати Коити Кидо доложил Хирохито о необходимости немедленно прекратить войну. При этом выражалось опасение, что иначе поражение в войне может подтолкнуть народные массы к революции. Стремясь избежать этого, политическое руководство страны и окружение императора считали необходимым капитулировать как можно скорее перед американцами и англичанами, дабы не допустить высадки на Японские острова войск Советского Союза. Премьер-министр Судзуки, выступая против попыток военных затянуть принятие окончательного решения о капитуляции, заявлял на совещании в присутствии императора, что «необходимо положить конец войне, пока мы имеем дело с американцами». Заметим, что при президенте Франклине Рузвельте в планах оккупации Японии Советскому Союзу отводились для занятия территории не только весь остров Хоккайдо, но и северо-восточная часть основного острова японской метрополии — Хонсю [12].

На состоявшемся 9 августа экстренном заседании Высшего совета по руководству войной премьер-министр Судзуки заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным продолжение войны».

Испепеляющая «милость небес»

В полдень 15 августа 1945 г. японцы впервые за всю историю существования государства услышали голос своего божественного монарха, который на трудном для простолюдинов языке объявил о ре-

шении прекратить войну. В качестве обоснования невозможности дальнейшего сопротивления было указано на использование противником «новой и самой тяжелой бомбы невиданной разрушительной силы». Тем самым давалось понять, что Япония не сдаётся, потерпев поражение в сражениях с противником, а вынуждена-де отступить перед неодолимой силой невиданного ранее оружия. В связи с этим в Японии до сих пор немало таких, кто считает, что применение американцами атомных бомб явилось *«тэнью»* — волей провидения, милостью небес, позволившей священной нации Ямато выйти из войны с честью, не потеряв лица.

В действительности же неизбежность поражения микадо и его ближайшее окружение связывали не столько с атомными бомбардировками, сколько с участием в войне сокрушившей военную мощь гитлеровской Германии Красной армии. В рескрипте от 17 августа 1945 г. «К солдатам и матросам» главнокомандующий армией и флотом Японии император Хирохито, уже не упоминая американские атомные бомбы и уничтожение японских городов, в качестве основной причины капитуляции назвал вступление в войну СССР. Было со всей определённостью заявлено: «Теперь, когда в войну против нас вступил и Советский Союз, продолжать сопротивление... означает поставить под угрозу саму основу существования нашей Империи» [13]. По понятным причинам американские и японские историки и пропагандисты избегают упоминания этого важного документа.

Факты свидетельствуют о том, что без вступления в войну СССР американцы не смогли бы быстро покорить Японию, «забросав её атомными бомбами», как убеждала японское население в листовках и по радио американская военная пропаганда. По расчётам американских штабов, для обеспечения высадки десантов на Японские острова требовалось, по меньшей мере, девять атомных бомб. После ударов по Хиросиме и Нагасаки у США больше не было готовых атомных бомб, производство же новых требовало длительного времени. «Эти бомбы, сброшенные нами, — свидетельствовал военный министр США Генри Стимсон, — были единственными, которыми мы располагали, а темпы производства их в то время были весьма низкими» [14]. Не следует забывать и то, что в ответ на атомные уда-

ры японцы могли обрушить на США накопленное в расположенных в Северо-Восточном Китае японских секретных лабораториях в огромных количествах бактериологическое и химическое оружие. Эту грозящую всему миру опасность предотвратило вступление СССР в войну. Бывший командующий Квантунской армией генерал Отодзо Ямада признал на судебном процессе: «Вступление в войну против Японии Советского Союза и стремительное продвижение советских войск вглубь Маньчжурии лишило нас возможности применить бактериологическое оружие...» [15].

Не вступи Советский Союз в войну, она могла продолжаться еще неопределенно долго. Понимая это, даже, несмотря на успешное испытание атомной бомбы, на Потсдамской конференции во второй половине июля 1945 г. президент США Трумэн прямо заявил, что «США ожидают помощи от СССР в войне против Японии» [16].

«Забытые» признания

По прошествии 70 лет в США стараются «забыть» о признании американскими политиками и особенно военными важной роли СССР в разгроме милитаристской Японии. В 1945 г. американские военные стратеги исходили из того, что даже если разработанный план высадки войск США на Японские острова «Даунфол» был бы осуществлен, не было уверенности, что «могущественная Квантунская армия, находясь почти на полном самообеспечении, не будет продолжать борьбу». Командующий англо-американскими войсками на Тихом океане и Дальнем Востоке генерал Дуглас Макартур также считал, что войска США «не должны высаживаться на острова собственно Японии, пока русская армия не начнет военные действия в Маньчжурии» [17]. Крупный военный и политический деятель США генерал армии Джордж Маршалл указывал: «Важность вступления России в войну заключается в том, что оно может послужить той решающей акцией, которая вынудит Японию капитулировать» [18]. Так и произошло.

Даже занимавший откровенно антисоветские позиции президент США Г.Трумэн вынужден был признавать: «Мы очень желали,

чтобы русские вступили в войну против Японии». В своих мемуарах он отмечал, что «вступление России в войну становилось все более необходимым для спасения сотен тысяч американцев» [19].

Непредвзятый анализ сложившейся в августе 1945 г. военно-политической ситуации на Дальнем Востоке заставляет даже непримиримых критиков Советского Союза признавать очевидные факты. Так, в изданном в 2005 году многостраничном научном исследовании причин принятия японским правительством решения о капитуляции профессор Калифорнийского университета (США) этнический японец Цуёси Хасэгава признает определяющее влияние вступления СССР в войну на решение императора принять условия капитуляции. В заключительной части своего труда «В погоне за врагом. Сталин, Трумэн и капитуляция Японии» он пишет: «Сброшенные на Хиросиму и Нагасаки две атомные бомбы не являлись определяющими при принятии Японией решения капитулировать. Несмотря на сокрушительную мощь атомных бомб, их было недостаточно для изменения вектора японской дипломатии. Это позволило сделать советское вторжение. Без вступления Советского Союза в войну японцы продолжали бы сражаться до тех пор, пока на них не были бы сброшены многочисленные атомные бомбы, не осуществилась бы успешная высадка союзников на острова собственно Японии или продолжались бы воздушные бомбардировки в условиях морской блокады, что исключило бы возможность дальнейшего сопротивления» [20].

Это мнение в своей статье в журнале «Форин полиси», озаглавленной «Победу над Японией одержала не бомба, а Сталин» разделяет Уорд Уилсон, автор книги «Пять мифов о ядерном оружии» (Five Myths About Nuclear Weapons).

Он указывает, что летом 1945 г. американская авиация разбомбила обычными бомбами — целиком или частично — 66 японских городов, разрушения были колоссальные, в некоторых случаях сравнимые с разрушениями при атомных бомбардировках. 9—10 марта в Токио выгорело 16 квадратных миль, погибли около 120 тыс. человек. Хиросима — лишь на 17-м месте по разрушениям городской территории (в процентном отношении). Автор пишет: «Что же встрево-

жило японцев, если их не волновали ни бомбежки городов в целом, ни атомная бомбардировка Хиросимы конкретно? Ответ прост — это был СССР».

И далее: «Традиционная версия, что Япония капитулировала из-за Хиросимы, удобна, так как она удовлетворяет эмоциональные потребности и США, и самой Японии. Какую выгоду извлекли США из традиционной версии? Репутация военной мощи США значительно улучшилась, влияние дипломатии США в Азии и во всем мире возросло, безопасность США окрепла... Напротив, если бы причиной капитуляции считалось вступление СССР в войну, Москва смогла бы утверждать, что за 4 дня ей удалось то, чего США не могли добиться 4 года, и представления о военной мощи и дипломатическом влиянии СССР окрепли бы... В период холодной войны утверждения, что СССР сыграл решающую роль, были бы равны «пособничеству врагу», — считает Уилсон [21].

Цель — жилые массивы

Итак, не отвергая значения атомных бомбардировок, приблизивших капитуляцию Японии, нельзя согласиться с тем, что именно они, и только они, определили исход войны. Это признавалось и видными политическими деятелями Запада. Так, занимавший в годы Второй мировой войны пост премьер-министра Великобритании Уинстон Черчилль заявлял: «Было бы ошибочным полагать, что судьба Японии была решена атомной бомбой» [22].

Убедительно доказано и то, что атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки не были вызваны военной необходимостью. Принимая решение об использовании атомного оружия, американское руководство нацеливало его не против военных объектов, а против мирных жителей японских городов. Об этом неопровержимо свидетельствуют документы. Так, в отданном 2 августа 1945 года оперативном приказе № 13 американского командования указывалось: «День атаки — 6 августа. Цель атаки — центр и промышленный район города Хиросима. Вторая резервная цель — арсенал и центр города Кокура. Третья резервная цель — центр города Нагасаки» [23].

Нанося атомные удары по густонаселенным районам Хиросимы и Нагасаки, американское правительство и командование стремились достичь, прежде всего, психологического эффекта, уничтожив для этого как можно больше людей. Президент Трумэн лично одобрил предложение своего ближайшего советника, впоследствии госсекретаря США Джеймса Бирнса о том, что «бомбу следует использовать как можно скорее против Японии, что ее следует сбросить на военный завод, окруженный жилыми массивами для рабочих, и что ее следует применить без предварительного предупреждения» [24].

Атомная бомбардировка преследовала и другую важную цель — запугать СССР и другие государства, добиться благодаря ядерной монополии господства США в послевоенном мире. Готовя применение атомных бомб, американское руководство рассчитывало на то, что бомбардировка поможет «сделать Россию сговорчивой в Европе». Известно высказывание Трумэна по этому поводу: «Если бомба взорвется, что, я думаю, произойдет, у меня, конечно, будет дубина для этих парней» [25]. Как стало известно, по разработанному весной 1945 г. плану новой войны англо-американских войск теперь уже против Советского Союза «Немыслимое» предусматривалось массированное использование атомного оружия против Красной армии и советских городов. В связи с этим трудно не согласиться с высказыванием известного английского физика, лауреата Нобелевской премии Патрика Блэкетта о том, что атомные бомбардировки «были не в последнюю очередь актом против России». И действительно, атомные удары явились не последним аккордом Второй мировой, а возвестили начало надолго охватившей планету холодной войны.

Не выдерживает критики и версия о том, что Советский Союз «выступил против уже поверженной Японии», что Квантунская армия была ослаблена и практически не оказывала сопротивления. Размещенные на территории Маньчжурии и Кореи японские вооруженные силы, хотя частично и перебрасывались на другие фронты, сохраняли свою боевую мощь и до конца войны оставались наиболее обученной и хорошо оснащенной группировкой сухопутных войск, на которую военно-политическое руководство Японии возлагало большие надежды в планах продолжения «войны до победного кон-

ца». В связи с этим, по меньшей мере, недоумение вызывают утверждения о том, что на момент вступления СССР в войну в Маньчжурии якобы оставалось лишь 300-тысячная группировка японских войск. И это притом, что, как указывалось выше, одних военнопленных солдат и офицеров Квантунской армии насчитывалось 640 тыс. человек.

Фактом истории является то, что Красная армия Советского Союза внесла решающий вклад в разгром японских сухопутных сил на континенте. Советский блицкриг лишил японское руководство шансов на переброску в метрополию войск из Китая, тем самым сорвав планы кровопролитного «сражения за метрополию», предотвратил развязывание милитаристской Японией бактериологической и химической войны, что спасло миллионы человеческих жизней, в том числе самих японцев.

Примечания

1. Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. 9. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции. М., 2014. С. 406.
2. *Vix H.P.* Hirohito and the Making of Modern Japan. New York, 2000. P. 490.
3. Известия. 06.04.1945.
4. Дайтоа сэно кокан си. Кантогун 2 : [Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Квантунская армия. Ч. 2]. Токио, 1974. С. 325.
5. *Такусиро Хаттори*. Япония в войне 1941-1945. (Пер. с яп.). М., 2000. С. 541.
6. Там же.
7. Вестник Министерства иностранных дел СССР. Октябрь, 1990. С. 54.
8. Foreign Relations of the United States (FRUS). The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945. Vol. II. Washington, 1960. P. 1292—1293.
9. *Митихиро Кудо*. Ниссо тюрису дзэяку но кёко : [Ложная сущность японо-советского Пакта о нейтралитете]. Токио, 2011. С. 228.
10. Правда. 09.08.1945.
11. Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь: Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 374—375.
12. Подробнее см.: *Анатолий Кошкин*. Японию могли порезать на кусочки // Российская газета. 13.09.2006.

13. *Како Сэнда*. Тэнно но тёкуго еш сёва си : [Высочайший рескрипт императора и история периода Сёва]. Токио, 1983. С. 394.
14. *Henry L. Stimson and McGeorge Bundy: On Active Service in Peace and War*. New York, 1948. P. 630.
15. Материалы судебного процесса бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. С. 27.
16. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Берлинская (Потсдамская) конференция. М., 1984. С. 40.
17. *The Entry of the Soviet Union into the War against Japan: Military Plans, 1941—1945*. Washington, 1955. P. 51.
18. *Савин А.С.* Японский милитаризм во Второй мировой войне. М., 1979. С. 191.
19. *Truman H.* *Memoirs*. Vol. I: Years of Decision. New York, 1955. P. 229, 314.
20. См. подробнее: *Hasegawa Tsuyoshi*. *Racing the Enemy. Stalin, Truman and the Surrender of Japan*. Cambridge, Massachusetts. London, 2005.
21. URL: inosmi.ru/world/20130531/209533544.html
22. *Churchill W.* *The Second World War*. Vol. VI. London, 1953. P. 559.
23. *Ариацу Нусидзима*. Гэмбаку ва надзэ токасарэта ка? : [Почему была сброшена атомная бомба?]. Токио, 1985. С. 61.
24. История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. М., 1980. С. 151.
25. *Daniels J.* *The Man of Independence: The Life and Times of Harry Truman*. New York, 1951. P. 266.

Ким Ен Ун,
кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник ИДВ РАН,
e-mail: kim@ifes-ras.ru

К ВОПРОСУ О ВЫПОЛНЕНИИ ЯПОНИЕЙ УСЛОВИЙ КАПИТУЛЯЦИИ. РОЛЬ США

Аннотация. Япония является одной из двух стран — зачинщиков Второй мировой войны, вынужденных в результате поражения в развязанной ими войне безоговорочно капитулировать перед Союзными державами. Но, в отличие от капитуляции Германии, в Японии были сохранены правительство, императорская власть; Япония фактически осталась субъектом международного права, хотя и ограниченного в первое время, но такие права, как денежная эмиссия, обмен старых дензнаков на новые, были сохранены. Кроме того, капитулировавшие японские войска были интернированы и получили статус военнопленных только в Манчжурии и Корее, где капитулировали перед Советской армией. Капитулировавшие перед войсками США, гоминьдановского Китая, Великобритании военнослужащие Японии были просто разоружены и отпущены по домам. В гоминьдановском Китае часть из них находилась до лета 1946 г. при военной форме и оружии.

В нарушение статуса безоговорочно капитулировавшего государства Япония была вознаграждена усилиями США мирным договором, что фактически юридически ставило Японию в ряд просто проигравших войну стран, а не зачинщиков Второй мировой вой-

ны. С Германией никто не заключал мирного договора. И России нет резона заключать мирный договор с полностью и безоговорочно капитулировавшей страной.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Акт о капитуляции Японии, Каирская и Потсдамская декларации, отгеснение Союзных держав от решения вопросов послевоенного устройства Японии.

Спустя 70 лет после окончания Второй мировой войны на Тихоокеанском театре военных действий и полной и безоговорочной капитуляции Японии, мировое сообщество сталкивается с фактическим непризнанием Японией своих преступных действий во время мировой войны, попыткой реванша, игнорирования итогов войны, посягательством на территориальную целостность всех своих соседей.

Связано ли это только с реваншизмом Японии и особым националистическим духом, менталитетом японцев, или есть какие-то серьезные другие причины, связанные с действиями иных сил, имеющих влияние в данном регионе?

Победа над Японией осуществлена войсками антигитлеровской и антимилитаристской (антияпонской) коалиции, что выразилось не только в совместных военных действиях их вооруженных сил против Японии, но и тем фактом, что капитуляция Японии была осуществлена не только перед США, но перед союзными державами, и Акт капитуляции подписан с одной стороны Японией, с другой — представителями Союзных держав [1]. Однако вопреки этому, США присвоили себе право единоличного решения всех вопросов послевоенного устройства, управления и развития Японии. Если все вопросы управления и послевоенного устройства жизни капитулировавшей Германии решались Союзной Контрольной комиссией, то в Японии решение всех вопросов послевоенной Японии были отданы на откуп главнокомандующему американскими войсками, в этом качестве именовавшимся Верховным Главнокомандующим союзными войсками с согласия Союзных держав, генералу Дугласу Макартуру. Он вообще не считался ни с кем из представителей союзных держав, находившихся в Токио в то время. По своему пониманию он менял состав правительства Японии, по своему разумению наделял это правительство компетенциями, которые противоречили по-

ложению страны, которая только что капитулировала, причем капитулировала полностью и безоговорочно.

Понятие полной и безоговорочной капитуляции применяется к государству, которое не просто проиграло войну (развязанную им или навязанную ему), а сдалось на милость победителя (победителей) в связи с полным банкротством самой идеи войны, которую она развязала против других стран. В XX веке сам термин применялся не просто к потерпевшим поражение странам (например, к странами гитлеровского лагеря, к концу войны сбежавших из него в силу бесперспективности войны на стороне нацистского рейха), а к зачинщикам Второй мировой войны. К зачинщикам мировой войны, принесшей гибель десяткам миллионов людей, невиданное разрушение экономики, культурных достижений человечества, было решено применить особое наказание за развязывание войны и их реальные преступления. В этом — смысл полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии и милитаристской Японии. К другим странам, воевавшим на их стороне в годы войны, этот акт полной и безоговорочной капитуляции не применялся.

Возможно, обозначить признание поражения японской армии в виде акта капитуляции было сокровенным желанием генерала Макартура за свое унижение, которое он испытал, капитулировав перед японской армией при обороне Филиппин в 1941 — начале 1942 гг. (он тогда руководил обороной Филиппин в качестве командующего войсками союзников).

Если учитывать, что Филиппины занимали особое место в судьбе Д. Макартура (его отец генерал—лейтенант Артур Макартур был генерал-губернатором Филиппин в годы, когда эта страна была протекторатом США, а в 1937 г. сам Дуглас Макартур был удостоен звания фельдмаршала Филиппинской армии), понятно его обостренное личное желание отомстить японцам. Поэтому он предпринял ряд шагов по наказанию политиков и военных деятелей Японии на Токийском военном трибунале, добившись смертного приговора ряду японских деятелей.

Однако американская политика в отношении Японии в целом была явно направлена не на реализацию условий капитуляции Япо-

нии, тем более таких же условий капитуляции, какие были в отношении капитулировавшей нацистской Германии.

Можно было бы предположить, что изменение отношения США к Японии было связано с началом «холодной войны», последовавшей после известной речи У. Черчилля в Фултоне (США) в марте 1946 г. Но все же еще до этого события были разработаны и приняты шаги, которые фактически вывели Японию из-под правовой ответственности, вытекавшей из факта полной и безоговорочной капитуляции. Об этом свидетельствует ряд фактов.

Первое. Каирская декларация (27 ноября 1943 г.) и Потсдамская декларация (27 июля 1945 г.) определяли судьбу Японии во Второй мировой войне.

В Каирской декларации, подписанной Ф.Д. Рузвельтом, У. Черчиллем, Чан Кайши руководители соответственно США, Великобритании и Китайской Республики заявили, что они «проявили решимость обрушить беспощадные удары по жестокому врагу на море, на суше и в воздухе, и этот натиск на Японию уже нарастает. Три великие союзные державы ведут настоящую войну с целью пресечения агрессии со стороны Японии и наказания агрессора, не стремясь при этом получить для себя какие-либо выгоды и не имея ни малейшего намерения расширить свои территории. Цель вышеупомянутых союзных держав заключается в том, чтобы лишить Японию всех островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала Первой мировой войны 1914 г., и в том, чтобы все территории, которые Япония отторгла у китайцев, как например Маньчжурия, Формоза и Пескадорские острова, были возвращены Китайской республике. Япония должна быть также изгнана со всех других территорий, захваченных ею благодаря насилию и алчности» [2].

При этом имелось в виду, что США, Великобритания и Китайская Республика намерены в сотрудничестве со всеми союзниками по антигитлеровской, антияпонской коалиции в конечном итоге добиться «безоговорочной капитуляции Японии».

Таким образом, США, Китай, Великобритания заявили о своем желании добиться не просто прекращения военных действий со стороны Японии, но добиться ее безоговорочной капитуляции, нака-

зять ее, лишив всех территорий, которые она захватила благодаря своей алчности и насилию. К этим территориям относились, прежде всего, территории, захваченные или оккупированные в годы Первой мировой войны (1914—1918 гг.), захваченные у Китая до и после Первой мировой войны территории (Манчжурия, Тайвань, Пескадорские острова) [3] и которые надлежало после капитуляции Японии вернуть Китаю. Предполагалось также безусловно отнять у Японии Корею, возвратив ей в должное время независимость.

Каирская декларация была провозглашена в то время, когда на Тихоокеанском театре военных действий китайским, американским, английским, австралийским и новозеландским войскам еще приходилось в основном вести оборонительные бои против японских войск. На европейском театре военных действий, точнее, советско-германском фронте, после поражения гитлеровских войск на Курской дуге уже произошел коренной перелом в войне, и с точки зрения военной стратегии было понятно, что нацистская Германия проиграет войну. Хотя для победы над ней еще нужны были огромные жертвы и усилия, полководческий талант, героизм и грамотная стратегия и тактика ведения военных действий, вопрос стоял только о времени, которое было необходимо для окончательного поражения Германии. И это давало уверенность союзным войскам на тихоокеанском театре военных действий в своей конечной победе, капитуляции Японии и ее наказании.

После разгрома фашистской Германии и окончания войны в Европе к июлю 1945 г. позиции США, Китая, Великобритании в войне против Японии окрепли, японские войска терпели поражение на Тихом океане и не сумели, несмотря на стойкость солдат и офицеров, удержать о. Иводзиму, Филиппины и Окинаву.

В такой ситуации 17 июля — 2 августа проводится Потсдамская конференция, где принимается Потсдамская декларация, в которой не только получили развитие итоги Каирской конференции, но и было заложено много правовых «казусов», которые в итоге позволили США и Японии впоследствии выхолостить букву и дух Акта о капитуляции Японии. Япония сегодня пытается использовать это обстоятельство, чтобы претендовать на чужие территории, фактически

не признавать итогов Второй мировой войны и скрывать нарушения положений как Потсдамской декларации, так и Акта о капитуляции.

Потсдамская декларация была подписана президентом США Г. Трумэнном, премьер-министром Великобритании У. Черчиллем, президентом Китайской Республики Чан Кайши по телеграфу. Позже ее подписал также лидер СССР И. Сталин.

Этот документ, несмотря на то, что позиции Японии значительно ослабли по сравнению с ноябрем 1943 г., (временем принятия Каирской декларации), а позиции союзных сил существенно окрепли, не содержит пункта о безоговорочной капитуляции Японии. В п. 1 Декларации говорится о том, что три вышеупомянутых лидера «согласились в том, что Японии следует дать возможность окончить эту войну». Констатируя факт наличия огромных вооруженных сил союзных государств и их готовность нанести окончательные удары по Японии, в п. 2 говорится о решимости «всех союзных наций вести войну против Японии до тех пор, пока она не прекратит свое сопротивление» [4]. Пункт 3 документа, констатируя факт разгрома Германии, сулит Японии, если она не прекратит войну, «полное применение нашей военной силы, подкрепленной нашей решимостью, будет означать неизбежное и окончательное уничтожение японских вооруженных сил, столь же неизбежное полное опустошение японской метрополии» [5]. И поэтому в п. 4 Японии предлагается выбрать один из вариантов действия: продолжать под властью милитаристских советников войну или «пойти по пути, указываемому разумом».

Затем союзные державы ставят перед Японией условия:

1. Навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, которые обманули и ввели в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний, ибо мы твердо считаем, что новый порядок мира, безопасности и справедливости будет невозможен до тех пор, пока безответственный милитаризм не будет изгнан из мира (п. 6).

2. До тех пор, пока такой новый порядок не будет установлен и до тех пор, пока не будет существовать убедительное доказательство, что способность Японии вести войну уничтожена, — пункты на японской территории, которые будут указаны союзниками, будут

оккупированы для того, чтобы обеспечить осуществление основных целей, которые мы здесь излагаем (п. 7).

3. Условия Каирской декларации должны быть выполнены, и японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем (п. 8).

4. Японским вооруженным силам после того, как они будут разоружены, будет разрешено вернуться к своим очагам с возможностью вести мирную и трудовую жизнь (п. 9).

5. Мы не стремимся к тому, чтобы японцы были порабощены как раса или уничтожены как нация, но все военные преступники, включая тех, которые совершили зверства над нашими пленными, должны понести суровое наказание. Японское правительство должно будет устранить все препятствия к возрождению и укреплению демократических тенденций среди японского народа. Будут установлены свобода слова, религии и мышления, а также уважение к основным человеческим правам (п. 10).

6. Японии будет разрешено иметь такую промышленность, которая позволит ей поддержать ее хозяйство и взыскать справедливые репарации натурой, но не те отрасли промышленности, которые позволят ей снова вооружиться для ведения войны. В этих целях будет разрешен доступ к сырьевым ресурсам в отличие от контроля над ними. В конечном счете Японии будет разрешено принять участие в мировых торговых отношениях (п. 11).

7. Оккупационные войска союзников будут отведены из Японии, как только будут достигнуты эти цели и как только будет учреждено мирно настроенное и ответственное правительство в соответствии со свободно выраженной волей японского народа (п. 12).

8. Мы призываем правительство Японии провозгласить теперь же безоговорочную капитуляцию всех японских вооруженных сил и дать надлежащие и достаточные заверения в своих добрых намерениях в этом деле. Иначе Япониию ждет быстрый и полный разгром (п. 13) [6].

Совершенно очевидно, что Потсдамская декларация ужесточила территориальные изъятия из владений Японии, ограничив ее суверенитет, как указано в п. 8, островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые будут указаны со-

юзными державами. В Каирской декларации предусматривалось изъятие только тех территорий, которые захватила или аннексировала Япония в период Первой мировой войны, а также Манчжурии, Тайваня, Пескадорских (*кит.* — Пенхулдао) островов, подлежащих возвращению Китаю. Остальные территории, за исключением Кореи, четко не обозначены.

В декларации не говорится о полной оккупации японской территории, а указывается возможность оккупации лишь части территории или отдельных пунктов, которые могли бы послужить возможности Японии вести войну.

Потсдамская декларация не предусматривает интернирования капитулировавших японских воинских частей. Лишь указано в п. 9, что после разоружения все военнослужащие японской армии вернуться к своим очагам с возможностью вести мирную трудовую жизнь. Эта формула звучит весьма противоречиво, ибо свой очаг может быть в любом месте. После капитуляции Японии японские военнослужащие в гоминьдановской части Китая, в южной части Кореи, на территории, оккупированной английскими войсками, сохраняли свое личное оружие и обмундирование, а в японской метрополии просто были без оружия распущены по домам. Как подчеркивал народный комиссар по иностранным делам СССР В.М. Молотов 22 сентября 1945 г. во время беседы с госсекретарем США Дж. Бирнсом, к той дате американцы уже отпустили домой 1,5 млн демобилизованных военнослужащих японской императорской армии [7].

Вопрос о капитуляции Японии поднят в Декларации только в последнем пункте и касается не капитуляции Японии как государства, а только ее армии. Если сравнить с капитуляцией Германии, то до подписания Акта капитуляции представители немецкого правительства и армии не знали условий капитуляции. Союзные державы уже после капитуляции сформулировали ее условия. А Японии еще до капитуляции были названы все условия капитуляции, вплоть до сохранения правительства Японии и императорской власти. Известно, что 10 августа 1945 г. правительство Японии направило странам, подписавшим Потсдамскую Декларацию, послание о своем согласии с условиями капитуляции при сохранении прерогатив императора

как «суверенного правителя». На следующий день правительства СССР, США и Великобритании подтвердили условия, изложенные в Потсдамской декларации [8]. А они предусматривали сохранение японского правительства.

Японский император заявил о капитуляции Японии 15 августа, но подписание Акта о капитуляции состоялось 2 сентября на борту линкора «Миссури» на рейде Токийского залива. Хотя содержание данного акта является общеизвестным уже 70 с лишним лет, не будет излишним еще раз обратить внимание на ее полный текст:

«АКТ О КАПИТУЛЯЦИИ

Мы, действуя по поручению и от имени Императора Японии, японского Правительства и японского императорского Главного Штаба, настоящим принимаем положения, изложенные в декларации, принятой главами Правительств Соединенных Штатов, Китая и Великобритании 26 июля 1945 г. в г. Потсдам, и в последующем принятой Союзом Советских Социалистических Республик (в дальнейшем четыре державы именуются Союзными державами).

Настоящим мы объявляем безоговорочную капитуляцию перед Союзными державами японского императорского Главного Штаба и всех японских вооруженных сил, а также всех вооруженных сил, находящихся под контролем Японии на какой-либо территории.

Настоящим мы приказываем всем вооруженных силам, расположенным на любых территориях, а также японскому народу немедленно прекратить вооруженные действия, защищать и избавить от угрозы нанесения ущерба все морские и воздушные суда, военную и гражданскую собственность, а также соблюдать все требования Верховного Главнокомандующего Союзных держав или ведомств японского Правительства, действующих по его указанию.

Настоящим мы приказываем японским императорским штабам немедленно издать приказы командирам всех японских вооруженных сил и всех вооруженных сил под контролем Японии, независимо от их местонахождения, безоговорочно капитулировать и передать все войска под их контроль.

Настоящим мы приказываем всем гражданским, военным и морским офицерам соблюдать и исполнять все декларации, а также

приказы и директивы, необходимые, по мнению Верховного Главнокомандующего, для Союзных держав в целях надлежащего оформления капитуляции и издаваемые им или от его имени, и мы приказываем всем таким офицерам оставаться на своих должностях и выполнять свои мирные обязанности, кроме случаев, когда они в прямой форме освобождаются от них.

Настоящим мы обязуемся от имени Императора, японского Правительства и их преемников добросовестно выполнять положения Потсдамской декларации, а также издавать любые приказы и предпринимать любые действия, необходимые, по мнению Верховного Главнокомандующего, для Союзных держав или других уполномоченных представителей Союзных держав в целях исполнения данной Декларации.

Настоящим мы приказываем японскому императорскому Правительству и японскому императорскому Главному Штабу немедленно освободить всех военнопленных и интернированных гражданских лиц Союзных держав, находящихся на данный момент под контролем Японии, а также обеспечить их защиту, медицинский уход, содержание и немедленную транспортировку в указанные места.

Власть Императора и японского Правительства управлять государством подчиняется Верховному Главнокомандующему Союзных держав для осуществления шагов, которые он считает необходимыми для исполнения условий капитуляции» [9].

Со стороны Японии от имени Императора Японии и японского Правительства Акт подписали министр иностранных дел Японии Мамору Сигимицу и начальник Главного штаба Японской армии Ёсидзиро Умэу от имени японского Императорского Главного Штаба. Оба представителя накануне получили подписанное императором Японии Хирохито поручение подписать Акт о капитуляции. Необходимо обратить внимание на то, что Акт о капитуляции Главного штаба и японской армии по поручению и от имени императора и правительства подписал министр иностранных дел, что говорит о том, что в данном случае речь реально шла о капитуляции не просто армии, а государства.

Кроме того, заслуживают особого внимания абзацы 6 и 8 документа, которые прямо предписывают и императору и правительству Японии не просто выполнять решения Потсдамской декларации, подписанные руководителями 4 великих держав, а выполнять решения назначенного этими руководителями исполнителя в лице Верховного Главнокомандующего или других уполномоченных представителей Союзных держав. Абзац 6: «Настоящим мы **обязуемся** от имени Императора, японского Правительства и их преемников добросовестно выполнять положения Потсдамской декларации, а также **издавать любые приказы и предпринимать любые действия, необходимые, по мнению Верховного Главнокомандующего, для Союзных держав или других уполномоченных представителей Союзных держав в целях исполнения данной Декларации** (выделено мной — *К.Е.У.*)».

Последний абзац Акта о капитуляции (8) гласит: «Власть Императора и японского Правительства управлять государством подчиняется Верховному Главнокомандующему Союзных держав для осуществления шагов, которые он считает необходимыми для исполнения условий капитуляции». Еще раз отметим, что власть Императора и правительства Японии подчиняется назначенному исполнителю в лице Верховного Главнокомандующего Союзных держав, которого в принципе лидеры Союзных держав могут в любое время заменить другим исполнителем, которому, в свою очередь, должны подчиняться император и правительство Японии. Это как раз свидетельство полной и безоговорочной капитуляции.

В Акте о капитуляции нет ни единого слова о присутствии оккупационных войск на территории Японии. Говорится только о Верховном Главнокомандующем Союзных держав. А между тем, п. 12 Потсдамской декларации ясно говорит о союзных войсках на территории Японии. США не посчитали необходимым присутствие на территории Японии никаких оккупационных войск, кроме американских. Более того, предложение СССР о вводе войск Красной Армии на территорию Хоккайдо США категорически отвергли.

Но вместе с тем, в отличие от Германии, в Японии сохранялась императорская власть как символ нации, а также правительство, которое выполняло функции представления интересов страны в отно-

шениях с другим странами. В частности, правительство Японии сохранило право выпуска собственных денежных знаков, а также их обмена по определенному курсу на иностранные валюты или денежные знаки, выпускавшиеся Японией в военное и довоенное время. В связи с этим в 1946 г. произошел любопытный случай, который как нельзя лучше характеризовал положение капитулировавшей Японии, оставшейся субъектом международного права, а также деятельность генерала Д. Макартура, фактически узурпировавшего полномочия Союзных держав в Японии. Заместитель Министра иностранных дел СССР С.А. Лозовский во время беседы с послом США в СССР генералом Уолтером Смитом сказал последнему: «6 месяцев тому назад наш посол в США обратился в Госдепартамент с просьбой дать через Макартура указание Японскому Правительству обменять 59 млн иен, полученных от населения Южного Сахалина и из наших банков, на выпущенные в Японии новые банкноты. Генерал Макартур не дал положительного ответа, предложив обратиться по этому вопросу к Американскому Правительству. С момента обращения советского посла в Госдепартамент прошло около полугода, а ответ до сих пор не получен» [10].

США не допустили Союзные державы к решению вопросов послевоенной Японии, фактически дезавуировали статус капитулировавшей Японии, приравняв ее к обычной потерпевшей поражение в войне стране, а не к одному из зачинщиков самой разрушительной в истории человечества войны, в ходе которой погибло только граждан СССР и Китая более 60 млн человек.

И в последующем США предпринимали все усилия для того, чтобы снять статус Японии, как полностью и безоговорочно капитулировавшей страны. Наиболее вопиющим примером такого деяния США является подписание Сан-Францисского мирного договора 1951 г. Не лишне будет помнить о том, что полностью и безоговорочно капитулировавшая Германия не могла претендовать на заключение мирного договора со странами, перед которыми она капитулировала. До сих пор ни США, ни Франция, ни Великобритания, являясь союзником Германии по НАТО, тем не менее не заключили мирного договора. Китайская народная Республика в ситуации раз-

молвки с СССР заключила с Японией в 1978 г. Договор о мире и дружбе. Этот договор не является классическим мирным договором, поскольку это был обычный договор о нормальных межгосударственных отношениях.

И в этой связи желание Японии заключить мирный договор с Россией нужно понимать не как искреннее желание подвести черту под старым и выстроить отношения всестороннего сотрудничества, а как желание получить еще один юридический прецедент закрепления статуса Японии как просто потерпевшей в войне страны, а не как зачинщика мировой войны. Представляется, что тем силам, которым действительно дороги нормы международного права, мирного сосуществования, дружественного сотрудничества стран, не стоит идти на поводу у сил, мечтающих о реванше и об обелении своих преступлений, о забвении человечеством вины Японии за развязывание войны и ее многочисленных преступлений против множества народов мира, в особенности китайского, корейского, вьетнамского, малайского, филиппинского.

Можно с большой долей вероятности прогнозировать, что, после заключения мирного договора с Россией, японские правые круги активизируют кампанию постепенного обеления и оправдания военных преступников, казненных по приговору Токийского трибунала, и позиционирования их как верных солдат, выполнявших свой долг перед отечеством. Должны ли мы быть равнодушными к такого рода попыткам пересмотреть и исказить историю и результаты Второй мировой войны, добиться реванша, а затем снова претендовать на главные роли в решении судеб человечества? Ответ очевиден — нет.

Примечания

1. Как известно, Акт о капитуляции подписали от имени Союзных держав следующие лица: генерал армии США Д. Макартур в качестве Верховного Главнокомандующего Союзных держав, адмирал флота Честер Нимитц в качестве представителя США, генерал первого класса Сюй Юнчан в качестве представителя Китайской Республики, адмирал Брюс Фрэнгер в качестве представителя Великобритании, генерал-лейтенант Кузьма Деревянко в качестве представителя

СССР, генерал Томас Блейми в качестве представителя австралийского Союза, полковник Лоренс Косгрейв в качестве представителя Канады, генерал Жан Филлип Леклерк в качестве представителя Временного Правительства Французской Республики, вице-адмирал Эмил Хелфрих в качестве представителя Королевства Нидерландов, вице-маршал авиации Леонард Изитт в качестве представителя Новой Зеландии // URL: <http://avalon-law.ru/?p=262>. Дата обращения: 10.11.2015.

2. Каирская декларация (Декларация трех держав — Англии, США и Китая — относительно Японии). URL: http://militera.lib.ru/h/istoriya_voynы_na_tihom_okeane/45.html. Дата обращения: 08.10.2015.

3. Хотелось бы обратить внимание на этот момент из Каирской декларации о возвращении Китаю Тайваня (Формозы) и Пескадорских островов. Япония захватила эти территории, а также острова Дяоюйдао (Японское название Сенкаку) после японо—китайской войны 1894—1895 гг.

4. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: Сборник документов. Мин-во иностр. дел СССР. Т.6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). М.: Политиздат, 1984. С. 357.

5. Там же. С. 358.

6. Там же. С. 358—359.

7. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 7. П. 2. Д. 33. Л. 62.

8. Советско-американские отношения 1945—1948 / под ред. Г.Н. Севостьянова / сост. В.В. Алдошин, Ю.В. Иванов, В.М. Семенов. М.: МФД, 2004. С. 38.

9. Акт о капитуляции Японии. URL: <http://base.garant.ru/2569365/> (дата обращения: 06.04.2014).

10. Из дневника С.А. Лозовского. Прием Американского посла СМИТА. 11 июня 1946 года / АВП РФ. Ф. 0102. Ол. 2. П. 2. Д. 5. Л. 3—4 (экземпляры записи этой беседы были разосланы С.А. Лозовским И. Сталину, В. Молотову, А. Вышинскому и В. Деканозову).

ГАЛИЦКИЙ Владимир Прохорович,
доктор юридических наук, профессор,
действительный член Академии военных наук,
e-mail: vgalizky@yandex.ru

ЯПОНСКИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ В СОВЕТСКОМ ПЛЕНУ — ЗАЛОЖНИКИ ЧУЖОЙ ВОЛИ

Аннотация. В данной статье автор излагает свою точку зрения на советско-японские отношения и судьбу японских военнослужащих в советском плену в первой половине XX века.

Ключевые слова: Япония, Вторая мировая война, «северные территории», меморандум Танака 1927 г., японские военнопленные.

Galitskiy Vladimir Prokhorovich, Member of the Academy of Military Sciences, Doctor of Law, Professor, expert on relations between Russia and Asia Pacific Region countries; victims of war and armed conflicts.

Summary. The article focuses on political and legal aspects of the current relations between Russia and Japan, taking into account the experience of the Japanese-Soviet/Russian relations in the 1950s — 1990s of the 20th century.

Key words: Japan, Japanese prisoners of war, war against Japan, international law, internees, prisoners of war, samurai, victory over Japan.

В истории человеческого общества есть события, которые не забываются его членами. Это, прежде всего, войны между народами, между государствами. Парадокс заключается в том, что войны всегда

развязывают не народы, а малочисленные социальные группы людей, преследующие свои эгоистические интересы: политические, экономические, националистические, геополитические, религиозные и т. п. Подавляющее же большинство населения государства, развязавшего войну, в действительности не желает этих войн, но расплачивается за их последствия. Японский народ — яркое тому свидетельство.

История российско-японских отношений свидетельствует о том, что Япония по отношению к нашей стране проводила с давних времен откровенно агрессивный, экспансионистский курс. В начале прошлого столетия это проявилось в захвате Порт-Артура, потом, в 1918—1922 гг. — военной интервенции на Дальнем Востоке. В середине 20-х годов XX века отношение японской военщины к СССР проявилось в публичных агрессивных заявлениях. Всем известен так называемый «меморандум генерала Танаки», в 1927 г. призывавшего принять государственный курс на вооруженную экспансию в отношении не только советских территорий от Владивостока до Урала, но и против Китая и стран Юго-Восточной Азии.

Аналогичные предложения исходили в том же году от многих других японских высокопоставленных военных чинов, в том числе от М. Ханда, в 1941 г. имевшего уже звание генерал-лейтенанта. Его предложения были озаглавлены: «Изучение стратегических мер против СССР». Подобные заявления носили *идеологический* характер для обоснования целесообразности войны против СССР.

С подобными предложениями обращались в японский генштаб многие другие лица, в том числе 14 июля 1932 г. вновь назначенный военный атташе в Москве Тарасиро Кавабэ. Черту под такими требованиями в том же году подвел военный министр Японии генерал Садао Араки [1]. Он заявил буквально следующее: «Япония свои идеалы должна распространить по всему Дальнему Востоку», а далее продолжил фразой: «По всему миру необходимо военным путем овладеть территорией Приморья, Забайкалья и Сибири» [2].

Советский Союз, располагая большим объемом информации, исходившей из внешнеполитической, войсковой разведок и контрразведки, принимал адекватные меры по предотвращению войны.

В 1931 г. советское правительство обратилось к Японии с предложением заключить пакт о ненападении. Однако лишь 13 декабря 1932 года японский МИД дал на это предложение отрицательный ответ под предлогом того, что время еще «не созрело для переговоров». 4 января 1933 г. СССР специальной нотой вновь поставил вопрос о заключении такого пакта. И вновь это предложение было отвергнуто.

В срочном порядке, уже в июле 1941 г., генштабом Японии разрабатывается новый план, получивший название «Кантокуэн». Его суть состояла в приведении в боевую готовность войск Квантунской армии, проведении крупномасштабных маневров и переводе их в боевые действия против советской армии. Определялась главная цель: захватить Приморье, полностью присоединить его к Империи, «дойти до Хабаровска, а затем до Урала», «в своих руках держать Большой и Малый Хинган»; вместе с Германией взять под контроль Сибирскую железную дорогу. Назначался срок открытия войны — весна 1942 г., когда, по расчетам генштаба, должен был наступить коренной перелом в германо-советской войне. Предусматривалось, что европейская часть СССР будет находиться под властью фашистской Германии.

Однако история распорядилась по-своему. Япония потерпела поражение во Второй мировой войне, а сотни тысяч ее военнослужащих, посланных ею на поле брани, оказались в плену. По результатам исследования автора этой статьи, в советском плену находилось 640 105 военнослужащих японской армии. Эта трагедия до сих пор не дает покоя японскому народу, японской общественности, широко используется в нагнетании негативного отношения к России. При этом преследуется главная цель: выставить СССР/Россию агрессором, а Японию жертвой, убедить мировую общественность в том, что СССР грубо нарушил международные договоренности и незаконно интернировал и содержал в плену около 10 лет японских военнослужащих. Однако это не так.

Автор исходит из того факта, что Советский Союз находился в состоянии войны с Японией, обе стороны вели друг против друга боевые действия. Кроме того, очевидным является тот факт, что

СССР соблюдал требования международного права, касающегося правил и обычаев ведения как сухопутных, так и морских войн, сформулированные в четырех международных конвенциях 1929 года. Анализ основных источников международного права по проблеме военнопленных, действовавших в то время, прежде всего Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г., показывает, что военнослужащие японской армии, захваченные в плен советскими войсками в период войны с Японией (1945 г.), полностью подпадали под статус военнопленных и являлись таковыми. В соответствии с этой конвенцией право интернировать военнопленных, то есть задерживать, изолировать от окружающих, помещать в лагеря для военнопленных и содержать их в этих лагерях под охраной всецело принадлежит державе, во власти которой находятся военнопленные.

Военнослужащие армии государства, ведущего военные действия, статус интернированных получают только тогда, когда они окажутся в силу разных обстоятельств на территории нейтральных государств, т. е. государств, не участвующих в данном вооруженном конфликте и заявивших об этом.

Чаще всего этот же статус получают гражданские лица, являющиеся гражданами воюющих государств и оказавшиеся в момент начала войны или в ходе нее на территории противника. Таким образом, в число интернированных входят: а) гражданские лица, захваченные (задержанные) одной из воюющих сторон на своей или контролируемой ее войсками территории; б) военнослужащие воюющей стороны, в силу разных обстоятельств оказавшиеся на территории нейтрального государства и задержанные им. Следовательно, все японские военнослужащие, оказавшиеся в советском плену, являлись военнопленными, как и те, которые оказались в плену в США и других странах. О злонамеренности японской стороны говорит и тот факт, что, по ее мнению, японские военнослужащие, находившиеся в плену в США — военнопленные, в СССР — интернированные. Где же логика? Ведь США и СССР вместе воевали с Японией. Почему применяются двойные стандарты? Известно, что для японца плен — это позор, и, чтобы поддерживать негативное

отношение японцев к России, используется термин «интернирование», а не «пленение».

В связи с обвинениями России в агрессии против Японии в августе 1945 г. следует дать некоторые пояснения.

Решение о вступлении Советского Союза в войну против Японии в 1945 г. было принято советским политическим руководством не сразу, а по настоятельной просьбе президента США и премьер-министра Великобритании на Тегеранской конференции (28 ноября 1943 г.), и подтверждено на Ялтинской (4—11 февраля 1945 г.) и Потсдамской (17 июля — 2 августа 1945 г.) конференциях. Следовательно, обвинять СССР в агрессивности у Японии нет оснований. С учетом взятых на себя обязательств советское правительство 5 апреля 1945 г. официально заявило Японии о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете (1941 г.). Так что Япония заблаговременно могла предполагать вступление СССР в войну с ней на стороне союзных держав. Поэтому речь о какой-то вероломности со стороны СССР в отношении Японии не может вестись.

Все планы и действия против Японии были утверждены Ставкой Верховного Главнокомандования 28 июня 1945 г., а 7 августа 1945 г. была издана директива Ставки ВГК о начале боевых действий против Японии утром 9 августа 1945 г. Планом стратегического развертывания Советских войск на Дальнем Востоке предусматривалось не только проведение ряда наступательных операций, но и развертывание фронтовой сети лагерей для военнопленных.

Согласно этому плану, ГУПВИ НКВД СССР развернуло к 12—14 августа 1945 г. 20 фронтовых лагерей для японских военнопленных. Основная масса пленных поступала во фронтовые лагеря НКВД СССР с 15 по 30 августа 1945 года.

По официальным данным, в результате боевых действий и капитуляции в советском плену оказались 639 635 японских военнослужащих. Эти данные считались правильными до 1990 г. Но после 1990 г. официально были опубликованы совершенно другие данные, а именно — в плен было взято 594 000 японских солдат и офицеров и 148 генералов, в том числе до 20 000 раненых (данные Совинформбюро от 12 сентября 1945 г.).

Однако эти сведения также не точные. Результаты многолетних исследований автора дают основание считать, что всего было советскими войсками пленено 640 105 военнослужащих японской армии, в их числе: 609 448 лиц японской национальности, 16 150 — китайцев, 10 312 — корейцев, 3633 — монголов, 486 — маньчжуров, 58 — русских, 11 — малайцев, 5 — бурятов и 2 тунгуса. Из этого количества было репатриировано 578 035, а 62 070 человек умерли в плену по разным причинам. В числе пленных оказалось 170 генералов, 26 345 офицеров и 613 590 солдат и унтер-офицеров.

Официальное распоряжение о вывозе военнопленных японской армии на территорию СССР поступило лишь 23 августа 1945 г. (Постановление Государственного комитета обороны № 9898—1945 г.). Согласно этому постановлению, на территорию СССР должно было быть отправлено 500000—520 000 военнопленных японской армии — японцев из числа физически годных для работы в условиях Дальнего Востока и Сибири. К этому времени во фронтовых тылах было сосредоточено свыше 578 360 японских военнопленных.

Все организационные и другие мероприятия по отправке военнопленных на территорию СССР согласовывались с командованием Квантунской армии. В этих целях с середины августа по середину сентября 1945 г. в Чанчуне и в других местах маршалы А.М. Василевский и Р.Я. Малиновский неоднократно встречались с генералами Ямадой и Хатой. По распоряжению Ямады и Хаты офицеры штаба Квантунской армии активно участвовали в подготовке военнопленных к перемещению на территорию СССР. Подготовленные к отправке пленные формировались в батальоны по 1000 человек каждый. Командирами батальонов назначались офицеры японской армии.

По данным на 30 октября 1945 г., в СССР было отправлено 420 тыс. пленных, из которых в пути умерло 32 722 человека. К концу ноября 1945 г. на территории СССР было уже свыше 570 тыс. пленных японцев.

Кроме японских военнопленных в Советском Союзе находились и интернированные гражданские лица Японии. Всего было интернировано около 6,5 тыс. граждан Японии. На 1 марта 1949 г. в СССР осталось интернированных лиц (японцев) 619 человек. 5934

человека к этому времени были репатриированы в Японию, 105 человек умерли по разным причинам.

В числе военнопленных и интернированных были не только мужчины, но и женщины и дети. Всего в советском плену находилось свыше 367 японских женщин, которые репатриировались в первую очередь. Как правило, это были жены военнопленных и интернированных, добровольно проследовавшие вместе с мужьями в советский плен.

Условия содержания в лагерях для военнопленных

С правовой точки зрения содержание японских военнопленных в советском плену регулировалось международно-правовыми нормами Гаагской конвенции 1907 г., Женевской конвенции от 27 июня 1929 г. о содержании военнопленных, а затем Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными; а также советскими нормативно-правовыми актами «Положения о военнопленных», утвержденного постановлением СНК СССР № 1798-800 от 1 июля 1941 г., другими нормативными актами Советского правительства и ГУПВИ НКВД-МВД СССР (в основном закрытыми), а также статьей 193²⁹ Уголовного кодекса РСФСР от 1943 г. с изменениями от 01.09.1943 г. (запрещение дурного обращения с пленными).

На территории СССР японские военнопленные были размещены в 56 лагерях НКВД СССР и в более чем 120 рабочих батальонах Министерства обороны СССР. Следует отметить, что в распоряжении МО вне территории СССР находилось более 37 939 пленных японцев, из них на Ляодунском полуострове (Китай) на 1 марта 1949 г. было 12 483 человека, в Северной Корее — 25 456 человек.

Содержание японских военнопленных осуществлялось на основании постановления СНК СССР № 1798-800 от 1 июля 1941 г. («Положение о военнопленных»). В отношении питания и медицинского обеспечения японские военнопленные приравнивались к военнослужащим тыловых частей Красной Армии. Переписка с родственниками японским военнопленным была разрешена лишь в 1946 г. (приказ МВД СССР № 00939 от 28 октября 1946 г.).

Японские пленные трудились на лесоразработках Сибири и Дальнего Востока, в шахтах Приморья и Донбасса, на рудниках Урала и Алтая, на стройках Центральной России и Узбекистана, в металлургической промышленности Урала, строили железную дорогу БАМ (в районе Тайшета) и т. д. В российских архивах не обнаружены данные о суммарном количестве произведенных ими материальных ценностей.

Военнопленными всех национальностей, в том числе и японцами, содержавшимися в лагерях НКВД, за весь период плена было произведено материальных ценностей на сумму более 50 млрд рублей (в ценах 1949 г). Однако на их содержание было израсходовано примерно столько же. Так, на репатриацию 344 488 японских военнопленных только МВД СССР было израсходовано 171 258 800 руб. (данные на 5 февраля 1949 г.).

Лагеря для военнопленных в СССР находились под постоянным контролем ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Ни одно решение, касающееся жизни и деятельности японских военнопленных, не принималось без решения Советского правительства или без согласования с ним. В частности, японский военнопленный генерал Отодзоо Ямада, осужденный как военный преступник, был досрочно освобожден от уголовного наказания и репатриирован по постановлению Президиума ЦК КПСС от 22 февраля 1956 г. и изданного на его основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 февраля 1956 г.

Среди японских военнопленных велась усиленная политико-воспитательная и культурно-массовая работа. Фактически при каждом лагере, где содержались японские военнопленные, функционировали курсы и кружки демократического актива, проводилась спортивная работа. При некоторых крупных лагерях были созданы даже постоянно действующие хоровые и вокально-инструментальные ансамбли, которые выступали с концертами и постановками пьес перед военнопленными и даже перед местными жителями прилегающих к лагерям поселков. Женские роли, как и положено по японской традиции, исполнялись мужчинами. Так, широкой популярностью среди японских военнопленных, содер-

жавшихся на территории Иркутской области, пользовался ансамбль японских военнопленных «Новый голос», созданный при лагере № 7 (г. Тайшет).

В соответствии с требованиями международного права (Женевские конвенции об обращении с военнопленными 1929 и 1949 гг. и др.) японским военнопленным была предоставлена возможность отправления своих религиозных культов и организации досуга. Для японских военнопленных издавалась на японском языке газета «Ниппон симбун», корреспондентами которой были сами японские военнопленные. При каждом лагере был клуб, киноаппаратная, радиоузел и библиотека. Это позволяло японским военнопленным в свободное время ставить своими силами спектакли. Пьесы для таких спектаклей писались не только самими японскими военнопленными. Для них брались и такие известные советские повести, как «Молодая гвардия» и др.

С учетом национально-психологических особенностей японской нации и ее традиций, японским военнопленным во время репатриации кроме личных вещей разрешалось вывозить с собой художественную литературу, художественные и почтовые открытки, а также хранящиеся у некоторых из них локоны волос и фаланги пальцев умерших в плену соотечественников.

В лагерях, где содержались японские военнопленные, широко практиковалось самоуправление и самообслуживание, общение с советскими людьми не запрещалось.

Питание японских военнопленных было организовано с учетом их национальных традиций. По сравнению с военнопленными западных армий (немцами, румынами, венграми, итальянцами и др.), в продовольственное снабжение японских военнопленных в больших объемах включались рис, рыба, овощи (согласно нормам суточного довольствия для немецких и японских военнопленных, объявленных приказом МВД СССР № 450 от 15 ноября 1946 г.).

На 25 декабря 1956 г. на территории СССР не осталось ни одного японского военнопленного, за исключением тех, которые по разным мотивам отказались от репатриации в Японию и с разрешения Советского правительства остались на жительство в СССР.

В настоящее время претензии японской стороны к России сводятся в основном к следующему:

— Советский Союз нарушил Пакт о нейтралитете с Японией от 13 апреля 1941 г. и статью 9 Потсдамской декларации 1945 г.);

— СССР не представил при репатриации военнопленных документ с указанием остаточной суммы заработка в плену, игнорируя статью 66 Женевской конвенции 1949 г.;

— СССР не предоставил японской стороне списков умерших и мест их захоронения, игнорируя статью 14 Гаагской конвенции и Женевскую конвенцию 1949 г., в результате чего вплоть до 1991 г. родственники умерших не имели сведений о своих близких и не могли посетить их могилы;

— военнопленным, осужденным в СССР, не предоставлялось право подавать апелляционную или кассационную жалобу на всякий вынесенный приговор или просить о пересмотре дела, в результате чего ошибочно осужденные в плену оказались лишенными прав военнопленных.

Вышеуказанные и другие претензии остаются на повестке дня и по настоящее время. Кроме этого, Всеяпонской ассоциацией бывших военнопленных в январе 1997 г. были распространены среди членов комитета Госдумы РФ по геополитике и среди других лиц, присутствовавших на открытом заседании этого комитета «Материалы, касающиеся правовой основы и международной практики выплаты компенсации за работу в плену», в которых были вновь поставлены эти и новые вопросы. В частности, было заявлено следующее:

— официальные документы, выданные российскими правительственными организациями справки о труде и справки о реабилитации не имеют юридической силы в Японии без официального представления их по дипломатическим каналам в установленной в международной практике форме; без этой процедуры вопрос о выплате компенсации со стороны японского правительства не может быть положительно решен;

— ранее заключенное Соглашение от 18 апреля 1991 г. о лицах, находившихся в плену, по ряду других вопросов нарушает права военнопленных и их родственников;

— российской стороной не представлены еще списки примерно на 25 000 человек, умерших в плену;

— несмотря на неоднократные обещания российской стороны, в том числе Президента РФ Б.Н. Ельцина на пресс-конференции в Японии по итогам заседания «большой семерки», вопрос о безвизовых поездках родственников умерших не был решен;

— неоднократные обращения Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных в МИД РФ по этим вопросам не получили ответа.

Изучение истории взаимоотношений между Японией и СССР в 1941—1956 гг., а также содержания международных правовых документов, определяющих порядок содержания военнопленных в период нахождения их на территории СССР в 1945—1956 гг., — Гагская конвенция 1907 г., Женевская конвенция 1929 г. о содержании военнопленных (не ратифицирована ни Японией, ни СССР) и Женевская конвенция 1949 г. об обращении с военнопленными — показывает, что не со всеми этими претензиями японской стороны можно согласиться по следующим причинам.

Согласно статье 66 Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. «держащая в плену держава должна выдать ему (военнопленному. — *В.Г.*) документ, подписанный уполномоченным на то офицером этой державы, в котором будет указано кредитовое сальдо, причитающееся ему в конце нахождения в плену». Да, Советское правительство таких документов военнопленным вообще не выдавало, но является ли это основанием для правительства Японии отказать в материальной компенсации гражданам своей страны, которые в силу военных обстоятельств, а также по вине своего же правительства (!) находились в плену в СССР? Является ли основной причиной всего этого отсутствие вышеозначенного документа? Если правительству Японии необходимо было официальное подтверждение о пребывании в СССР 547 593 репатриированных военнопленных японской национальности (их осталось в живых около 200 тысяч), то оно должно было обратиться в свои архивы и извлечь из них нужные документы, так как военнопленные передавались уполномоченным представителям правительства Японии персонально по спискам или актам, составлявшимся в двух экземп-

лярах и скрепленным печатями и подписями принимающего и сдающего. Один экземпляр такого списка оставался у советской стороны, а второй передавался японской стороне. Если бы правительство Японии было заинтересовано в этом, то оно давно официально запросило бы правительство СССР о наличии кредитовых сальдо каждого из военнопленных.

Причина здесь иная. Определенные круги Японии как тогда, так и сегодня были заинтересованы в том, чтобы 547 593 бывших военнопленных японцев, прибывших живыми и здоровыми на родину, и их семьи оставались в худшем материальном положении, чем японские военнопленные, возвратившиеся из плена в США, Англии и других стран. Это способствовало поддержанию длительное время негативного отношения части японских граждан к СССР и советскому народу. И неслучайно, что по данным на 1990 год, 34,2 % японцев прямо заявляли о своем недоброжелательном отношении к СССР и его населению (данные совместного опроса общественного мнения в Японии, проведенного агентствами ТАСС и Киодо Цусин).

Так кем же все-таки были японские солдаты, офицеры и генералы, захваченные советскими войсками во время войны с Японией в августе—сентябре 1945 г., — военнопленными или интернированными?

При ответе на данный вопрос необходимо исходить из того, что Советский Союз находился в состоянии войны с Японией и с обеих сторон велись боевые действия, а также из того, что Советский Союз соблюдал требования международного права, касающегося правил и обычаев ведения как сухопутной войны, так и морской войны. Анализ действовавших в то время основных источников международного права по проблеме военнопленных, (Гагская конвенция 1907 г., Женевская конвенция о содержании военнопленных и об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 27 июля 1929 г.), а также «Положения о военнопленных», утвержденного постановлением СНК СССР № от 1 июля 1941 г., и других нормативных актов Советского правительства показывает, что военнослужащие японской армии, захваченные в плен советскими войсками в период войны с Японией, полностью подпадают под статус «военно-

пленных» и являлись таковыми. В силу действовавшего в то время и действующего сейчас международного права их нельзя относить к категории интернированных. К этой категории международное право относит лишь гражданских лиц, оказавшихся на территории противника. Право интернировать военнопленных, то есть задержать, изолировать от окружающих, поместить в лагерь для военнопленных и содержать их в этих лагерях под охраной — всецело принадлежит державе, во власти которой находятся военнопленные. Статус «интернированного» военнопленный получает тогда, когда он, сбежав из лагеря неприятеля, окажется на территории нейтрального государства. СССР не относился к категории нейтрального государства, он был воюющим государством. Статус «интернированного» получают лишь гражданские лица, являющиеся гражданами воюющих государств и оказавшиеся в момент начала войны или в ходе ее на территории военного противника.

Таким образом, согласно Женевским конвенциям от 1929 и 1949 гг., интернированные — это гражданские лица, захваченные (задержанные) одной из воюющих сторон на своей собственной территории или территории, контролируемой ее войсками. Статус военнопленных получают военнослужащие воюющих сторон, захваченные в плен военным противником. Следовательно, все военнослужащие японских вооруженных сил, захваченные советскими войсками в период войны (август—сентябрь 1945 г.), являлись военнопленными. Это положения общепризнанного международного права.

Примечания

1. Садао Араки — в 1931—1934 гг. военный министр, в 1934—1936 гг. член Высшего военного совета, в 1938—1939 гг. министр просвещения, в 1945 г. арестован американцами, главный военный преступник на Токийском процессе.

2. Русский архив. Советско-японская война 1945 г. Великая Отечественная. М., 1997. С. 34, 35, 43.

ПЛОТНИКОВ Алексей Юрьевич,
*доктор исторических наук, профессор,
член Российской ассоциация историков Второй мировой войны,
e-mail: al.yu.plotnikov@yandex.ru*

ЯПОНИЯ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И ПРОБЛЕМА ПОСЛЕВОЕННЫХ ГРАНИЦ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В АТР (КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. На основе анализа обширного картографического материала рассматривается история формирования послевоенной границы Японии, в первую очередь, советско-японской морской границы в районе Курильских островов и Сахалина, свидетельствующего, что с исторической и международно-правовой точки зрения Курилы на законных основаниях принадлежат России, как ранее — Советскому Союзу. Показывается необоснованность территориальных претензий Токио на группу южных островов архипелага.

Ключевые слова: Курильские острова, послевоенные границы Японии, формирование советско-японской границы, Кунаширский пролив, карты, территориальные претензии Японии на южные Курилы.

Abstract. Formation of the post-war Japanese border with the neighbouring countries and Soviet-Japanese see-border according to historical pre-war & post-war Maps. The historical background of Russia's possession of the Kuril archipelago from Kamchatka to Hokkaido. The international-law legitimacy of the present Russian-Japanese border. Groundlessness of the Japanese claims on south Kuril Islands.

Key words: The Kuril Islands; Post-war Japanese border; formation of the Soviet-Japanese border; Kunashir strait; Historical Maps; Japanese territorial claims on south Kurils.

Вторая мировая война — или, по-японски, «Дайтоа Сэнсо» (Война в Великой Восточной Азии) — принесла Японии не только поражение, ограничение внешнеполитического суверенитета (во-многом, не преодоленное до настоящего времени) и длительную оккупацию войсками иностранного государства — США, но и потерю значительной части довоенной территории «Великой Японии».

Япония, как государство-агрессор на основании решений держав-победительниц — так же, как и фашистская Германия (у которой, в частности, были изъяты территории по Одере и Нейсе, часть Померании, Восточная Пруссия, Северный Шлезвиг-Гольштейн) и некоторые ее сателлиты — была лишена многих принадлежащих ей ранее территорий.

В частности, у Японии были изъяты остров Формоза (Тайвань), Корея, Каролинские, Марианские, Маршалловы и другие тихоокеанские острова, а также Курильский архипелаг и южная часть о. Сахалин.

Эти решения были закреплены в Соглашениях союзных держав периода Второй мировой войны и первых послевоенных лет (1945—1946 гг.), а также в Потсдамской декларации 1945 г. и Сан-Франциском мирном договоре 1951 г., в соответствии с которым Япония отказалась «от всех прав, оснований и претензий» на Курилы и южный Сахалин (также как, подчеркнем, от Кореи, Формозы, Парасельских и Пескадорских островов, о-вов Спратли и ряда других территорий. — Ст. 2 Договора 1951 г.) [1].

Этот отказ носит абсолютный и полный характер и лишает Токио возможности выступать с какими-либо претензиями на этот счет.

Однако Япония, как известно, до настоящего времени продолжает оспаривать некоторые из этих решений, имея территориальные споры и конфликты со всеми пограничными ей государствами. В частности, Токио претендует на острова-скалы Такэсима (корейское название о-ва «Токто», принадлежащие Республике Корея) и острова Сэнкаку (китайское название «Дяоюйдао»), находящиеся под управлением Японии, но оспариваемые «обоими Китаями» — и Тайванем, и КНР.

Отказывается Япония признавать и законность передачи СССР, а ныне Российской Федерации группы южных Курильских островов, называя их «оккупированными северными территориями» и выдвигая территориальные претензии на эту часть Курильского архипелага.

Напомним, это острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и группа островов Малой Курильской гряды (к которой относится и о. Шикотан), называемых в Японии «островами Хабомаи».

В обоснование своих претензий Токио приводит два главных «аргумента»: 1. *Южные Курилы никогда не принадлежали России и являются «исконными японскими территориями», незаконно оккупированными СССР в 1945 г., поскольку, якобы, не относятся к территориям, которые были изъяты у нее по итогам Второй мировой войны;* 2. *Послевоенная советско-японская, а ныне российско-японская граница в районе Курил не является официальной международно-признанной границей.*

Оставляя в стороне всю искусственность, надуманность и необоснованность подобных утверждений, а также многочисленные юридические и исторические факты и документы, подтверждающие законность принадлежности РФ всего Курильского архипелага, рассмотрим этот вопрос с точки зрения картографии, дающей максимально беспристрастную и объективную картину того, как все обстояло в действительности.

Имеющийся в настоящее время в распоряжении исследователей обширный картографический материал развеивает многие исторические мифы и вполне определенно ставит точку в вопросе о том, кому в действительности принадлежали в прошлом, и принадлежат

сейчас Курильские острова. Разумеется, если рассматривать его объективно, а не предвзято, отбрасывая или игнорируя все «неудобные» факты и свидетельства, что является характерной чертой политики официального Токио послевоенного периода.

Развеивает, в первую очередь, «миф» об исконной «японской принадлежности» южных Курил.

В частности, это хорошо подтверждается картой Японии («Карта Островов японских»), датируемой 1775—1780 гг. Подчеркнем, это последняя четверть XVIII века. Карта легко датируется, поскольку подписана Саввой Зубовым, который в это время был комендантом Охотска.

Важность карты состоит в том, что она составлена по голландским источникам, о чем свидетельствует соответствующая пояснительная запись под ее названием. Напомним, голландцы были единственными представителями европейского мира, которые были допущены в Японию в период ее изоляции от внешнего мира (1639 г. — середина XIX века), что свидетельствует о ее объективности, поскольку голландцам не было никакого смысла ни приуменьшать, ни преувеличивать японскую территорию.

Как хорошо видно, территория Японии на карте ограничена островом Хонсю (главный японский остров) и узкой полосой земли на крайнем юге Хоккайдо, который тогда назывался «Эдзо» (в переводе «чужая, северная, неизвестная земля», «земля варваров»). Это и была вся территория «японского Хоккайдо» того времени, и именно там — по южной оконечности острова — проходила тогда северная японская граница. Иными словами — это всё, что принадлежало Японии на Хоккайдо в конце XVIII века [2].

То же подтверждает и русская «Генеральная карта Японского государства» первой четверти XIX в., показывающая те же северные «рубежи» (пределы) японской территории — небольшой участок суши на юге Эдзо-Хоккайдо, прилегающий к Сангарскому проливу [3].

Говорить поэтому о том, что «исторические южные Курилы» — так называемые северные территории, всегда были «исконными японскими территориями», бессмысленно. Если Японии в то время

не принадлежал почти весь Хоккайдо, как могли принадлежать ей южные Курилы, которые лежат еще севернее? Ответ, думается, очевиден.

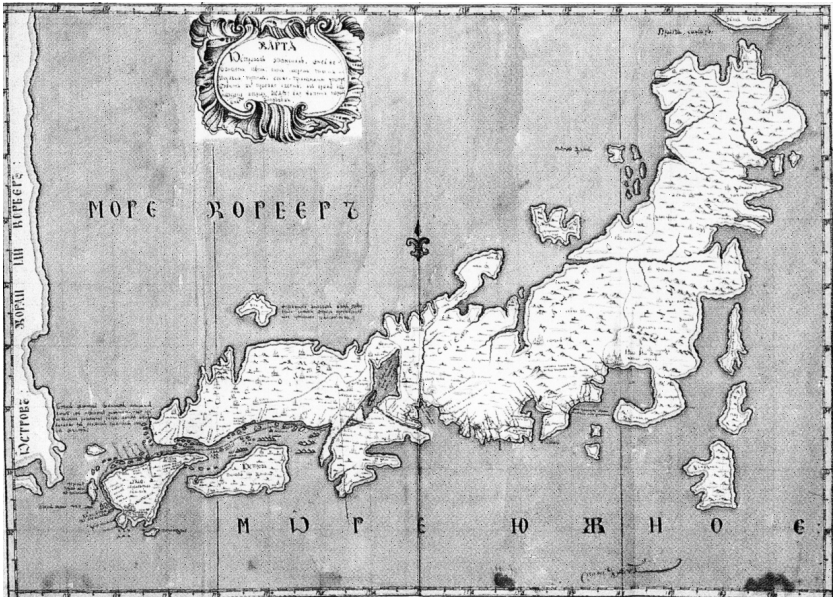

Рис. 1. Карта Японии 1775—1780 гг. (карта Саввы Зубова)

Вторая принципиально важная карта — также XVIII века — из официального русского атласа, его полное название «Атлас Российской Империи, состоящий из 52 карт, изданный во граде Св. Петра в лето 1796-е а царствования Екатерины II XXXV-е» (главное официальное русское картографическое издание того времени).

Это цветная «Карта Иркутского наместничества», на которой предельно четко показаны весь Курильский архипелаг. Особенно хорошо они видны на фрагменте карты, представленной в настоящей статье [4].

Обращаем внимание: все Курильские острова, включая южные (острова «Чикота» (Шикотан), «Эторпу» (Итуруп) и другие) здесь

Рис. 2. Фрагмент Карты Иркутского наместничества из Атласа Российской Империи 1796 г.

однозначно показаны (закрашены), как территория Российской империи, административно входящие в Нижнекамчатский округ Иркутского наместничества. Япония — далеко на юге, а остров «Еззо»

(Эдзо) показан отдельно от нее. Повторим, это 1796 г. Это к вопросу об «исторической принадлежности» архипелага.

Таким образом, обе рассмотренные карты — и русская, и иностранная — вполне определенно свидетельствуют об историческом приоритете в освоении и владении всеми Курилами, включая южные — ныне оспариваемые Токио острова — России, но никак не Японии.

Причину такого неприятного для официального Токио факта следует искать в упоминавшейся политике изоляции страны от внешнего мира, искусственно «консервировавшую» Японию в рамках ее исторических средневековых границ, и не только не поощрявшую, но прямо ограничивавшую и запрещавшую расширение территории японского государства.

Теперь обратимся к истории XX века.

Как уже отмечалось, в Японии — вопреки фактам, логике и просто здравому смыслу — продолжают утверждать, что южные Курилы не относятся к территориям, которые были изъяты у нее по итогам второй мировой войны.

Утверждают, даже, несмотря на то, что в Сан-Францисском мирном договоре 1951 г. Япония, повторим, официально отказалась *«от всех прав, правооснований и претензий»* на южный Сахалин и Курильские острова, — все острова, без какого-либо искусственного деления их вопреки географии на южные, средние или северные.

То, как обстояло дело в действительности, наглядно показывает Карта № 3 из изданного в самой Японии в 1954 г. «Новейшего атласа административного деления Японии по префектурам», где послевоенная территория государства ограничивается на севере о. Хоккайдо, а все Курильские острова, включая ныне оспариваемую Токио южную группу — также, как и южный Сахалин — лежат за пределами ее границ (рис. 3). Комментарии, думается, здесь также излишни [5].

Хотелось бы особо подчеркнуть, что эта, ограниченная о. Хоккайдо территория Японии, точно соответствует договорённостям Ялтинской конференции Союзных держав, состоявшейся, напомним, в феврале 1945 г. в Крыму.

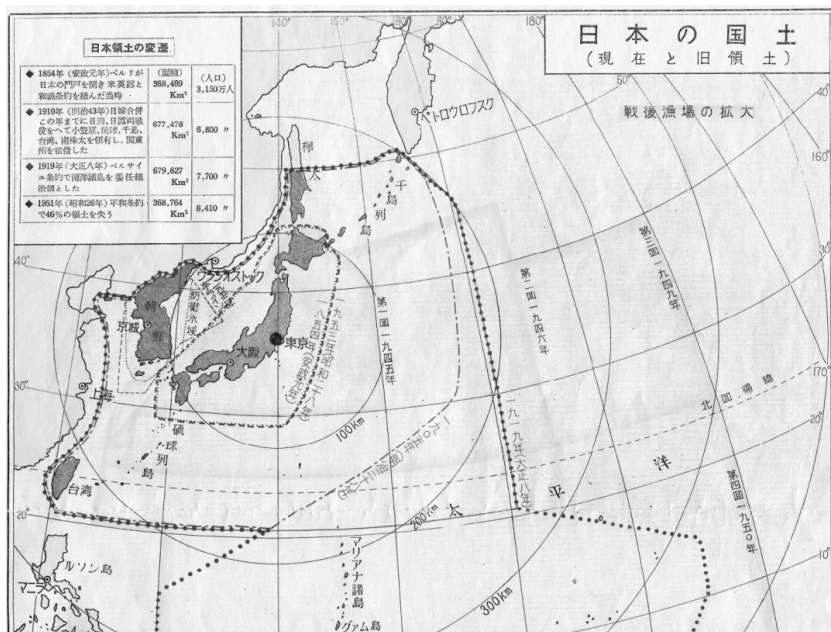

Рис. 3. Карта из японского «Новейшего атласа административного деления Японии по префектурам» 1954 г.

В этой связи хотелось бы отдельно отметить, что в 2015 году — в год 70-летия окончания Второй мировой войны — историческая справедливость восторжествовала: памятник трём лидерам — участникам Ялтинской конференции Сталину, Рузвельту и Черчиллю, был, наконец-то, установлен у Ливадийского дворца в Крыму.

Возвращаясь к карте 1954 г. отметим, что обозначенная на ней северная японская граница — та самая граница Японии, которая была определена в 1945—46 гг., и которая существует и сейчас: граница, повторим, не включающая Курильский архипелаг и остров Сахалин.

Лучшим подтверждением сказанному служит включенная в последнее, третье издание сборника «Русские Курилы: история и современность» (2015), карта территории Японии, приложенная к известному Меморандуму Главнокомандующего союзных держав ге-

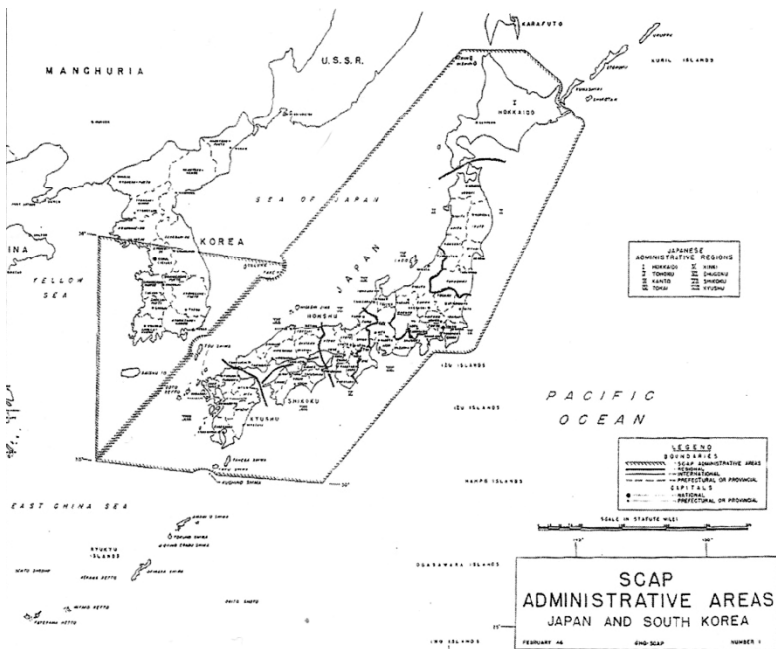

Рис. 4. Карта Японии и южной Кореи 1946 г. Приложение к Меморандуму Главнокомандующего союзными державами МакАртура № 677 от 29.01.1946

нерала МакАртура от 29 января 1946 г. («Япония и Южная Корея. Административные территории»), где японская граница проходит по проливу между островом Хоккайдо и Кунаширом, и далее вдоль северной оконечности полуострова Немуро, четко обозначая Кунашир и Малую Курильскую гряду, включая о. Шикотан, как «не-японскую территорию» (см. рис. 4) [6].

Последняя представленная карта важна для ответа на вопрос о правовом статусе современной российско-японской границы (рис. 5). Она является весьма показательной потому, что издана не в России, а в Южной Корее.

Напомним, вторым «аргументом» японского «обоснования» своих территориальных претензий является утверждение об отсутст-

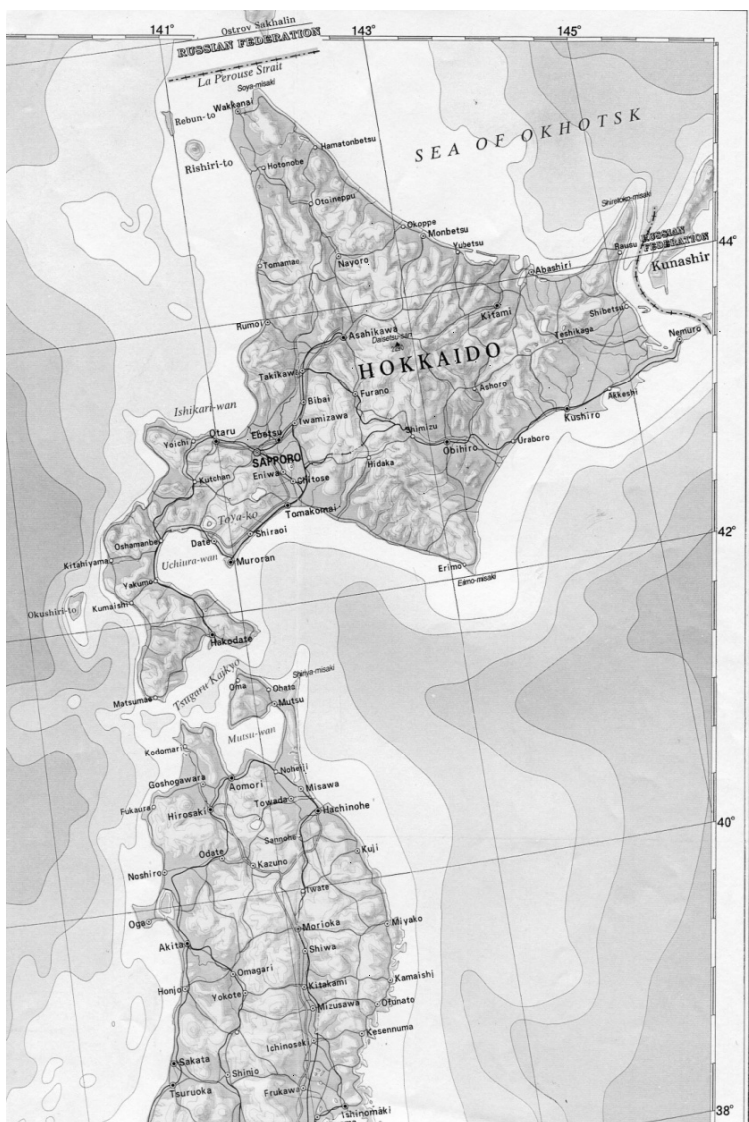

Рис. 5. Корея и сопредельные территории. 1998 г.

вии «*международного юридического признания послевоенной российско-японской границы*».

Карта называется «Корея и сопредельные территории» и издана Министерством транспорта Республики Кореи в 1998 г. [7].

Обозначенная на ней российско-японская граница отмечена четкой красной пунктирной линией. В районе Курил она проходит по Кунаширскому проливу между Хоккайдо, о. Кунашир и островами Малой Курильской гряды, ясно обозначая южные Курилы как территорию Российской Федерации. Это к вопросу о том, что никто в мире не признавал послевоенную российско-японскую границу.

Итак, рассмотренный картографический материал вполне определенно свидетельствуют о нашем — а не о японском — приоритете в «Курильском вопросе». И с исторической, и с международно-правовой точки зрения Курильские острова — как бы это кому-то не нравилось — и в XVIII веке, и в настоящее время законно принадлежали и принадлежат сейчас Российской Федерации, как ранее — Советскому Союзу.

В заключение следует подчеркнуть, что претензии Токио — имеющего, напомним, пограничные конфликты со всеми соседними государствами — на принадлежащие РФ Курильские острова являются ни чем иным, как нежеланием Японии признавать территориальные итоги Второй мировой войны. Из этого и следует исходить.

Примечания

1. Сборник документов и материалов по Японии (1951—1954). М.: ДВО МИД СССР, 1954. С. 89—90.

2. РГАДА. Ф. 7. Д. № 2539. Л. 534.

3. Генеральная карта Японского государства. Цветная. Первая четверть XIX в.

4. Атлас Российской Империи, состоящий из 52 карт, изданный во граде Св. Петра в лето 1796-е а царствования Екатерины II XXXV-е. СПб., 1796.

5. «Новейший Атлас административного деления Японии по префектурам», Токио, 1954 г. (на японском языке).

6. Карта Японии и южной Кореи (Приложение к Меморандуму МакАртура № 677 от 29.01.1946). Источник: *Син Ён Ха*. Исследование материалов о территориальной принадлежности островов Токто (на корейском языке). Т. 3. Сеул: Ассоциация по исследованию о. Токто, 2000. С.с. 254, 255; Русские Курилы: история и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. Издание 3-е, расширенное и переработанное / Авторы-составители: В.К. Зиланов, А.А. Кошкин, А.Ю. Плотников, С.А. Пономарев. М.: Алгоритм, 2015. С. 145.

7. Карта «Корея и сопредельные территории»: Министерство строительства и транспорта Республики Корея, 1998 г. (на английском языке).

ГРИНЮК Владимир Александрович,
*кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Центра японских исследований ИДВ РАН,
e-mail: vladimirgrinyuk@mail.ru*

РУКОВОДСТВО И ПРЕССА ЯПОНИИ О 70-ЛЕТИИ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье проанализированы официальные заявления руководителей Японии по поводу 70-летия окончания Второй мировой войны и рассмотрены публикации в прессе страны о характере войн, которые Японская империя вела в первой половине XX в. Показано наличие разных точек зрения на политику, проводимую Токио до 1945 г. Значительная часть учёных и журналистов признают вину Японии в отношении зарубежных, прежде всего азиатских, стран. Однако в японском обществе удерживают позиции эксперты, которые, пытаясь оправдать политику территориальных захватов и колониального господства, отрицают тезис об ответственности Японии за войны.

Ключевые слова: извинения, покаяние, Маньчжурский инцидент, японо-китайская война, «синдром военного поражения».

Annotation: Official statements of leaders of Japan on occasion of the 70-th anniversary of the end of the Second World War have been analyzed and publications in the press of Japan on the nature of wars waged

by Japanese empire in the 1st half of the 20-th century have been examined in this article. Existence of different opinions on the policy, pursued by Tokyo before 1945, revealed itself. The considerable part of scholars and journalists admit the guilt of Japan towards foreign, first of all Asian, countries. But those experts, who try to justify the policy of territorial seizures and colonial domination and refute the thesis of the responsibility of Japan for war, hold positions in Japanese society.

Key words: apology, remorse, Manchurian incident, Sino-Japanese war, «syndrome military defeat».

Выступление премьер-министра С. Абэ 14 августа 2015 г.

Официальная позиция японского руководства по проблеме войн, развязанных милитаристской Японией в 1930—1940 гг., была в общих чертах обозначена ещё в начале 2015 г. 5 января в ходе первой в наступившем 2015 году пресс-конференции премьер-министр С. Абэ подчеркнул, что заявление его правительства по поводу 70-й годовщины окончания Второй мировой войны будет составлено с опорой на «коллективную мудрость, в нём прозвучит раскаяние по поводу войны, документ включит в себя положения о шагах, предпринятых Японией в послевоенный период в качестве миролюбивой нации, и о вкладе, который Япония намерена сделать в развитие Азиатско-Тихоокеанского региона и мира». Далее премьер продолжил: «Как я всегда говорил, правительство Абэ придерживается позиции признания (действий Японии во время войны), сформулированной всеми предыдущими правительствами, включая и заявление Т. Мураямы. Более того, мы будем и впредь придерживаться этой позиции» [1].

Генеральный секретарь кабинета министров Японии Суга Ёсидэ в начале января 2015 г. заявил по телевидению, что правительство «унаследует во всей полноте» подходы, изложенные в заявлениях премьер-министра Т. Мураямы и премьер-министра Дз. Коидзуми в связи с 50-летием и 60-летием окончания Второй мировой войны [2].

Выступление премьер-министра С. Абэ, посвящённое 70-летию окончания Второй мировой войны, стало знаковым событием политической жизни Японии. Значение текста, озвученного японским лидером на пресс-конференции 14 августа 2015 г., очень велико. Подобно речи премьер-министра Т. Мураямы от 15 августа 1995 г. и речи премьер-министра Дз. Коидзуми от 15 августа 2005 г., посвящённых соответственно 50-й и 60-й годовщинам окончания войны [3], последний по времени документ долго будет рассматриваться как эталон официальной оценки Токио войн, которые Страна восходящего солнца вела в прошлом. Речь премьер-министра Т. Мураямы 15 августа 1995 г. содержала извинения за то, что Япония своим «колониальным господством и агрессией причинила огромный ущерб народам других, в особенности азиатских, стран» [4]. Речь премьер-министра Дз. Коидзуми 15 августа 2005 г. была полным повторением речи Т. Мураямы.

За восемь дней до памятной даты, 7 августа 2015 г., в японских газетах был опубликован доклад «Совещания по выработке концепций XXI века» специально сформированной в помощь премьер-министру С. Абэ группы экспертов, которую возглавил президент Почтовой корпорации Японии Т. Нисимура. По мнению подавляющего числа членов этой группы, глава японского правительства в выступлении, посвящённом 70-летию окончания Второй мировой войны, должен был предпринять однозначную самокритику по поводу агрессивных действий Японской империи до 1945 г. Аналогичную позицию относительно выступления действующего лидера страны изложил в письменном интервью газете «Ёмиури симбун» и видный японский политик, бывший премьер-министр Я. Накасонэ. Он полагал необходимым следовать духу заявлений Т. Мураяма и Дз. Коидзуми, выразивших извинения за агрессию и колониальное правление Японской империи [5].

Но реально озвученный 14 августа 2015 г. текст выступления премьер-министра Японии, утверждённый решением Кабинета министров как официальная позиция правительства, вошёл в противоречие с пожеланиями специалистов. Выступление С. Абэ отличалось неясными, уклончивыми формулировками. Оно включало сло-

ва «инцидент», «агрессия» и «война», но в обезличенной форме, без прямых указаний на Японию как на виновника этих преступлений. Формально С. Абэ подтвердил приверженность линии прежних лидеров Японии, выражавших извинения и чувства покаяния за деяния милитаристов. Вместе с тем выступление С. Абэ содержало пассаж, что «наши дети, внуки и представители последующих поколений, не имеющие никакого отношения к тем войнам, не должны жить с предопределённостью необходимости извиняться» [6].

Бывший премьер-министр Японии Т. Мураяма резко критически отозвался о выступлении С. Абэ. — «Оно не означало ни подтверждения, ни отрицания речи премьер-министра Т. Мураямы от 15 августа 1995 г. — комментировал 91-летний ветеран японской политики. — Слова С. Абэ было трудно понять, так как основная идея его послания затушёвана» [7]. В редакционной статье газеты «Асахи» говорилось, что «выступление премьер-министра Японии С. Абэ, посвящённое 70-летию окончания Второй мировой войны, заставило удивляться: с какой целью и для кого оно было составлено?...Послание затеняет тот факт, что Япония как раз та страна, которая совершила агрессию и осуществляла колониальное правление. Документ лишь косвенно упомянул о сожалении и извинениях в связи с войной, сославшись на то, что прежние кабинеты министров Японии выражали такие настроения» [8].

Критические комментарии на выступление японского лидера были отмечены и за рубежом. После опубликования текста документа первый заместитель министра иностранных дел КНР Чжан Есуй вызвал Посла Японии в КНР М. Китэра в МИД и изложил ему позицию китайской стороны: «Япония должна чётко объяснить природу агрессии, а также свою ответственность за войну и принести искренние извинения пострадавшим народам... Японии не следует пытаться наводить глянец на серьёзные и фундаментальные проблемы» [9].

Лишь косвенное упоминание в выступлении С. Абэ понятий «сожаление» и «извинения» вызвало негативную реакцию и в Южной Корее. Как сообщили источники в правительстве Республики Корея, после опубликования выступления С. Абэ 14 августа ми-

нистр иностранных дел Японии Ф. Кисида вынужден был звонить по телефону своему южнокорейскому коллеге Юн Бун Се и убеждать его в том, что «понимание истории, высказанное прежними правительствами Японии, останется незабываемым и в будущем». Юн Бун Се ответил, что «важнее всего искренние действия японского правительства» [10]. В то же время не связанная соображениями дипломатической корректности представительница оппозиционной партии Южной Кореи «Новый политический альянс за демократию» сказала, что «хотя выступление С. Абэ содержало все ключевые термины, он, подобно уемелому правонарушителю, постарался избежать ответственности» [11].

С. Абэ — политик правого толка, и его консервативная позиция проявляется в трактовке исторического прошлого. В апреле 2013 г. он заявил в верхней палате парламента Японии, что не существует ни научного, ни международно-правового определения понятия «агрессия». Японские эксперты указывают на некорректность данного высказывания премьер-министра. В первую очередь, понятие «агрессия» определено в статье 39 Устава ООН [12].

В выступлении 14 августа 2015 г. С. Абэ был вынужден подтвердить свою приверженность прежним подходам японского руководства к проблеме исторической ответственности его страны. Однако ревизионистский подход премьер-министра Японии к истории не вызывает сомнений.

Добросовестные усилия японских учёных разобраться с милитаристским прошлым

Со второго полугодия 2014 г. в японской прессе активизировалась дискуссия по поводу причин и характера войн, которые вела Япония в 1930—1940-х годах. В сентябрьском за 2014 г. номере журнала «Тюо корон» опубликована статья профессора Университета Тэйкё, доктора юридических наук Тобэ Рёити «Ради чего сражалась Япония?» [13]. Автор считает, что начавшиеся в Азии в 1931 г. военные действия и вспыхнувшую в 1939 г. войну в Европе следует рас-

смагивать как две, первоначально не связанные между собой войны. Но почему они соединились? По мнению профессора Р. Тобэ, их слияние было вызвано затягиванием японо-китайской войны. Так как китайский руководитель Чан Кайши не мог добиться победы над Японией силами одного Китая, он стал возлагать надежды на столкновение Японии с другими державами и продолжал сопротивление японской армии. «Первоначально Чан Кайши рассчитывал на столкновение Японии с Советским Союзом, но в процессе затягивания военных действий в Китае Япония стала склоняться к «продвижению» на юг — пишет учёный. — Это привело к ухудшению отношений Японии с Америкой и Великобританией, и Чан Кайши обрёл надежду на возникновение войны Японии против США и Великобритании. В такой ситуации разгорелась война в Европе. Короче говоря, Чан Кайши ставил целью добиться победы в войне с Японией за счёт втягивания США и Великобритании в войну в Азии или соединения войны в Азии с войной в Европе» [14]. По мнению профессора, в Японии тоже думали об объединении двух войн. В частности, в японской армии усиливались упования на перемены мирового масштаба как на благоприятный фактор для «разрешения затянувшейся японо-китайской войны». Так, Савада Сигэру, назначенный в сентябре 1939 г. на должность заместителя начальника генерального штаба, полагал, что «в настоящее время трудно добиться положительного разрешения ситуации на китайском фронте — остаётся только использовать какой-либо благоприятный шанс, связанный с большими изменениями мирового плана» [15]. Победное для вермахта начало военных действий в Европе японские военные расценили как благоприятный момент. Япония подписала «тройственный пакт», т. е. связала себя с одной из воюющих сторон в Европе. Затем японские войска вторглись в колонии европейских держав в Юго-Восточной Азии. Тем самым Япония сознательно сделала выбор в пользу объединения войны в Азии и войны в Европе. Р. Тобэ отмечает, что с нападением нацистской Германии на СССР и атакой Японии на Пирл-Харбор «Война в Азии и война в Европе полностью объединились, и военные действия в буквальном смысле приобрели характер мировой войны» [16].

Анализируя характер «Маньчжурского инцидента» и японо-китайской войны, Р. Тобэ подчёркивает: «Нельзя отрицать, что и в первом, и во втором случае речь идёт о военной агрессии Японии... Если судить, исходя из различных исторических прецедентов, то не возникнет сомнений, что «Маньчжурский инцидент» и японо-китайская война были актами военной агрессии» [17]. Далее исследователь утверждает, что в Японии отсутствовали предварительно подготовленные государственные планы и относительно «Маньчжурского инцидента», и касательно японо-китайской войны (правда, по поводу первого пункта Тобэ замечает, что в штабе Квантунской армии всё-таки имелся «план заговорщиков»). «Планов не существовало, но в результате Япония пошла по пути агрессивных действий — поспраивания с применением оружия территории и суверенитета Китая» — пишет Р. Тобэ [18].

Переходя к оценке войны на Тихом океане, учёный замечает, что регионы, в которые «продвигалась» Япония — Французский Индокитай, британские владения (Малайя, Сингапур, Бирма), территории Голландии (Ост-Индия) и США (Филиппины), представляли собой колонии европейских держав и Америки. «Если исключить Китай, то Япония совершила агрессию в отношении территорий, которые уже стали объектами агрессии. Но, конечно, по этой причине Японию нельзя освободить от ответственности за то, что она развязала войну на Тихом океане» — признаёт Р. Тобэ.

Затем учёный исследует выдвинутый в императорском указе об объявлении войны США, Великобритании и Голландии довод о том, что это была война «в защиту самостоятельного существования и самообороны» Японской империи. Принимая во внимание сильнейшее давление, которое стали оказывать США на Японию во втором полугодии 1941 г., в частности введя экономические санкции (запрет экспорта нефти и пр.), учёный полагает, что в японской позиции присутствовал аспект самозащиты. Но Р. Тобэ признаёт, что США оказывали давление на Японию потому, что действия Японии угрожали жизненным интересам Америки; следовательно, шаги США нельзя рассматривать как одностороннее и беспричинное подталкивание Японии к войне.

«Необходимо обращать внимание на то, что понятия “защита самостоятельного существования и самооборона”, выдвинутые при объявлении войны, отличаются от тех значений, которые мы сегодня вкладываем в слова о “продолжении существования государства”. Тогда «защита самостоятельного существования и самооборона» подразумевали удержание результатов японо-китайской войны, а также сохранение положения и мощи Японии как империи. Но ведь был возможен и другой выбор — не рисковать судьбой государства и нации и не воевать против партнёра, победа над которым не гарантирована» — резюмирует исследователь [19].

Что касается концепции «освобождения угнетённых народов колоний Великой Восточной Азии», то, по мнению Р. Тобэ, перед началом войны в документах, касавшихся государственной политики, эту проблему подробно не разрабатывали. Получили широкое распространение выражения «новый порядок в Великой Восточной Азии» и «сфера взаимного процветания Великой Восточной Азии», но их содержание было очень неопределённо. «Откровенно говоря, цель войны на Тихом океане состояла в захвате важных ресурсов Юго-Восточной Азии, прежде всего нефти. Следует считать, что хотя идея освобождения Великой Восточной Азии не отрицалась, она не занимала высокого места в ряду приоритетных задач войны» — делает вывод Р. Тобэ [20].

Концепция деколонизации Великой Восточной Азии получила более или менее чёткие очертания на «Конференции Великой Восточной Азии», проведённой под руководством Японии 5—6 ноября 1943 г. в Токио при участии представителей прояпонских коллаборационистских режимов: Государства Бирмы, Китайской республики (лидер — Ван Цзинвэй), Маньчжоу-го, Свободной Индии, Королевства Таиланд и Филиппинской Республики. В опубликованной 6 ноября 1943 г. «Декларации о Великой Восточной Азии» провозглашались уважение самостоятельности и независимости каждого государства, уважение традиций и созидательного творчества всех национальностей, устранение расовой дискриминации, развитие культурного обмена и свободное использование природных ресурсов. Таким образом, в ходе войны на Тихом океане Япония выдвигала

нула в качестве принципиальных понятий войны «освобождение Великой Восточной Азии» и «поддержку колоний в деле обретения ими независимости». «Но это имело единственное объяснение: для ведения войны, в которой признаки поражения становились всё более явственными, Японии как никогда прежде необходимо было заручиться помощью и сотрудничеством со стороны местного населения — подчёркивает Р. Тобэ. — И поскольку сама Япония обладала колониями и удерживала оккупированные территории, нельзя отрицать, что Декларация Великой Восточной Азии была преисполнена лицемерия» [21]. Учёный констатирует, что к тому времени Япония не имела сил, чтобы конкретизировать и осуществлять принципы, провозглашённые в Декларации Великой Восточной Азии. К концу 1943 г. для Японии и её вооружённых сил всё было подчинено задаче продолжения военных действий.

В интересном анализе доктора Р. Тобэ некоторые моменты вызывают возражения. Неубедительны его утверждения, что Японская империя в 1930-х годах не имела конкретных планов агрессии в отношении Китая. В этот период вооружённые силы Японии занимали ведущие позиции в политике страны, ставленники армии возглавляли правительственные кабинеты. А что же генералы в Генеральном штабе и адмиралы в морском Генеральном штабе? Они получали своё денежное вознаграждение напрасно? Странно звучат и обвинения Чан Кайши в провоцировании японской армии на дальнейшее расширение военных действий в Китае в 1937 г. К этому времени японская армия уже в течение 6 лет удерживала Маньчжурию — неотъемлемую часть Китая. Профессор по существу обвиняет лидера Китая в организации на собственной территории активных боевых действий против вторгшихся иноземных захватчиков. Очевидно, в данном случае Р. Тобэ пытался уравнивать субъект агрессии (Японию) с её жертвой (Китаем).

В сентябрьском за 2014 г. номере журнала «Бунгэй сьондзю» опубликована статья председателя правления издательской группы «Ёмиури симбун» Ватанабэ Цунэо. Она имеет развёрнутый заголовок «Хочу передать премьер-министру С. Абэ мой взгляд на проблему святилища Ясукуни, основанный на собственном опыте» [22]. Автор

подчёркивает, что посещения японскими политиками храма Ясукуни, который рассматривается за рубежом как символ милитаризма, вызывают протесты не только в Китае, РК и КНДР, но и в США [23]. Ватанабэ Цунэо — весьма авторитетный эксперт в вопросах трактовки исторического прошлого. Под его руководством в редакции газеты «Ёмиури» в 2005 г. проводила работу «Комиссия по новому изучению ответственности за войны». Результатом стал выпуск книги «От моста Марко Поло до Пирл-Харбора. Кто несёт ответственность?», получившая широкий отклик в Японии и за рубежом.

Видный японский журналист излагает историю святилища Ясукуни и рассказывает, каким образом проводятся общенациональные церемонии поминовения погибших в войнах в США, Германии и Франции. Ц. Ватанабэ объясняет, что в культуре Ясукуни «войны эпохи Сёва» рассматриваются как священные, и в святилище поклоняются душам героев, «сделавших вклад» в «священные войны». «Исходя из исторического сознания такой подход к Ясукуни нельзя считать уместным, — делает вывод Ц. Ватанабэ. — Причина в том, что ... после вторжения японских войск в Маньчжурию эти военные действия превратились в большие войны из-за безрассудных шагов военщины по их расширению (первым случаем такого рода был инцидент у моста Марко-Поло), что привело к многомиллионным людским жертвам» [24].

Кроме того, Ц. Ватанабэ поднимает проблемы «*токко*» («особых атак» смертников) и «*гёкусай*» («предпочтение славной смерти бесчестию»). Автор подчёркивает, что военное руководство Японии с переходом инициативы в руки противника в ходе войны на Тихом океане пыталось использовать тактику «*токко*» как волшебное средство изменить ситуацию в свою пользу. Ц. Ватанабэ отмечает, что очень часто японские военные — участники «особых атак» шли на смерть не по велению души, а под давлением, подчиняясь приказам своих командиров. Инициатор применения тактики «*токко*» (атак лётчиков-камикадзе) генерал-лейтенант авиации Ониси Такидзиро — впоследствии признавал, что такая тактика — «ересь учения о командовании войсками». Генерал покончил жизнь самоубийством на следующий день после капитуляции Японии [25]. Что касается

выражения «*гёкусай*» (дословно «разбитая яшма»), то его происхождение связано с «Сэндзинкун» («Наставлением для боевых действий»), изданным Тодзё Хидэки в 1941 г. во время его пребывания на посту военного министра. В этом документе содержался запрет военнослужащим сдаваться в плен даже в безнадёжной ситуации — предписывалось «предпочесть смерть позору пленения». То есть в случае поражения солдатам и офицерам не оставалось никакого выбора кроме массовых самоубийств. В мае 1943 г. японский гарнизон острова Атту (группа Алеутских островов) вёл оборонительный бой против превосходящих сил американцев. Высшее военное командование Японии проигнорировало просьбу гарнизона о присылке подкрепления, и брошенные на произвол судьбы военные были поголовно уничтожены. Императорская ставка впервые использовала выражение «разбитая яшма» в официальном сообщении о потере острова Атту. Этот термин пускали в оборот после кровопролитных боёв на острове Сайпан и в других случаях, когда надо было приукрашивать поражения, сопровождавшиеся ужасными жертвами. «“Наставление для боевых действий”, выпущенное министром армии Х. Тодзё — крайне бесчеловечный документ, и его автора нельзя простить как раз исходя из заботы о душах жертв» — утверждает Ц. Ватанабэ [26].

Вспоминая о своей службе в конце войны на Тихом океане в качестве рядового второго разряда в артиллерийском полку императорской армии, журналист пишет об отсутствии иллюзий у него самого и у его сверстников относительно исхода войны — все прекрасно осознавали неизбежность поражения. Ц. Ватанабэ пишет о скудной солдатской пище, повествует о ежедневных бессмысленных избиениях старослужащими солдатами: «во рту у меня постоянно сочилась кровь, и я не чувствовал вкуса супа». Старослужащие солдаты испытывали удовольствие, мучая младших сослуживцев, так как прежде они терпели точно такие же издевательства, им хотелось выместить накопившуюся злобу и унижение [27].

Формулируя своё мнение о проблеме ответственности Японии за войны, Ц. Ватанабэ резюмирует: «Правительство должно в порядке всеобъемлющего и общего понимания истории от имени народа при-

знать несправедливость “войн эпохи Сёва”». На этой основе ему следует утвердить разделение понятий “виновники войн” и “пострадавшие в войнах”, изложить в учебниках для обязательного образования нравственные критерии относительно исторического сознания, и в международной политике поставить точку в этом вопросе» [28].

В январском за 2015 г. номере журнала «Тюо Корон» опубликована статья доктора искусствоведения Ямадзаки Масакадзу «Послевоенное 70-летие с точки зрения теории интеллектуального общества» [29]. В статье изложена, на наш взгляд, очень ёмкая и точная, хотя и горькая для японцев, характеристика Второй мировой войны и роли, которую играла в ней Япония. «Вторая мировая война была первой по-настоящему идеологической войной человечества. Все участвовавшие в ней страны воевали, не только отстаивая свои государственные интересы, но и выдвигая собственные понятия о справедливости. Война была столкновением союзных государств, отстаивавших демократию, и стран оси — сторонников системы империалистической диктатуры. В результате потерпевшие поражение Япония и Германия не только понесли ущерб с точки зрения государственных интересов, но и были опозорены как преступники в плане нравственности. В эпоху, когда в мировом масштабе империализм приближался к своему концу, а демократия как политическая идеология последовательно занимала преимущественное положение, Япония, «запрыгнувшая в последний автобус империализма», ошибочно истолковала тенденции времени и в итоге испытала унижение» [30].

Что касается непосредственных виновников трагедии, М. Ямадзаки подчёркивает отсутствие ясности в отношении сил, ввергнувших Японию в пучину войн. «К несчастью, общественные структуры, подталкивавшие Японию к войне, крайне неопределённые, и представления о них туманные, — пишет учёный. — Конечно, в центре были военные круги как группа, обладающая реальной силой. Факт, что военщина направляла всё общество... Но в японских военных кругах не было харизматического лидера, подобного Гитлеру, они не имели последовательного мировоззрения, оформленного в догмы, и даже в плане организации военщина была настолько несо-

вершенна, что нередко возникали явления “*гэкокудзё*” (“низший подавляет высшего”)» [31] (Т. Ямадзаки под этим подразумевает случаи, когда инициаторами военных провокаций выступали японские офицеры среднего звена, а затем генералитет и высшее руководство империи благословляли действия подчинённых). Далее учёный объясняет, что разрушение японской политики после «Маньчжурского инцидента» началось из-за бесконтрольности военщины, роль соучастника сыграло популистское общественное мнение, представленное газетами, и, по мнению М. Ямадзаки, «этот процесс можно рассматривать почти как стихийное бедствие». «Популизм, — подчёркивает учёный — это явление, когда после образования определённой атмосферы имеет место взаимное подстрекательство масс при том, что намерения, планы и ответственные лица остаются неопределёнными. Особенность популизма состоит в том, что при возникновении соответствующей “атмосферы” в ней набирают господствующую силу экстремистские призывы. Война на Тихом океане была результатом действия такой механики» [32].

Изложенные выше статьи опубликованы в журналах «Тюо корон» и «Бунгэй сյондзю» — ведущих общественно-политических журналах Японии. Исходя из этого можно констатировать, что в наиболее влиятельных изданиях страны при анализе трагических страниц истории Японии в связи с 70-летием окончания Второй мировой войны превалировал в целом объективный подход. Он в основном не противоречил позиции мировой общественности, оформленной в вердиктах Международного военного трибунала для Дальнего Востока (1946—1948 гг.), где были осуждены главные японские военные преступники.

Позиция исторических ревизионистов

Вместе с тем в японских научных и журналистских кругах достаточно прочные позиции удерживают и последователи ревизионистских взглядов на историю, склонные оправдывать милитаристскую и колониальную политику Японской империи.

В этом плане заслуживает внимания сборник статей «Хайсэн коисё о норикоэтэ» («Преодолеть синдром военного поражения»), выпущенный издательством Фусося муук в августе 2015 г. [33]. Подробно разберём содержание двух статей.

Работа «Историческая концепция, выдвинутая Международным военным трибуналом для Дальнего Востока, отражает американскую трактовку истории» написана почётным профессором Токийского университета историком Такаси Ито. Учёный утверждает, что во время оккупации Японии войсками США Главный штаб оккупационных войск якобы «необоснованно насаждал в побеждённой стране взгляд на историю, согласно которому Япония была агрессором». В соответствии с такой трактовкой истории дело было не только в том, что Япония в новое время вела захватнические войны. По мнению американцев, японская национальная религия синто и императорская система сами по себе имели агрессивную идеологическую окраску, и в этом заключался корень японского милитаризма. «Именно такое понимание истории лежит в основе проблем, по поводу которых Китай и Южная Корея продолжают шуметь и сегодня, спустя 70 лет после окончания Второй мировой войны» — подчёркивает Т. Ито. Он считает, что такой исторический взгляд лёг в основу деятельности Международного военного трибунала для Дальнего Востока (Токийского процесса) 1946—1948 гг., на котором судили главных японских военных преступников [34].

Здесь следует отметить неточности, которые допускает профессор Т. Ито. *Во-первых*, японские и зарубежные исследователи связывают идеологию милитаризма не с традиционной японской религией *синто*, а с вариантом этой религии «государственный синтоизм». Данная разновидность *синто* с конца XIX в. активно культивировалась правящими кругами Японии для обоснования тезиса о божественном происхождении японского императора, исключительности Страны восходящего солнца и служила идеологической основой политики военных захватов. *Во-вторых*, касаясь темы Международного военного трибунала для Дальнего Востока, Т. Ито не упоминает о том, что с началом «холодной войны» американские оккупационные власти в Японии стали проводить «обратный курс», т. е. прекратили

демократические преобразования в стране и репрессии в отношении милитаристских элементов. В частности, в силу «обратного курса» США все японские военные преступники, приговорённые МВТ ДВ (Международным военным трибуналом по Дальнему Востоку) к тюремному заключению, были к 1956 г. выпущены на свободу.

Чтобы скомпрометировать исторические взгляды, которыми оккупационные власти США в Японии действительно руководствовались в период с 1945 до 1948 г., Т. Ито утверждает, что «президент США Ф.Д. Рузвельт был подвержен влиянию социалистических идей и в его окружении было много скрытых коммунистов» [35]. Более того, профессор пишет, что взгляды на историю, которыми руководствовались судьи МВТ ДВ, были основаны на «Тезисах 1932 г.» — программном документе Коммунистической партии Японии [36].

Объясняя причины возникновения «Маньчжурского инцидента», исследователь отмечает, что с приходом в Северный Китай японских компаний и размещением в зоне Маньчжурской железной дороги гарнизонов Квантунской армии среди местного населения стала «возрождаться уверенность в собственных силах» и началось движение за восстановление прав и национальных интересов китайцев. Вместе с тем получило широкое распространение антияпонское по содержанию образование, и в конце концов участились антияпонские бунты и нападения китайцев на японцев. «“Маньчжурский инцидент” носил характер противодействия антияпонской деятельности в этом регионе», — пишет С. Ито, оправдывая спецоперации японских военных. Учёный признаёт, что созданное в марте 1932 г. Маньчжоу-го было марионеточным образованием Японии. Однако он утверждает, что «учреждение марионеточного государства было лучше, нежели действия колониальных государств Европы и США, осуществлявших управление колониями вообще без создания там каких-либо государств» [37].

По поводу событий у моста Марко Поло в июле 1937 г., положивших начало широкомасштабной агрессии в Китае, Т. Ито пишет, что вина за этот инцидент лежит на тех военнослужащих в частях китайской армии, расположенных в районе Пекина, которые были объектами пропагандистских операций Коммунистической

партии Китая и находились под влиянием китайских коммунистов. Учёный высказывает предположение (кстати, ничем не подкреплённое), что именно эти элементы совершали провокации против японских военных [38].

В завершение своей статьи профессор Т. Ито настаивает на необходимости в связи с 70-летием окончания Войны на Тихом океане положить конец извинениям руководителей Японии по поводу войн, которые страна вела в первой половине XX в., и избавиться от «синдрома военного поражения». По мнению профессора, необходимо «преодолеть взгляд на историю, который насаждался Главным штабом оккупационных войск и Компартией Японии». Т. Ито настаивает, что для выполнения этой задачи важно пересматривать содержание школьных учебников, вести переподготовку школьных учителей и реформировать систему образования в стране [39].

В этом же сборнике помещена статья профессора университета Мэйдзи Гакуин политолога Кадзухиса Каваками «Вина СМИ, насаждавших “синдром военного поражения”». Профессор отмечает, что во время всех войн и военных конфликтов с конца XIX в. до 1945 г., в которых участвовала Япония, газеты страны по существу разжигали военные настроения среди населения и, эксплуатируя интерес публики к военным действиям, наращивали свои тиражи. Так, в мае 1931 г., непосредственно перед «Маньчжурским инцидентом», газета «Асахи симбун» имела тираж 1400 тыс. экземпляров, а в январе 1938 г., т. е. спустя полгода после начала японо-китайской войны, тираж этой газеты составлял уже 2500 тыс. Но по окончании Войны на Тихом океане в обстановке оккупации Японии пресса страны оказалась под контролем Главного штаба оккупационных войск. Политолог сетует, что японские газеты, выполняя указания американских оккупационных властей, резко поменяли политическую линию и стали активно распространять негативное отношение к войне. «Газетные компании, не признав в полной мере собственной ответственности за действия в военное время, возглавили «движение привлечения к ответственности за войны». Прикрываясь восхвалением демократии, они склонялись к взглядам на историю, основанным на теории классово́й борьбы — пишет К. Каваками — По

окончании периода оккупации японская печать оставалась обременённой “синдромом военного поражения”, такое положение сохраняется и сегодня» [40].

В частности, учёный обвиняет газету «Асахи симбун» в том, что она в обстановке «холодной войны», развернувшейся между сформировавшимся вокруг США лагерем либерализма и капитализма и руководимым Советским Союзом социалистическим лагерем, «стала поддерживать настояния социалистического лагеря и развернула “информационную квази-войну”. Профессор утверждает, что в ходе психологического противостояния двух лагерей «“Асахи симбун” из-за собственного «антияпонского взгляда на историю» обходилась с самой Японией как с противником» [41]. По мнению К. Каваками, «“синдром военного поражения” продолжал жить в формах просоветских, прокитайских и антияпонских настроений и информационной квази-войны». [42] В качестве примера «распространения антияпонского исторического взгляда и пропаганды сближения с Китаем» политолог пишет о предпринятой газетой «Асахи симбун» в августе–декабре 1971 г. публикации серии репортажей, подготовленных в ходе поездки в КНР корреспондента Кацуити Хонда. Было напечатано в общей сложности 40 материалов, в которых повторялась тема зверских убийств китайцев японскими военнослужащими. Эта серия имела широкий отклик в Японии, но, полагает профессор, проблема заключалась в том, что в этих репортажах излагалась односторонняя версия событий в подаче китайских свидетелей, не проводились интервью бывших японских военнослужащих, которые могли бы подтвердить или опровергнуть сведения китайцев. «Материалы содержали утверждения оппонентов, пропаганду, которую китайская сторона выдавала за факты — утверждает К. Каваками. — Ещё большую серьёзность проблеме придало то, что хотя освещение событий в серии “Путешествие в Китай” не имело подтверждения со стороны “виновников”, “лидеры общественного мнения” в японском обществе, то есть журналисты, учёные, исследователи и специалисты отнеслись с доверием к публикациям “Асахи симбун”, восприняли изложенное газетой как истину и ещё больше раздували тему жестокости японских военных» [43].

Автор подчёркивает, что китайские СМИ в антияпонском ключе проводили кампании в связи с «ритуальными визитами японских политиков в храм Ясукуни», по поводу «инцидента при занятии китайского города Нанкина японскими войсками в декабре 1937 г.», относительно «отряда № 731», по «проблеме школьных учебников» и на тему «женщин для утешения». К. Каваками отмечает, что поддержку пропаганде Китая «оказывают некоторые СМИ Японии, которые в стремлении сфабриковать видимость ответственности нашей страны за войны используют непроверенную информацию или сознательно предоставленные китайской стороной пропагандистские материалы и подают их как факты» [44].

Профессор К. Каваками подробно освещает тему содержания японских школьных учебников по истории и обществоведению, т. е. проблему, в связи с которой зарубежные страны, прежде всего Китай, РК и КНДР, уже в течение четверти века резко критикуют Японию. Претензии к Токио сводятся к тому, что в учебниках смягчают выражения и таким образом приукрашивают агрессивные войны. Учёный утверждает, что нападки на Японию со стороны КНР в связи с вопросом содержания школьных учебников объясняются прежде всего тем, что «правительство этой страны выражает диктатуру единственной партии и для оправдания собственного правления проводит “антияпонское воспитание” населения; китайское руководство постоянно поднимает вопрос трактовки истории, почти не сообщает собственному народу об извинениях, которые руководители Японии высказывали в связи с ущербом, нанесённым китайскому народу в прошлом, с помощью пропаганды формирует стереотип “милитаристского имиджа Японии”» [45].

К. Каваками пишет, что проблема учебников возникла в июне 1982 г., когда ведущие японские газеты сообщили о результатах проведённого в то время Министерством образования официального утверждения новых учебников по обществоведению для средней школы второй ступени. В результате этой процедуры из текстов, посвящённых «Маньчжурскому инциденту» и японо-китайской войне, были удалены выражения «японский милитаризм» и «вооружённая

интервенция», и вместо них в обновлённую версию учебника вставили слова «продвижение Японии в Китай» [46].

Эти события в Токио вызвали резкую критику и протесты со стороны правительств КНР и РК. Острая реакция соседей Японии оказалась результативной. 26 августа 1982 г. генеральный секретарь Кабинета министров Японии Киити Миядзава опубликовал официальное заявление по поводу школьных учебников, выдержанное в духе самокритики. В этом документе, в частности, говорилось: «Правительство и народ Японии глубоко осознают, что наша страна в прошлом принесла многочисленные страдания и ущерб населению азиатских государств, включая Китай и Корею... Естественно, что такой самокритичный подход необходимо соблюдать в школьном образовании и при утверждении учебников». От имени японского правительства в заявлении высказывалась готовность исправить те выражения в текстах учебников, которые стали поводом для критики [47]. По мнению К. Каваками, заявление генерального секретаря Кабинета министров было ни чем иным, как капитуляцией официального Токио перед давлением Китая. «Такой неумелый ответ на действия КНР породил нежелательный прецедент для повторявшихся в дальнейшем извинений японского правительства и для его уступок внешнему давлению» — подчёркивает профессор [48].

В заключительной части статьи автор утверждает, что «Японские СМИ в ходе информационной “квази-войны”, направленной на “возложение на Японию ответственности за войны”, подают под видом фактов пропаганду зарубежных стран... Они идут даже на распространение выдумок и подделок и особенно политизируют “понимание истории”». Профессор подчёркивает, что в настоящее время эти информационные сражения направлены против политического режима С. Абэ. «“Болезнь возложения ответственности за войны”, связанная с “синдромом военного поражения”, и сегодня наносит ущерб государственным интересам Японии. Поэтому, — считает профессор, — «премьер-министр С. Абэ в заявлении, посвящённом 70-летию окончания Второй мировой войны, должен положить конец “синдрому военного поражения”» [49].

Как видим, изложенная в книге издательства Фусося муук интерпретация истории вхождения Японии в полосу захватнических войн в корне отличается от анализа, представленного в предыдущем разделе. В статьях этого сборника звучит также тема оправдания колониальной политики Японской империи на Тайване, в Корее и Маньчжурии. Подвергается нападкам деятельность демократических организаций Японии, в частности Всеяпонского профсоюза учителей (Никкёсо), последовательно выступающего против реабилитации милитаризма. [50] Провозглашается непримиримо враждебное отношение к представителям левой интеллигенции. Сёити Ватанабэ, почётный профессор Университета Дзёти в статье «Очистить учебники истории от левой идеологии» пишет: «В числе людей, для которых было выгодно поражение Японии, наибольшую силу представляли японские левые интеллигенты, особенно те, которые до сентября 1945 г. отбывали сроки заключения в тюрьмах или находились под следствием. При покровительстве оккупационной армии, стремившейся лишить Японию истории, эти элементы по окончании войны возвращались в вузы и разворачивали там активную деятельность» [51].

Обращает на себя внимание болезненная реакция на идеи социализма: авторам помещённых в сборник материалов как фантом чудится «классовый подход» даже там, где его не может быть по определению, — например, в деятельности либеральной газеты «Асахи симбун». Видимо, причина в том, что японские коммунисты и социалисты были и остаются наиболее последовательными борцами против милитаристских тенденций. Другой характерный момент — выраженные в сборнике статьи симпатии к политической линии премьер-министра С. Абэ. Очевидно, авторы книги — идейные единомышленники нынешнего лидера страны. В их числе профессора ведущих университетов Японии, отставные дипломаты, работающие в «мозговых трестах», популярные писатели и литературные критики, т. е. отнюдь не маргиналы. Это означает, что в японском обществе пользуются поддержкой эксперты, склонные оправдывать захватнические войны прошлого, и жива ностальгия по имперскому величию Японии.

* * *

Официальное заявление премьер-министра Японии С. Абэ по случаю 70-летия окончания Второй мировой войны было противоречивым по содержанию. Оно вызвало за рубежом, прежде всего в КНР и в Южной Корее, сомнения в искренности выраженного японским лидером сожаления по поводу несчастий и ущерба, который японский милитаризм в прошлом нанёс народам зарубежных, прежде всего азиатских, стран. Дискуссия, развернувшаяся среди японских учёных и журналистов, показала наличие в экспертном сообществе противоположных взглядов на историческое прошлое. Наряду с осуждением преступлений японской военщины отмечаются попытки оправдать имперскую политику захватов и колониальное правление. Отсутствие в Японии единства мнений в трактовке истории будет и впредь осложнять отношения этой страны с её соседями.

Примечания

1. *Przystap James J.* Institute for National Strategic Studies. National Defense University. Japan-China Relations. Gaining Traction // Comparative Connections. URL: <http://csis.org/publication/comparative-connections-v17-n1-japan-china>

2. Ibid.

3. 15 августа 1945 г. император объявил по радио о капитуляции Японии, и этот день рассматривается в стране как дата окончания Войны на Тихом океане.

4. Ёмиури симбун. 07.08.2015.

5. Там же.

6. Асахи симбун. 14.08.2015.

7. Там же.

8. Там же.

9. Асахи симбун. 15.08.2015.

10. Там же.

11. URL: http://ajw.asahi.com/article/behind_news/politics/AJ201508150051

12. Ёмиури симбун. 07.08.2015.

13. 戸部良一。日本は何のために戦ったのか。: [Тобэ Рёити。 Ради чего сражалась Япония?] // Тюо корон. Токио, 2014. Сентябрь. С. 126—133.

14. Там же. С. 127.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же. С. 128.
18. Там же.
19. Там же. С. 129.
20. Там же.
21. Там же. С. 130.
22. 渡邊恒夫. 安倍首相に伝えたい {わが体験的靖国論} : [Ватанабэ Цунэо. Хочу передать премьер-министру Абэ мой взгляд на проблему Ясукуни, основанный на собственном опыте] // Бунгэй сյондзю. Токио. 2014. № 9. С. 254—264.
23. Там же. С. 258.
24. Там же. С. 259.
25. Там же. С. 269.
26. Там же. С. 261.
27. Там же. С. 262.
28. Там же. С. 260.
29. 山崎正和. 知識社会論的観点から戦後70を見る。: [Ямадзаки Масакадзу. Послевоенное семидесятилетие с точки зрения теории интеллектуального общества] // Тюо корон. Январь 2015. С. 116—127.
30. Там же. С. 116—117.
31. Там же. С. 118.
32. Там же.
33. 敗戦後遺症を乗り越えて。FUSOSHA MOOK. Токуо. 2015 [Преодолеть синдром военного поражения] // Фусося муук. Токио. 2015.
34. Там же С. 10.
35. Там же.
36. Там же. С. 15.
37. Там же. С. 16.
38. Там же. С. 17.
39. Там же. С. 22.
40. Там же. С. 45.
41. Там же.
42. Там же.
43. Там же. С. 46.
44. Там же. С. 48.

45. Там же. С. 47.

46. Там же. С. 49. [К. Каваками поясняет, что данное сообщение газет было неточным. В действительности термин «агрессия» был заменён на слово «продвижение» только касательно наступления японской армии в Юго-Восточной Азии. «Маньчжурский инцидент» и японо-китайская война были обозначены словом «вторжение» (с. 51)] .

47. Там же. С. 50.

48. Там же. С. 50—51.

49. Там же. С. 53.

50. Там же. С. 56—68.

51. Там же. С. 91.

КИСТАНОВ Валерий Олегович,

*доктор исторических наук, кандидат экономических наук,
руководитель Центра японских исследований
Института Дальнего Востока РАН,
e-mail: v_kistanov@list.ru*

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА АБЭ ПО СЛУЧАЮ 70-ЛЕТИЯ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ПРОБЛЕМА ПРИМИРЕНИЯ ЯПОНИИ И КИТАЯ

Аннотация. В настоящее время политические отношения между Японией и Китаем продолжают оставаться весьма напряженными, несмотря на некоторые признаки их потепления в 2015 году. Наиболее ярким символом продолжающихся взаимной неприязни и глубокой конфронтации двух стран служат заявление Абэ по случаю 70-летия окончания Второй мировой войны, а также военный парад на площади Тяньаньмэнь по тому же поводу.

Ключевые слова: Япония, Китай, Южная Корея, Вторая мировая война, Синдзо Абэ, Си Цзиньпин, «женщины для утешения», Отряд 731, ООН, военный потенциал, территориальные споры, морское противостояние.

Abstract. At present time political relations between Japan and China remain strained, despite some signs of warming in 2015. The symbols of the ongoing mutual hostility and deep confrontation of the two

countries are the statement by Abe on the 70th anniversary of the end of World War II, and also military parade on Tiananmen square on the same occasion.

Keywords: Japan, China, South Korea, World War II, Shinzo Abe, XI Jinping, the «comfort women», Unit 731, UN, military potential, territorial disputes, maritime confrontation.

Одними из самых заметных событий 2015 года были проведенные в ряде стран мероприятия по случаю 70-й годовщины окончания Второй мировой войны. Понятно, что в странах-победительницах и странах, потерпевших в ней поражение, юбилей был встречен по-разному. Наиболее торжественно и с размахом он, естественно, отмечался в Москве и Пекине. В обе столицы были приглашены немецкий и японский лидеры.

Однако если в российской столице канцлер Германии Меркель в рамках антиросийской кампании Запада проигнорировала лишь военный парад на Красной площади 9 мая, но встретила с президентом Путиным, то премьер-министр Японии Абэ вообще не приехал не только в Москву, но даже в Китай. Причиной демаршей руководителей стран, входивших во время войны в разгромленную ось «Берлин-Рим-Токио», судя по всему, послужило их нежелание выбиваться из строя лидеров западных держав, в том числе, по иронии судьбы, бывших военных союзников СССР и Китая. Эти лидеры устроили обструкцию Путину из-за воссоединения России с Крымом и политики в отношении Украины, а Си Цзиньпину — в знак протеста против так называемой территориальной экспансии Китая в Южно-Китайском море. Кроме того, сыграло свою роль и неприятие Абэ торжеств в Пекине, носивших, как считают в Токио, откровенно антияпонский характер.

Парадокс ситуации заключается еще и в том, что политические отношения между Россией и Японией, так и не заключившими до сих пор между собой мирный договор (насколько он нужен сейчас — это отдельный разговор), на сегодняшний день выглядят более спокойно, чем конфронтационные отношения между двумя ведущими азиатскими и мировыми державами. И это несмотря на то, что Токио и Пекин еще в 1978 году подписали договор о мире и дружбе.

Парадокс лишь усиливается тем обстоятельством, что весьма скромная значимость России и Японии друг для друга как торгово-экономических партнеров не идет ни в какое сравнение с сильнейшей хозяйственной взаимозависимостью Японии и Китая. Достаточно сказать, что Китай является главным торговым партнером Японии в сфере как экспорта, так и импорта, а страна Восходящего солнца — ведущим инвестором в Поднебесной.

Символами продолжающихся взаимной неприязни и глубокой конфронтации двух стран служат заявление Абэ по случаю 70-летия окончания Второй мировой войны, военный парад на площади Тяньаньмэнь по тому же поводу, приобретающее все более острый характер морское противостояние Токио и Пекина, а также другие, менее значимые, события и явления.

В отношении Японии самым ожидаемым как внутри страны, так и за рубежом, событием 2015 года было, пожалуй, заявление премьер-министра Синдзо Абэ по поводу 70-летия окончания Второй мировой войны. С ним он выступил 14 августа — в день объявления императором Хирохито о капитуляции империи. Интерес к формулировкам документа, особенно в соседних Китае и Южной Корее, подогревался взятым С. Абэ курсом на пересмотр оценок роли Японии в этой войне, а также его международной репутацией внешнеполитического «ястреба». Над содержанием документа целый год работала специальная комиссия экспертов, созданная по личному указанию С.Абэ. Заявление могло бы прояснить истинное отношение премьера к милитаристскому прошлому Японии, а также его намерения в сфере внешней политики. Лакмусовой бумажкой в этом отношении должна была послужить форма персонального извинения за японскую агрессию в отношении стран Азии. Однако лексикон выступления японского лидера встретил неоднозначную реакцию не только среди иностранных, но и отечественных наблюдателей.

Как писал на следующий день после обнародования заявления орган японских деловых кругов — газета «Nikkei», оно содержало все необходимые слова для такого рода выступлений. Но премьер-министр не выразил собственного «извинения» или «раскаяния». Таким образом, считает издание, С.Абэ продемонстрировал опреде-

ленное почтение к голосам, как внутри страны, так и за рубежом, настаивающим на том, чтобы он унаследовал прошлые правительственные заявления на счет минувшей войны, но придал личностную окраску своему заявлению.

Крупнейшим вопросом накануне выступления премьер-министра был, использует ли он, и каким образом, слово извинение (*оваби*, по-японски). В конечном итоге Абэ сказал, что «Япония неоднократно выражала чувства глубокого раскаяния и сердечного извинения за свои действия во время войны», и что такие декларации «останутся непоколебимыми в будущем». Тем самым он лишь подтвердил свою приверженность заявлению бывшего премьер-министра Японии Томиити Мураямы от 1995 г., содержащему такие ключевые словосочетания, как «глубокое раскаяние» и «сердечное извинение». Но сделал это под давлением партнёра по правящей коалиции — партии Комэйто, а также с оглядкой на Китай и Южную Корею, которые еще с начала года настаивали на том, чтобы указанные слова были включены в текст заявления. Однако, как подчеркивает японская газета, С. Абэ не персонализировал слова «извинение» и «раскаяние», а его пассаж о том, что будущие поколения японцев должны быть освобождены от бремени извинений за войну, отражал его собственное презрение к извинительным литаниям*.

Кроме того, «Nikkei» указывает, что «Абэ использовал слово «агрессия» как пример «угрозы или применения силы в качестве средства разрешения международных споров», к которому, по его заявлению, Япония «никогда снова не прибегнет». Но он не сказал четко, что собой представляла японская агрессия, приведшая ко Второй мировой войне. Такая размытость, подчеркивает газета, соответствует его прошлым утверждениям, что термин «агрессия» не имеет четкого определения.

Комиссия, созданная С. Абэ для подготовки заявления, пришла к заключению, что Япония «развернула агрессию» против континен-

* **Литания** — в христианстве молитва, состоящая из повторяющихся коротких молебных воззваний. Латинское слово *litanía* образовалось от греческого *λιτή*, означающее «молитва» или «просьба». Литании могут адресоваться к Христу, Деве...

тальной Азии после Маньчжурского инцидента 1931 года. Однако в своем заявлении руководитель страны лишь упомянул этот инцидент, а также выход Японии из Лиги наций двумя годами позже. Но он не связал эти события с «агрессией». Вместо этого он сказал, что Япония «превратилась в страну, бросившую вызов новому международному порядку, взяла неверный курс и пошла по дороге войны».

Деловое издание обращает также внимание на то, что Абэ заявил об отказе Японии навсегда от «колониального правления», употребив еще одно ключевое словосочетание. Но он не упомянул никаких японских колоний, таких, как Корея, которую Япония аннексировала в 1910 г.. Наконец, Абэ сказал, что он хочет, чтобы его заявление было обращено в будущее. Это желание отвечает его видению политики «активного пацифизма» Японии» — заключает «Nikkei» [1].

Как и следовало предполагать, заявление Абэ вызвало серьезную критику за рубежом, прежде всего в Пекине и Сеуле. Пресс-секретарь китайского МИДа Хуа Чуньинь, в частности, заявила: «Агрессивные войны, развязанные японским милитаризмом, принесли несказанные страдания народу Китая и другим странам-жертвам в Азии». И добавила: «Обращение лицом к части истории является важным для того, чтобы сохранить в умах уроки прошлого и держаться справедливости» [2].

Она также сказала: «Японии следует сделать ясное заявление относительно характера войны и агрессии и своей ответственности за войны, принести искренние извинения народам стран-жертв и совершить полный разрыв с прошлыми милитаристскими агрессиями, вместо того, чтобы быть уклончивой в отношении этой главной принципиальной проблемы» [3].

Центральное телевидение Китая и Агентство Синьхуа интерпретировали высказывания С.Абэ как стремление избежать собственного извинения за военные действия Японии. Они также цитировали его слова о том, что будущие поколения Японии, которые не несут ответственности за войну, не обязаны извиняться за роль страны в войне.

Комментарий Синьхуа на английском языке резко раскритиковал заявление С.Абэ как «изобилующее риторическими искажения-

ми» и подчеркнул, что оно является «отходом» от знакового заявления бывшего премьер-министра Томиити Мураямы от 1995 г. по случаю 50-й годовщины окончания Второй мировой войны. В комментарии также говорилось: «Сфальсифицированное извинение далеко от того, чтобы соседи Японии и широкая международная общественность ослабили свою настороженность» [4].

Независимый специалист по Восточной Азии Петер Макгилл (Peter McGill) пишет в газете «Асахи симбун», что С.Абэ мог бы воспользоваться 70-й годовщиной почти полного уничтожения Японии как золотой возможностью принести четко выраженное извинение и искреннее выражение раскаяния миллионам людей, которые потеряли свои жизни или изувечены в результате буйства Императорской армии в Азии. Вместо этого миру была представлена более селективная амнезия. В частности, отмечает эксперт, в заявлении Абэ нет упоминания о колонизации Кореи Японией или ее оппортунистическом вмешательстве в Первую мировую войну, когда она отобрала Тихоокеанские острова у Германии, которые позже были использованы как трамплин для военной агрессии, или захвате провинции Шандунь в Китае, которую позже заставили вернуть Китаю [5].

Выражая свою обеспокоенность по поводу заявления Абэ в связи с 70-й годовщиной окончания войны, бывший посол Великобритании в Японии Хуг Кортаззи (Hugh Cortazzi) сказал в интервью «Асахи симбун»: «Оно было полно таких эвфемизмов, которые предполагают, что Японию вынудили пойти на войну», в частности, из-за создания экономических блоков [6].

В той же газете известный американский эксперт по делам Восточной Азии Фрэнк Джаннузи (Frank Jannuzzi) посетовал, что заявление премьер-министра Синдзо Абэ отвечало лишь минимуму требований, которые выдвигали соседние страны. Он, в частности, сказал: «Я думаю, что есть добавочные конкретные действия, которые должна предпринять администрация Абэ в отношении своих соседей в целях более полного примирения». По его мнению, заявление С. Абэ — лишь часть примирения, и нужны конкретные действия, а также диалог на высшем уровне с председателем КНР Си Цзиньпипем и Президентом Южной Кореи Пак Кын Хе. В качестве примера

таких конкретных действий американский ученый привел выплату японским концерном Мицубиси компенсации китайцам, которых принудительно заставляли работать на его предприятиях во время войны [7].

Примечательна мгновенная реакция МИДа Японии на заявление С. Абэ по случаю 70-й годовщины окончания Второй мировой войны. Как сообщает «Асахи симбун», министерство тут же обновило свой вебсайт по историческим проблемам, чтобы соответствовать этому заявлению. В частности, на сайте были удалены слова «колониальное правление» и «агрессия». В соответствии с фразеологией выступления Абэ 14 августа, обновленная страница содержит такой текст: «Мы не должны обязывать грядущие поколения извиняться. Это ответственность нынешних поколений».

Кроме того, внешнеполитическое ведомство убрало также некоторую часть содержания из прошлых заявлений правительства, в которых выражались глубокое покаяние и извинение за «колониальное правление и агрессию» своей страны. Касаясь в целом действий Японии во время войны, пересмотренная страница оповещает, что Токио будет «придерживаться чувства глубокого покаяния и сердечно-го извинения, провозглашенных предшествующими кабинетами министров», и что эта «позиция останется непоколебимой в будущем».

Предыдущая страница сайта гласила, что Япония принесла огромный ущерб и страдания народам многих стран ее колониальным правлением и агрессией, особенно народам Азии, и Токио не забудет чувства глубокого покаяния и чистосердечного извинения. Обновленная страница не содержит этого фрагмента старого текста, а только дает ссылку на заявления, сделанные премьер-министрами Томиити Мураямой и Дзюньитиро Коидзуми, соответственно, в 1995 и 2005 гг. Там же имеется ссылка на августовское заявление Абэ.

До внесения изменений страница по истории содержала также выдержки из заявления Генерального секретаря Кабинета министров Ёхэя Коно от 1993 г.. Министерство удалило и эти выдержки и поместило только ссылку на указанное заявление. В заявлении Коно признавалось, что японская армия во время войны была прямо или косвенно вовлечена в создание и управление так называемыми стан-

циями комфорта (прифронтовыми борделями, куда насильно загоняли молодых кореянок и жительниц других стран Азии. — *В.К.*). Заявление содержало извинения и покаяние перед женщинами, которых принуждали предоставлять сексуальные услуги войскам Императорской армии Японии [8]. Их называли издевательским эвфемизмом «ианфу», в дословном переводе с японского — «женщины для утешения и успокоения».

Таким образом, вряд ли можно считать, что «историческое» заявление Синдзо Абэ по случаю 70-й годовщины окончания Второй мировой войны окончательно примирило Японию с ее соседними странами по части восприятия ее милитаристского прошлого на Азиатском континенте и развеяло их опасения по поводу внешнеполитического курса нынешнего премьер-министра Японии.

Подходы к оценке многих ключевых событий Второй мировой войны на азиатском театре военных действий и сохранению памяти о них в Японии и Китае сильно разнятся и до сих пор вызывают трения даже на межгосударственном уровне. Так, в декабре 2015 г. в музее, посвященном массовым убийствам китайских граждан японской армией в г. Нанкине в 1937 г., открылась выставка накануне 88-й годовщины этого трагического события. Китай установил 13 декабря как общенациональный день памяти жертв Нанкинской резни. Экспозиция содержала документы и предметы, связанные с «победой» китайского народа в борьбе против японской агрессии. Как сообщала японская газета, выставка явилась последним действием в серии мероприятий в ознаменование 70-й годовщины поражения Японии во Второй мировой войне [9].

А ранее в том же году китайское правительство успешно зарегистрировало в Программе ЮНЕСКО «Память мира», набор документов о жестокостях, совершенных солдатами японской Императорской армии в 1937 г. в г. Нанкине, что вызвало большое неудовольствие в Токио. Премьер-министр Синдзо Абэ на встрече 14 октября 2015 г. в японской столице с государственным советником Ян Цзечи, отвечающим за внешнюю политику в правительстве КНР, затронул эту проблему и заявил: «Вместо того чтобы так сильно фокусироваться на нашей несчастливой истории, мы должны стремиться к

ориентированным в будущее отношениям». На это высокопоставленный китайский собеседник ответил, что уже существуют «международно признанные взгляды на Вторую мировую войну». И также сказал: «Важно твердо признавать историю и двигаться вперед к будущему» [10]. Характерно, что, критикуя Китай за использование Программы ЮНЕСКО «Память мира» в политических целях, японское правительство призвало эту структуру ООН улучшить процесс отбора объектов для включения в список ЮНЕСКО «Память мира». Со своей стороны, Токио намерен в 2016 г. направить японского эксперта в Азиатско-Тихоокеанский региональный комитет этой структуры, чтобы, как пишет японская газета, оказывать влияние на любые политически чувствительные решения, которые могут негативно отразиться на Японии [11].

Следует отметить, что в плане увековечивания памяти о зверствах японской армии во время агрессии на азиатском материке Пекин действует, если и не согласованно, то в унисон с Сеулом. По информации японской газеты, группа жителей Южной Кореи, поддержанная правительством, готовит документы об упомянутых «женщинах комфорта» для регистрации в списках «Памяти мира» ЮНЕСКО. Подача заявки Южной Кореи намечена на март 2016 г. [12].

Еще в мае 2015 г. Сеул заявил, что этот план являлся частью правительственной программы празднования 70-й годовщины освобождения Кореи от колониального правления Японии. Кроме того, Южная Корея планирует регистрацию документов относительно «мобилизованных рабочих» — корейцев, которых насильно вывозили в Японию для тяжелых работ на рудниках и заводах, когда Корейский полуостров находился под японским колониальным правлением [13].

Попутно заметим, что сама Япония подала заявку на включение в список «Памяти мира» ЮНЕСКО документов, связанных с пребыванием японских военнопленных (интернированных, по японской терминологии) в Советском Союзе. В частности, речь идет о дневнике, написанном на бересте японскими пленными в Сибири. Дневник является частью документов под названием «Возвращение в порт Майдзуру — документы, касающиеся опыта японцев по части интер-

нирования и репатриации (1945—1956)». Записи названы «Сиракаба нисси» — «Березовый дневник» [14]. Россия, со своей стороны, намерена потребовать от Японии отозвать документы, касающиеся японских военнопленных, из списка «Памяти мира» ЮНЕСКО.

Понятно, что документы представленные Китаем и Южной Кореей, с одной стороны, и Японией — с другой, для регистрации в указанном списке, имеют различный характер. Судя по всему, ни жертвы Нанкинской резни, ни «женщины комфорта», не имели возможности вести дневники. Да и вообще, видимо, некоторые японские деятели не желают, выражаясь терминологией того же Абэ, «не фокусироваться на несчастливой истории» в отношениях между Японией и Россией. Само же японское правительство свою заявку не считает использованием программы ЮНЕСКО «Память мира» в своих политических целях.

Попытка регистрации Японией в списках «Памяти мира» ЮНЕСКО «Березовых дневников» вполне укладывается в концепцию «виктимности (ощущение себя в качестве жертвы) японского народа» во время Второй мировой войны. Эту концепцию описывает в своей статье заведующий кафедрой востоковедения МГИМО Д.В. Стрельцов [15]. Концепция активно внедрялась в сознание японцев политиками, учеными и СМИ страны все послевоенное время.

Не желая неприятных напоминаний о японской агрессии на материке, МИД Японии отказал в ноябре 2015 г. во въезде 12 китайцам, включая родственников жертв Отряда 731 Императорской армии, которые были приглашены в Токио на три симпозиума по проблемам войны. Представители МИД Японии отказались назвать причины отказа во въездных визах, указав лишь, что они не комментируют каждый отдельный случай. Симпозиумы были посвящены проблемам, связанным с вторжением Японии в Китай и колонизацией Корейского полуострова, которая продолжалась до конца войны.

На симпозиум наряду с японскими исследователями были приглашены представители групп корейцев, которых принудительно заставляли работать в Японии во время Второй мировой войны, а также родственники жертв жестоких экспериментов с бактериологическим и химическим оружием, которые проводились японским

Отрядом 731 на живых людях в г. Харбине [16]. Сейчас в этом китайском городе действует музей, рассказывающий о жутких экспериментах японских военных медиков из Отряда 731 над живыми людьми. Указанный шаг японского МИДа вызвал неоднозначную реакцию в самой Японии. Как пишет либеральная газета «Асахи симбун», решение правительства отказать китайцам в визах порождает серьезные сомнения относительно здоровья демократии в стране [17].

О накале дискуссий между Пекином и Токио по поводу восприятия истории двусторонних отношений свидетельствует «перепалка» их представителей в ООН в октябре 2015 г. Посол Китая в этой организации по проблемам разоружения обвинил Японию в сокрытии исторических фактов, включая использование японской армией химического оружия в Китае, а также использования ею китайских граждан для испытания бактериологического оружия.

«70 лет спустя после окончания войны Япония все еще прибегает к серьезным мерам, чтобы скрыть и исказить историю», — сказал Фу Цун, добавив, что бесчисленные «отвратительные преступления» вызвали «ужасные» страдания китайских и других жертв такого оружия. Японский посол по разоружению Тосио Сано, со своей стороны, подчеркнул, что его страна выразила «глубокое раскаяние» за прошлое и «последовала путем миролюбивой нации, которая вносит вклад в мир и безопасность всего мира» [18].

Фу заявил, что число гражданских лиц, убитых в ходе японской бактериологической войны, превысило 1,2 млн человек, что в 4 раза больше, чем было убито во время атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Сано поставил под сомнение приведенные Фу цифры, сказав, что Япония не располагает «конкретными» данными.

Фу также призвал Японию «обратиться лицом к истории и искренне признать свою ответственность за войну, и принять конкретные шаги для завоевания доверия соседних стран и международного сообщества в целом». Эта критика последовала за резкими высказываниями, которые он сделал в Первом комитете Генассамблеи ООН по проблемам разоружения. Значительную часть своего выступления он отвел призыву привлечь внимание к потенциальной угрозе

безопасности, которая проистекает от японских запасов ядерных расщепляющихся материалов, которые могут быть конвертированы в оружие. Он также сказал, что некоторые «политические силы» в стране требуют ядерного вооружения [19]. Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что еще не скоро Япония и Китай придут к какому-либо консенсусу относительно оценок японской агрессии против Китая во время Второй мировой войны.

Драматическая история двусторонних отношений, нарастание борьбы за командные высоты в региональной и мировой экономике, а также обостряющиеся геополитические противоречия между стагнирующей Японией и восходящим Китаем выливаются в глубокое взаимное недоверие между двумя ведущими азиатскими державами, имеющими множасьщиеся глобальные интересы. Особенно их тревожат растущие военно-политические амбиции друг друга, пересечение которых чревато серьезными международными осложнениями для обеих стран и их соседей.

Все это, как в капле воды, отразилось в мероприятиях, связанных с празднованием в Китае 70-летия победы над Японией, и прежде всего в упомянутом параде в Пекине 3 сентября. Парад привлек огромное внимание в Токио и вызвал бурный поток комментариев, в преобладающей степени критического характера. В них японские эксперты пытались расшифровать сигналы, которые, по их мнению, Китай посылал внешнему миру своим беспрецедентным по масштабам военным представлением.

В первую очередь японские СМИ обратили внимание на желание китайского руководства продемонстрировать с помощью указанного действия возрождение Китая как мощной державы, что делает невозможным повторение печального прошлого, когда страна стала легкой добычей Японии. Так, газета «Japan Times» цитирует то место в речи на параде Председателя КНР Си Цзиньпина, где говорится, что победа в войне сопротивления японской агрессии «разрушила замыслы японских милитаристов колонизировать и поработить Китай и положила конец национальному унижению Китая из-за ряда поражений от рук иностранных агрессоров в современный период» и «восстановила Китай как мировую державу» [20].

Этого мнения придерживается и директор Центра Китая Оксфордского университета Рана Миттер (Rana Mitter), который пишет в той же «Japan Times»: «Демонстрируя публике новейшее вооружение, китайское руководство открыто заявило, что оно никогда не допустит снова, чтобы страна страдала, как это было, когда Япония вторглась в 1937 г. во время Второй китайско-японской войны» [21].

А правоконсервативная газета «Санкэй симбун» усматривает в параде, прежде всего, проявление антияпонской дипломатии, но считает, что он полностью провалился, поскольку был проигнорирован почти всеми главами ведущих государств мира. С нескрываемым удовлетворением газета пишет о том, что парад якобы высветил неприятие международной общественностью внутренней и внешней политики, проводимой Председателем КНР Си Цзиньпином [22].

Развернутый анализ подспудного содержания парада на площади Тяньаньмэнь в своей редакционной статье дает упомянутая «Japan Times» [23]. Газета обращает внимание на то, что это был всего лишь 4-й военный парад за 39 лет со дня смерти Мао Цзэдуна и только первый, которым не отмечалось основание КНР. Среди сигналов, посланных Си Цзиньпином международному сообществу с помощью указанного парада, на первое место издание опять же ставит подтверждение подъема Китая и его возвращения к статусу региональной державы с глобальными амбициями.

Но японскую газету тревожит наращивание Китаем своего военного потенциала. По ее данным, в течение двух последних десятилетий бюджет НОАК рос двузначными цифрами и достиг в 2015 г. 145 млрд долл., что привело к созданию второй по величине армии в мире. По мнению газеты, некоторые результаты этих инвестиций были на показе в Пекине 3 сентября. В параде приняли участие 12 000 военнослужащих, 500 единиц военной техники и около 200 самолетов. Со ссылкой на китайские СМИ, «Japan Times» сообщает, что еще 84 % техники не были продемонстрированы. Она также обращает внимание на тот, явно рассчитанный на демонстрационный эффект факт, что 7 ракет были провезены по улицам Пекина с пояснительными надписями об их предназначении на английском языке. В частности, миру была явлена ракета DF21-D — «убийца авианос-

цев», о которой давно говорили. Она предназначена для поражения самого важного символа проецирования силы США и их военного превосходства. Это послание, пишет газета, было безошибочным: Китай является грозным соперником, чьи интересы и обеспокоенности нельзя игнорировать.

Даже сделанное на параде заявление Си Цзиньпина о сокращении численности китайской армии на 300 тыс. человек, поданное им как демонстрация приверженности Китая миру и стабильности, японские комментаторы рассматривают как усиление угрозы интересам безопасности Японии. *Во-первых*, подчеркивают они, НОАК по своей численности все равно остается крупнейшей в мире. *Во-вторых*, это важный шаг в продолжающейся модернизации китайских вооруженных сил. Меньшая сухопутная армия, за счет которой и будет происходить сокращение, позволит военно-морским и военно-воздушным силам страны претендовать на большую часть военного бюджета.

Это вызывает большую обеспокоенность в Японии — островной стране — в связи со значительной активизацией этих сил в морском и воздушном пространстве АТР. Как пишет газета «Асахи симбун», с точки зрения Японии и других соседних стран, наращивание Китаем его военно-морских и военно-воздушных сил, а также ракетного арсенала, продолжает быть главным дестабилизирующим фактором в регионе [24]. *В-третьих*, указанное сокращение военного персонала — крупнейшее за последние 20 лет — имеет, по оценкам японцев, еще одно назначение: опровержение слухов о напряженности в отношениях между Си и НОАК в связи с антикоррупционными чистками, проводимыми китайским лидером в рядах командного состава вооруженных сил.

Наконец, как считают японцы, мероприятия, связанные с празднованием 70-летия победы над Японией в Китае, имеют и чисто внутреннее измерение. Вот что пишет на этот счет «Japan Times»: «Повествование о Китае и Коммунистической партии Китая как решающей силе в разгроме императорской Японии приобретает ещё большую важность в свете экономических трудностей, с которыми сталкивается Китай. В эпоху после Мао легитимность Коммунисти-

ческой партии проистекала не только из всякого рода идеологических постулатов, но и из обещания постоянно улучшающегося экономического положения и подчеркивания роли КПК во Второй мировой войне. По мере того, как экономический рост замедляется, и неопределенность в отношении будущего усиливается, военные рассказы приобретают еще большую значимость» [25].

Под предлогом усиления военной мощи Китая и, прежде всего, наращивания его военно-морской активности японское правительство, со своей стороны, взяло курс на увеличение военных расходов и совершенствование своего оборонного потенциала. Так, военный бюджет Японии в 2016 фин. году впервые превысит 5 трлн иен (около 40,1 млрд долл.). Он будет увеличен на 70 млрд иен — до 5,05 трлн иен по сравнению с 4,98 трлн иен в предшествующем году. После прихода Синдзо Абэ к власти в декабре 2012 г. это четвертый подряд ежегодный рост военных расходов правительства Японии. Добавленные средства будут израсходованы на приобретение американского беспилотного разведывательного самолета Global Hawk и четырех транспортных самолетов Osprey, у которых поворачивающееся вместе с двигателями крыло позволяет набирать высоту вертикально, но затем лететь как обычный самолет [26]. Такие вертолеты-самолеты считаются эффективным средством переброски военного персонала и вооружений на отдаленные японские острова в случае попытки их захвата Китаем.

В Пекине резкое неприятие вызывает курс премьер-министра С.Абэ на укрепление военного потенциала страны и расширение зарубежной сферы деятельности Сил самообороны Японии, особенно новый пакет законов о безопасности, принятый по его инициативе парламентом страны в сентябре 2015 г.. Их Китай обозначил как беспрецедентный сдвиг в военной политике Японии и назвал угрозой региональному миру. В соответствии с этими законами и на основе новой интерпретации права на коллективную самооборону отныне вооруженные силы Японии смогут сотрудничать с армией США в удаленных от японских берегов районах мира. Пекин усматривает в этом намерение Токио в сотрудничестве с Вашингтоном более активно сдерживать Китай на международной арене. Сами же

японские политики и эксперты не скрывают тот факт, что в военной стратегии Японии главным вызовом безопасности страны наряду с ракетно-ядерным потенциалом Северной Кореи является «китайская угроза», пришедшая на смену «советской угрозе» времен холодной войны.

Китай обеспокоен также возможностью Японии в сжатые сроки обзавестись ядерным оружием. Так, 20 октября 2015 г. на заседании Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН по ядерному разоружению посол Китая Фу Цун заявил, что Япония в настоящее время обладает большим количеством плутония (10,8 т), которого достаточно для производства 1350 ядерных боеголовок. Он также подчеркнул, что «некоторые политические силы в Японии постоянно требовали разработки ядерного оружия». При этом китайский представитель заверил, что его страна не намерена участвовать в гонке ядерных вооружений. На это японский представитель Тосио Сано возразил, что все ядерные материалы в Японии используются только в мирных целях и находятся под контролем МАГАТЭ [27].

Возрастающую напряженность в отношениях с Японией Китай объясняет нежеланием Токио смириться с новой ролью Китая на международной арене. Так, на международном симпозиуме летом 2015 года в Пекине министр иностранных дел Китая Ван И критиковал Японию за неспособность воспринять восхождение Китая как глобальной державы. Он заявил: «Фундаментальная проблема китайско-японских отношений кроется в том, что Японии еще предстоит искренне принять подъем Китая». Ван также процитировал своего анонимного японского друга, который сказал, что Китай всего лишь вернулся к «должному статусу, которым он обладал в историческом прошлом» — реальности, которую японский народ должен принять. Министр выразил уверенность, что «китайско-японские отношения неизбежно вернуться на путь нормального развития раньше или позже», если больше японцев начнут разделять этот взгляд [28].

Различные подходы к восприятию истории двусторонних отношений, а также территориальные споры Японии и Китая на данный момент служат главными препятствиями для официальных встреч их высших руководителей. Синдзо Абэ и Си Цзиньпин встречались

три раза с момента прихода к власти в своих странах. Но это были мимолетные встречи, к тому же на обочине различных международных форумов. Последний из таких двусторонних саммитов состоялся в Париже 30 октября 2015 г. на полях встречи глав государств мира, посвященной изменению климата. Как сообщает японская газета «Ёмиури симбун», премьер-министр Синдзо Абэ сам подошел к Си Цзиньпину для краткой беседы, в ходе которой китайский лидер якобы сказал: «Мы должны адекватно иметь дело с деликатными проблемами между нами и придавать важность (японо-китайским) отношениям» [29].

Как полагает газета, Председатель КНР сделал это заявление в ответ на повторяющуюся критику Абэ относительно искусственных островов, построенных Китаем в Южно-Китайском море. Японский премьер, со своей стороны, ответил, что Япония заинтересована в развитии дальнейшего сотрудничества между двумя странами путем культивирования человеческих обменов. Рандеву лидеров продолжалось 4 минуты.

Такой диалог на ходу, конечно, не может заменить собой полноценный официальный саммит, на котором обсуждался бы весь спектр двусторонних отношений, в том числе вопросы безопасности и снижения напряженности в отношениях между Японией и Китаем. Произведённый в процессе вот уже трех скоротечных «мини саммитов» обмен общими фразами обе стороны подают как признаки улучшения двусторонних отношений. Причем японские аналитики усматривают в смягчении позиции Си Цзиньпина, «снизошедшего» до неформальных встреч с Абэ, желание использовать торгово-финансовые отношения с Японией для смягчения кризисных явлений, обрушившихся в 2015 году на экономику Китая. Этим же они объясняют тот факт, что проведенная 13 декабря 2015 года в Китае церемония памяти жертв Нанкинской резни была проведена в более сдержанных тонах. В частности, в отличие от аналогичного мероприятия прошлого года, в ней не участвовали Си Цзиньпин и другие высшие руководители КНР [30].

Кроме того, японские наблюдатели, отмечая определенный поворот Китая лицом к Токио, усматривают в нем тактическую хит-

рость китайского руководства, оказавшегося в определённой изоляции на международной арене в связи с его территориальной экспансией в Южно-Китайском море. Так, газета «Nikkei» в статье под названием «Почему Си заигрывает с Японией?» выдвигает гипотезу, что указанный поворот сделан по личному указанию Си Цзиньпина как следствие провала его встречи с Обамой в Вашингтоне в сентябре из-за тех же искусственных островов в указанном море. В этих условиях Си взял курс на улучшение отношений с соседними странами, включая Северную Корею. Ценность Японии для Си заключается, помимо всего, также в том, что она является союзником США и обладает большим влиянием на страны ЮВА. Однако газета не уверена, что такой сдвиг дипломатии Си в отношении Японии носит глубинный, а не косметический характер [31].

Действительно, как это на самом деле — покажет не столь отдаленное будущее. Пока же можно предположить, что, проигнорировав парад в Пекине, Абэ лишил себя возможности полноформатной и, без преувеличения, исторической встречи с Си и фактически отказался сделать большой шаг на пути к окончательному примирению Токио и Пекина. Как писала газета «Никкей» о причинах «невяжки» Абэ, для японского лидера было бы трудно стоять и улыбаться, в то время как другая страна выкатывает оружие, способное угрожать самому важному союзнику Японии (под оружием имеется в виду ракета-убийца авианосцев, а под союзником, естественно, США. — *В.К.*). И далее: «Япония и Китай, возможно, упустили шанс выправить их напряженные отношения. Но дверь для диалога не закрыта. Еще есть шанс для нового старта» [32].

Примечания

1. Nikkei. 15.08.2015.
2. Japan Times. 15.08.2015.
3. Japan Times. 15.08.2015.
4. Japan Times. 15.08.2015.
5. Асахи симбун. 01.09.2015.

6. Асахи симбун. 13.10.2015.
7. Асахи симбун. 19.08.2015.
8. Асахи симбун. 19.09.2015.
9. Japan Times. 07.12.2015.
10. Цит. по: Асахи симбун. 15.10.2015.
11. Асахи симбун. 12.12.2015.
12. Там же.
13. Асахи симбун. 12.10.2015.
14. Асахи симбун. 16.10.2015.
15. См.: *Стрельцов Д.В.* «Виктимность как часть послевоенной идентичности нации» // Российское японоведение сегодня. К 20-летию Ассоциации японоведов. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 38—45.
16. Асахи симбун. 27.11.2015.
17. Асахи симбун. 01.12.2015.
18. Цит. по: URL: <http://atimes.com/2015/10/china-envoy-blasts-japan-at-un-for-eva-ding-history/>
19. Op. cit.
20. Japan Times. 04.09.2015.
21. Japan Times. 07.09.2015.
22. Санкэй симбун. 19.09.2015.
23. Japan Times. 07.09.2015.
24. Асахи симбун. 05.09.2015.
25. Japan Times. 07.09.2015.
26. Асахи симбун. 20.12.2015.
27. Асахи симбун. 22.10.2015.
28. Цит. по: Асахи симбун. 15.10.2015.
29. Цит. по: Ёмиури симбун». 01.12.2015.
30. Асахи симбун. 14.12.2015.
31. Nikkei. 11.12.2015.
32. Nikkei. 21.09.2015.

АСМОЛОВ Константин Валерианович,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра корейских исследований ИДВ РАН

«НЕОДЕРЖАННАЯ ПОБЕДА» И КОРНИ АНТИЯПОНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МИФА ЮЖНОЙ КОРЕИ

Аннотация. Доклад посвящен последствиям поражения Японии во второй мировой войне, которые до сих пор оказывают влияние на современную южнокорейскую политическую жизнь. Рассмотрены корни анти-японского государственного мифа и причины, делающие споры вокруг него столь острыми и злободневными.

Ключевые слова. Японо-корейские отношения, национализм, Вторая мировая война, государственные мифы.

Konstantin Valerianovich Asmolov, Ph.D. (History), Lead Research Fellow of the Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies

Summary: The report focuses on the implications of the defeat of Japan in World War II, which still influence modern South Korean political life. It analyses the roots of anti-Japanese public myth and the reasons why controversy surrounding it is so sharp and actual.

Key words: Japan–Korea relations, nationalism, state mythology, victory over Japan.

Данная статья также посвящена последствиям поражения Японии во Второй мировой войне, которые до сих пор оказывают влияние на современную южнокорейскую политическую жизнь. Вот несколько примеров:

— Арест южнокорейского террориста (будем называть вещи своими именами), который пытался взорвать Храм Ясукуни, но получилось только с мужским туалетом при храме.

— Дебаты вокруг единого учебника истории, где самый убойный аргумент оппозиции заключается в том, что этот учебник будет обещать преступления Японии в колониальном прошлом и коллаборационистов, сотрудничавших с режимом [1].

— Специфическая критика генерала Пак Чжон Хи, которого оппозиционеры выставляют не только как диктатора, но и как японского элемента, чья программа модернизации была антинациональной и не соответствовала корням.

— Аналогичные обвинения летят и в президента Пак Кын Хе и ее окружение, воспринимаясь как нечто чрезвычайно болезненное, убойное и вроде бы однозначно вызывающее негативную реакцию масс. На уровне российских обвинений в фашизме, популярных в определенном сегменте Сети.

— Также можно вспомнить разгорающийся скандал вокруг видного деятеля правящей партии Ким Му Сона, отец которого оказался будто бы активным участником коллаборационистского движения.

Внешней аудитории не всегда понятно, что делает эти обвинения столь серьезными, тем более что Вторая Мировая война давно закончилась. И потому мы немного расскажем о том, какое место данные обвинения занимают в современном корейском государственном мифе и откуда они взялись.

На взгляд автора, это связано как с рядом щекотливых моментов корейско-японских отношений, сформировавших вполне определенный государственный миф, так и с противоречием между концептуальной составляющей понятия «победа» и тем, что случилось в южной части Кореи после августа 1945 г.

Немного разъясним термины. В трактовке автора «государственный миф» не имеет негативной коннотации и обозначает опреде-

ленный идеологический конструкт, навязывающий массам некие трактовки исторических событий. Трактовки эти редко бывают полностью выдуманнами, хотя разные варианты государственных мифов могут содержать больший или меньший процент полуправды.

Что же до понятия «победа», особенно если речь идет о победе в национально-освободительном движении против иностранных колонизаторов, то «по умолчанию» в это понятие входит несколько смыслов. Да, победа означает поражение колонизаторов и освобождение страны. Но кроме этого подразумеваются еще, как минимум, два важных момента. *Во-первых*, освобождение означает не только уход или разгром оккупантов, но и ликвидацию всех структур, которые были ими созданы, наказание их пособников, способствовавших угнетению. На месте старого общества строится нечто новое, свое, лишненное чужеродного компонента. *Во-вторых*, победа в национально-освободительном движении предполагает, что это движение сыграло решающую или хотя бы важную роль в освобождении страны.

Чтобы понять, насколько разной бывает победа, рассмотрим под данным углом зрения государственный миф современной Польши. Здесь польским националистам есть, чем похвастаться. Борьба против фашистов ими действительно велась. Однако, в целом, с точки зрения итогов войны, миф польских националистов преподносит итоги войны не как освобождение и возрождение государства, а как замену одного недружественного режима другим: поражение немцев советскими войсками не оказалось тождественно победе поляков. И хотя советский режим позиционируется как менее недружественный, он все равно чужой.

Вернемся к Корею и начнем с колониального периода: описывая таковой, корейский государственный миф упирает на два постулата. Первый заключается в том, что это были черные года, когда Япония угнетала и унижала корейский народ всеми возможными способами. Второй постулат говорит о том, что подавляющее большинство корейского народа если не открыто, то, как минимум, в душе сопротивлялось подобным порядкам, и если какие-то коллаборационисты и были, то ими являлась незначительная кучка национальных предателей.

Действительно, японскую политику на Корейском полуострове, особенно в течение последнего десятилетия, можно смело назвать термином «этноцид». Выстраивая Великую восточноазиатскую сферу сопроцветания, в рамках которой корейцы должны были играть роль «японцев второго сорта», оккупационные власти проводили последовательный курс на уничтожение корейской национальной идентичности. Корейцев принуждали менять фамилии на японские, японский язык вытеснял корейский и преподавался в школах как «родная речь», и любые попытки заниматься национализмом карались быстро и неоправданно жестоко. Доходило до того, что японцы распространяли в Корее *синто*, для принятия которого надо быть именно японцем.

Возможно, не случись освобождения, корейская национальная идентичность могла бы быть серьезно утрачена, но поражение Японии во Второй мировой войне оборвало этот процесс. Тем не менее, увы, не всегда понятно, когда речь идет о на самом деле уничтоженном наследии, а когда налицо «изобретенная традиция», в которой «оккупанты всё уничтожили» — универсальное оправдание отсутствия исторических подтверждений. Благо современные корейские националисты очень часто рассуждают о том, что у них была великая древняя культура/боевые искусства/духовные традиции, но злые японцы уничтожили почти все — от носителей до источников, и поэтому предлагается верить тем разрозненным и не всегда достоверным доказательствам, которые «остались». На колониальное наследие привычно списываются даже некоторые современные проблемы типа недостатка демократии. Японцам приписывают даже ритуальное истребление на полуострове всех тигров или вбивание свай в геомантически активные точки — разумеется, для того, чтобы сломить корейский национальный дух.

С точки зрения автора, многое в подобном мифотворчестве доходит до смешного, если бы некоторые практики не выглядели бы как целенаправленное воспитание ненависти. В этом контексте можно, например, отметить присутствующие в ряде южнокорейских музеев диорамы, где с массой натуралистичных подробностей демонстрируются пытки японцами корейских патриотов, в роли кото-

рых обычно выступают красивые молодые девушки. К этим диораммам постоянно подводят экскурсии школьников, в том числе — школьников младших [2].

С другой стороны, поскольку из Кореи делали эрзац-Японию, а в 1942 г. статус Кореи даже приравнивали к статусу Метрополии, японцы, в отличие от европейских колониальных стран, очень много и активно вкладывались в модернизацию региона. Это и делает спор о месте японского правления в корейской истории неприятным и дискуссионным. С одной стороны, японцы вроде бы как «выпили всю воду из нашего крана». С другой, — именно они построили водопровод, благодаря чему, в частности, средняя продолжительность жизни увеличилась вдвое.

Конечно, с точки зрения самих японцев они не занимались модернизацией Кореи. Они вкладывались в территорию, которая в будущем должна была стать полноправной частью «Большой Японии» и почти ею стала. Корейский националистический миф не любит об этом говорить, но в рамках Великой восточноазиатской сферы процветания корейцы как эрзац-японцы стояли ниже японцев, но выше остальных. В Китае, например, из них формировали вспомогательные полицейские части [3], а вторжение в Маньчжурию отчасти оправдывалось необходимостью защиты корейского населения после так называемого Ваньбаошаньского инцидента.

Более того, хотя национально-освободительное движение продолжало существовать (правда, в основном, за пределами страны), внутри Кореи появилась и лоялистски настроенная прослойка. В современной корейской историографии эту прослойку обычно называют *чхинильхва* (кор. — прояпонская фракция).

В узком смысле, это были люди, занимавшие при японцах высокие посты, обязанные им богатством или шедшие добровольцами в японскую полицию или армию (известны даже корейцы, записывавшиеся в камикадзе) [4]. Многие из них ранее были активистами движения за независимость, например, Ли Кван Су, который в 1919 г. был автором одной из Деклараций Независимости Кореи, а в 1930-е оказался одним из наиболее активных сторонников смены корейских имен на японские.

В широком смысле — это люди, которые родились и выросли при новом порядке, говорившие на японском как на втором родном, или, как минимум, хорошо его знавшие, и привыкшие воспринимать японские поведенческие нормы. Воспитанные при новом режиме, они представляли собой поколение, которое могло любить или не любить японцев, но, в определенной мере, было пропитано их ценностями.

Теперь о национально-освободительном движении. Организованное и вооруженное сопротивление (как коммунистическое, так и националистическое) было фактически выдвинуто за пределы полуострова. К этому добавлялась фракционная борьба, в результате которой ни у коммунистов, ни у националистов не было единого центра национально-освободительного движения.

Временное правительство Корейской Республики под руководством Ким Гу, хотя и предпринимало максимальные усилия по консолидации национально-освободительного движения и созданию полноценной армии, не воспринималось великими державами как общенациональное правительство в изгнании [5]. А корейские коммунисты после ликвидации корейской компартии в 1928 г., как правило, вступали в КПК и становились как бы китайскими коммунистами корейской национальности. Добавим к этому то, что при всех заслугах Ким Ир Сена и его соратников, к 1942 г. сопротивление в Маньчжурии практически прекратилось.

В результате, когда Советский Союз вступил в войну на Дальнем Востоке, сопротивление японских войск окончилось через считанные дни, и получилось так, что освобождение Кореи не оказалось заслугой самих корейцев. Из-за этого корейский националистический миф страдает определенным комплексом, связанным с тем, что, хотя формально корейцы освободились сами (в смысле, без чьей-то прямой помощи), ощущения настоящей победы, которым можно заслуженно гордиться — нет. Даже те корейские вооруженные формирования, которые готовились принять участие в войне с Японией под своим флагом, не успели это сделать, заслужив победу в глазах народа. Их представители появились на полуострове позднее, чем иностранные войска, и если на Севере Ким Ир Сен был

хотя бы представлен и поднят на щит как легендарный партизанский командир, политические расклады в южной части полуострова были иными.

Начнем с того, что армия США, которой южная часть Кореи досталась по разделу, добралась туда три недели спустя капитуляции. При этом промежуток между капитуляцией японских войск и прибытием на полуостров американских не был периодом хаоса и безвластия. Японские власти должны были найти кого-то, кто бы гарантировал отсутствие погромов японского населения и синтоистских храмов в Корее. Правые националисты на контакт с ними не пошли, и договариваться пришлось с левыми, в результате чего Южная Корея в течение этих недель находилась формально в состоянии двоевластия. С одной стороны, японский аппарат никуда не исчез, но не имел реальной власти, с другой — со временем была провозглашена Корейская Народная Республика, в руководстве которой доминировали скорее левые. Соединенные Штаты эту структуру не признали (как не признали и временное правительство Ким Гу) и установили свою военную администрацию.

И какая же это «победа корейского народа»? Сначала произошло поражение Японии, к которому корейские националисты прямого отношения не имели. Потом японцы передали власть левым националистам, но этот процесс был прерван установлением американской военной администрации. На классическую «победу» это не похоже.

Более того, не случилось в Южной Корее и комплекса мер по ликвидации колониального наследия, которые можно было бы сравнить с денацификацией в Германии или иными вариантами ситуации, когда все вызывавшие неприятие простого народа пособники оккупантов, были бы благополучно покараны.

Причин, грубо говоря, было две — политическая и кадровая. Политическая причина заключалась в том, что на фоне начинающейся «холодной войны» главным противником американской военной администрации оказывались левые, причем «руку Коминтерна» видели там, где ее нет. Любая левая активность, в первую очередь связанная с остатками Корейской Народной Республики

(создавшей в стране сеть Народных комитетов), казалась американкам инспирированной Пхеньяном и Москвой. В этой борьбе нужно было искать союзников в правом лагере и опираться на репрессивные структуры — а они по понятным причинам состояли из японских прихвостней.

Кадровая же причина была связана с тем, что японцы практически не готовили инженеров и управленцев из местного населения. Таковых было немного, все они принадлежали к ненавистным *чхинильхва*, и когда после освобождения Кореи японское население перебралось на острова, как советские, так и американские войска столкнулись с серьезным кадровым кризисом: надо было где-то взять большое количество компетентных специалистов.

На северной половине вопрос решили просто — *чхинильхва*, к вящей радости народа, были репрессированы, а на их места были присланы по разнарядке советские корейцы, которые внесли очень значительный вклад и в восстановление промышленности, и в восстановление государства. Но у властей США не было такой возможности. К тому же в Штатах не хватало компетентных специалистов, которые могли «отделить Корею от Японии», и до определенного времени Соединенные Штаты были уверены в том, что, как и в Японии, в Корее можно сохранить все местные структуры власти и опираться на них.

В результате, решение, которое они приняли, было «лучшим из худших». Раз у нас нет замены, оставим тех, кто есть. И вплоть до образования Республики Корея силовые структуры и значительная часть чиновников оказались под управлением *чхинильхва*.

Но как это выглядело в глазах масс? «Немцы ушли, но бургомистр и полицаи никуда не делись, и от безнаказанности начали наглеть пуще прежнего». Понятно, что это только подстегнуло неприятие или ненависть к «национальным предателям», однако американские власти видели в этом левом недовольстве только происки коммунистов, что усиливало порочный круг взаимного противостояния.

Нет, периодически новая южнокорейская власть обещала наказывать национальных предателей. Это пытался сделать даже первый

президент Республики Корея Ли Сын Ман, который был ярким националистом и антияпонистом. Для люстрации был даже создан специальный комитет, однако выяснилось, что заменять люстрируемых некем; что большая часть силовиков относится к *чхинильхва* и потому саботируют кампанию, что окончательная люстрация изменит баланс сил в пользу левых, чего Ли крайне не хотелось. В итоге, кампания была свернута, всерьез задев только тех политиков, которые представляли опасность для политических амбиций Ли.

Более того, поскольку главным политическим врагом Ли Сын Мана были левые, в борьбе с ними он вынужденно оперся на тех же *чхинильхва*, которые продолжали составлять костяк силовых структур. А потом случилась Корейская война, и принцип «враг моего врага — мой друг» снова оказался востребованным. Тем более что и до нее беженцы с Севера, принадлежавшие к *чхинильхва* и перешедшие на Юг чтобы избежать репрессий, были безусловными антикоммунистами и верной опорой режима [6].

Частично в качестве психологической компенсации яростный антияпонизм был при Ли Сын Мане не меньшим элементом государственной идеологии, чем яростный антикоммунизм. Собственно говоря, и сегодня очень сложно заявлять о наличии в Корее «прояпонских кругов», если понимать под таковыми прояпонские настроения в привычном смысле этих слов: декларированная ориентация на Японию как на образец, превознесение японских политики и культуры, оправдание под тем или иным предлогом японских действий в Корее. Скорее корейские националисты записывают в «прояпонские элементы» всех, кто демонстрирует «недостаточно восторженный образ мыслей».

Теперь перейдем к генералу Пак Чжон Хи, пришедшему к власти в результате военного переворота, человеку, правление которого можно смело назвать диктатурой, но, при этом, отцу корейского экономического чуда и той Кореи, которую мы видим сейчас. Споры вокруг роли этой личности в истории РК чрезвычайно напоминают российские споры вокруг Сталина — как по остроте, так и по характеру аргументов.

Нельзя сказать, что Пак был типичным представителем *чхинильха*, хотя, в свое время он пошел добровольцем в японскую армию. Был в его жизни и серьезный период увлечения коммунистическими идеями [7], но, с точки зрения воспитания и ценностей, Пак был типичным представителем поколения, воспринимавшего японский как второй родной. И, хотя он, безусловно, не был поклонником Японии с точки зрения превознесения колониального периода, модернизация страны, во многом, проводилась им по японскому образцу. Это касается и организации промышленности, и системы образования, и некоторых элементов идеологии.

Боле того, радикально пойдя против общественного мнения 60-х, Пак совершил поступок, который, в стратегическом плане, принес стране много политических и экономических выгод: в 1965 г. он установил дипломатические отношения с Японией. Корея получила возможность лавировать между Штатами и Японией, а японские компенсации за колониальное прошлое, и инвестиции в корейские рынки, стали одной из немаловажных причин формирования чуда на реке Ханган.

Понятно, что корейским националистам горько признавать, что «японский фактор» был одной из (не решающей, но заметной) составляющих корейского экономического чуда. Оттого те националисты, для которых любые заимствования из Японии это — «кость в горле», критикуют Пака даже за поставленный при нем памятник адмиралу Ли Сун Сину, победителю Имчжинской войны. Потому что традиция памятников историческим лицам, видите ли, японская, а в Корее национальных героев принято увековечивать по-другому.

При этом надо отметить, что хотя Пак Чжон Хи во многом заимствовал японский опыт (заметим — наряду с советским или северокорейским), это делалось без реверансов в сторону Японии. Во-первых, Пак был скорее прагматиком, чем собственно прояпонским элементом, а во-вторых, на выбор его стратегии накладывала отпечаток культурная среда, в которой он рос. Открытых послаблений в антияпонском идеологическом курсе при нем не было. И хотя в быту Пак оставался поклонником японской музыки, формально она

была запрещена, и открыто японские эстрада и кино (а не их корейские римэйки, которые копировали каждый успешный хит) появились в Корее только в конце 1980-х.

Это важно, так как, несмотря на личные пристрастия Пака, антияпонизм оставался основой корейского государственного мифа, — как при нем, так и впоследствии, до сегодняшней поры. Похвалить Японию, пусть даже косвенно, для южнокорейского политика или ученого равносильно самоубийству. Вот два характерных примера.

В свое время очень известный политолог Хан Сын Чжо, выступая в целом с антироссийским заявлением, указал, что победа Японии в русско-японской войне была для Кореи лучше. Окажись Корея в российской зоне влияния, после революции 1917 г. она могла бы быть коммунизирована, и тогда бы мы все жили, как в Северной Корее. Хан хотел сказать, что Япония для Кореи была лучше России, но общественное мнение услышало только «Япония лучше», оскорбилось, после чего некогда уважаемого профессора уволили отовсюду, а его блог и почту завалили гневными и оскорбительными комментариями.

Другой пример — Мун Чан Гык, политик, которого Пак Кын Хе в 2014 г. прочила в премьер-министры. Как только выяснилось, что в 2007 г. (т. е. за 7 лет до того) он в каком-то выступлении назвал японскую колонизацию «божьим даром Корее», это стало достаточным поводом для кампании протестов, благодаря которой Мун взял самоотвод, ибо себе дороже.

Правда, надо помнить, что этот антияпонизм обращен на абстрактную Японию или японские власти, а не японцев вообще, «особенного конкретно вот этого». Для японца, оказавшегося в Корее, вероятность влипнуть в неприятности, связанные с его национальностью, невелика. Но на некоторые эксцессы в отношении Японии власти предпочитают смотреть сквозь пальцы, если это выглядит как «справедливое возмущение народа».

Характерна история с Ким Ки Чжоном, который в начале 2015 г. изрезал лицо американскому послу. Дело в том, что этот националистический активист ранее атаковал посла Японии, бросив в него два куска бетона и ранив кого-то из сопровождения. Несмотря на то,

что в РК это было первое покушение на дипломата такого ранга, дело было на фоне очередного витка обострения противоречий по поводу острова Токто, так что Ким получил условный срок и оставался вхож в правительственные кабинеты, руководя организацией, в обязанности которой входило разъяснение молодежи японских преступлений. Видимо, это и подтолкнуло его к мысли, что атака посла США также останется без серьезных последствий.

Зато корейский антияпонизм сопрягается с традиционным отношением к истории, когда на события древности принято пенять и поминать их при каждом случае. Когда у нас в течение недавних лет случались размолвки с Францией, никто не устраивал многотысячных митингов с лозунгами «Не простим Наполеону сожжение Москвы!» и символическим топтанием французских булок. В Корее же подобные действия проходят регулярно.

При этом дело доходит до курьезов, когда на фоне очередного обострения вокруг островов Токто корейские националисты в знак протеста забили молотком двух, как они думали, японских фазанов. Однако выяснилось, что, проявив невежество, они перепутали и забили представителей того вида фазанов, который обитает именно в Корее.

Между тем, в Японии отношение к истории и особенно историческим претензиям другое. *Во-первых*, на многие события у них уже свой взгляд, естественно, не совпадающий с корейским. *Во-вторых*, там отношение к истории иное, и страницы прошлого давно перевернуты. Считается, что Япония уже за все заплатила, и ее преступления искуплены как извинениями и компенсациями, так и атомными бомбардировками. Поэтому в постоянных извинениях нужды нет: что было, то было, но хватит тыкать нас преступлениями наших дедов. Естественно, такое поведение Японии только распалает антияпонский миф.

Переходим к выводам: не одержав в свое время заслуженной победы над Японией и ее приспешниками, корейский националистический миф пытается скомпенсировать свой «незавершенный гештальт», связанный и с местом Японии в корейской истории, и с личностью Пак Чжон Хи — выходца из *чхинильхва*, который, конечно,

построил новую Корею, но какую-то не ту. В тени своего отца находится и дочь, которая, после смерти матери в 1974 г., какое-то время заменяла первую леди, а потом — сделала успешную карьеру в рамках правоконсервативного тренда, и ныне является президентом РК. И хотя политические взгляды дочки существенно отличаются от отцовских, левые поминают ей папу при каждом удобном и неудобном случае. Яблоко от яблони, и вообще, тоже национальный предатель.

Кстати, достать Пак через ее отца пытались еще десять лет назад. Тогда относящийся к условно левым президент Но Му Хен попытался начать весьма популистскую кампанию по люстрации и конфискации имущества «национальных предателей» и их потомков. Естественно, что дочь генерала Пака (уже тогда видный деятель в правом лагере) была первой в этом расстрельном списке, однако и эта кампания потерпела неудачу по двум причинам. *Во-первых*, международное сообщество и общественное мнение РК восприняли идею наказания в демократической стране детей за преступления отцов с некоторым непониманием (чай, не сталинский Союз, и не Северная Корея), а *во-вторых*, потомки предателей обнаружались и среди лиц, близких к президенту Но.

Какова вероятность, что «70 лет спустя национальные предатели все-таки будут покараны» или корейское общество перерастет указанный комплекс? Пока она невелика, а, значит, в ближайшем будущем тема *чхинильхва* точно не сойдет с политической арены.

В завершение хочется сделать важную ремарку относительно реакции России и российских историков на попытки их вовлечения в корейско-японские исторические споры. Да, там где японские новые правые однозначно извращают исторические факты, им надо давать развернутый и аргументированный отпор. Но это не должно означать бездумное присоединение к южнокорейскому мифологическому тренду, который зачастую манипулирует фактами с не меньшей безапелляционностью.

На взгляд автора, историк, занимающий объективную позицию, должен помнить про обе стороны японского господства. Оставаясь за рамками двойственной логики, пропаганды, в парадигме которой любой, кто пытается не рисовать этот период исключительно чер-

ными красками, немедленно записывается в апологеты империи, готовые оправдывать любые совершенные ей преступления.

Как гласит китайская поговорка, «не стоит пририсовывать змее ноги». Потому что чудовищная ложь о преступлении легко разоблачается, но при этом в рамках двойственной логики это разоблачение ведет к тому, что чудовищная правда об этом тоже воспринимается как очередная пропагандистская поделка. Кому-то такое сравнение может показаться кощунственным, но иногда корейская тенденция списывать на японское наследие все прошлые и текущие проблемы в сочетании с требованиями все новых извинений и компенсаций напоминает политику некоторых постсоветских стран в отношении России, которая занимает роль ужасного колонизатора в их государственных мифах.

Обратим внимание и на то, что корейский национализм имеет и определенную антирусскую/антисоветскую направленность. В рамках этого дискурса Россия воспринимается как не меньший враг, чем Япония, включая рассуждения об утраченных территориях Великой Кореи, в которые входят как Маньчжурия/Цзяньдао, так и Приморье.

Примечания

1. Применительно к подобным лицам в Корее существует термин «*чихинильпха*» (кор. прояпонская фракция).

2. Сравним подобное смакование с практикой европейских музеев (как пример, Музей Варшавского восстания в Варшаве), где подобный шок-контент стараются разными способами оградить от детей.

3. Отсюда, кстати, ранняя презрительная кличка корейцев в КНР — «*гаоли банцзы*» (корейская палка).

4. Если сравнивать число активных участников сопротивления с числом активных лоялистов (куда можно отнести тех, кто шел добровольцами в японскую армию или сделал карьеру в силовых структурах), цифры эти могут оказаться близкими.

5. Отдельно отметим раскольническую роль Ли Сын Мана, который, с одной стороны, формально представлял это правительство в Америке, а с другой —

вел подковерную работу, объясняя, что его легитимность невелика, и потому ставку надо делать на него лично, а не на центральное руководство.

6. Достаточно вспомнить, какую роль в подавлении восстания на острове Чечжу (равно как и в его разжигании своими действиями до того как оно началось) и иных карательных акциях сыграли представители т.н. Северо-Западного Молодежного Общества.

7. Согласно одной из версий, Пак принимал участие в прокоммунистическом военном мятеже, по итогам которого был приговорен к смертной казни, но помилован по ходатайству американских военных советников.

Научное издание

**Советский Союз и Япония
во Второй мировой войне:
участие и последствия**

Выпускающий редактор *С.А. Суднищикова*
Корректор *С.А. Суднищикова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 26.10.2016.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 11,5. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).
Заказ № 11

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:
Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.